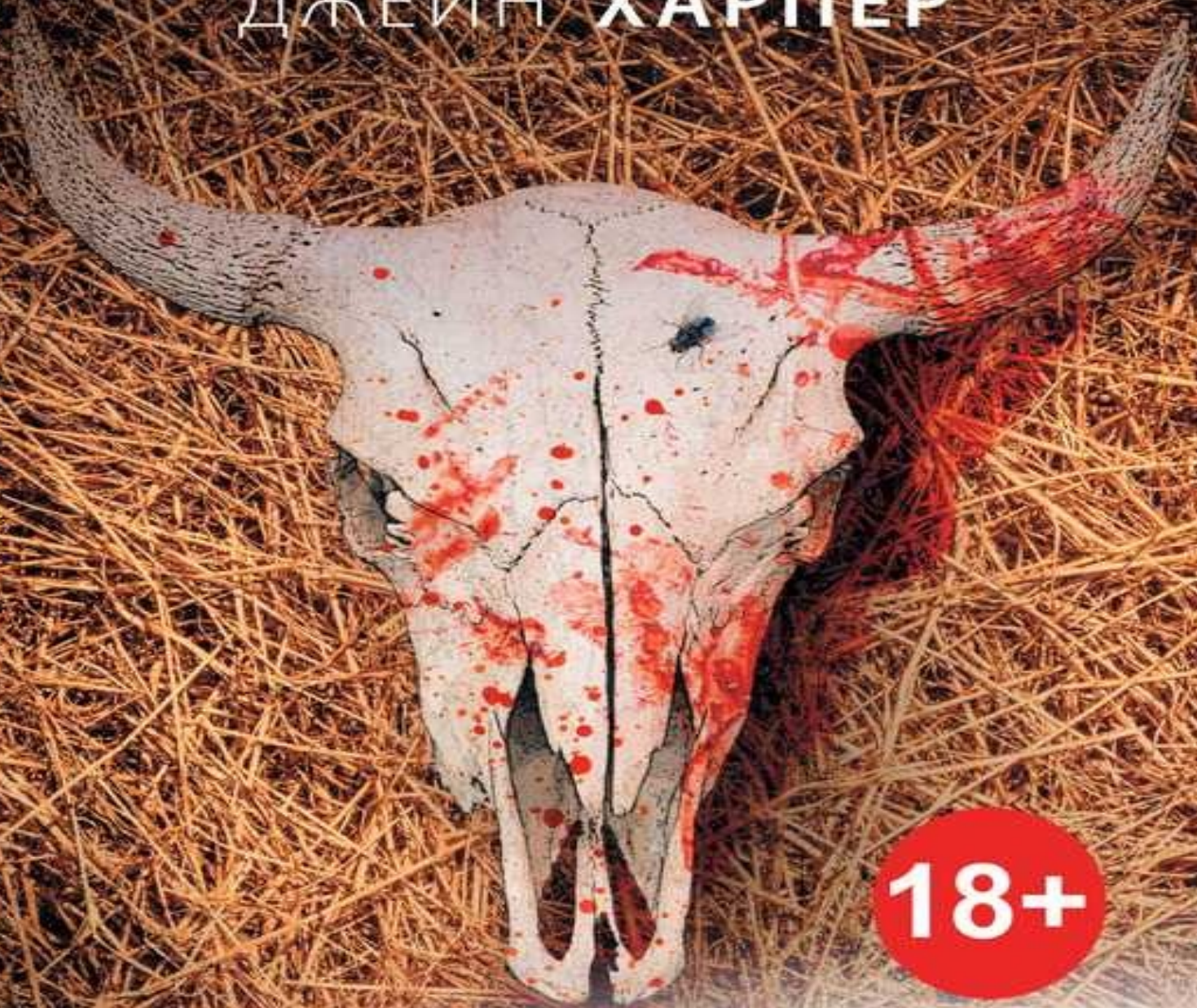

ДЖЕЙН ХАРПЕР

18+

ЗАСУХА

*Книга переведена
более чем на 20 языков*

Джейн Харпер

Засуха

Роман

*Моим родителям, Марку и Хелен, которые
всегда мне читали*

Jane Harper

«The Dry»

© Jane Harper, 2016

© Ильина Е., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Ферма и раньше видела смерть, а мухи дискриминации не признают. Для них нет особой разницы между тушей и трупом.

Тем летом засуха избаловала мух обилием выбора. Они разборчиво выискивали немигающие глаза и мокнущие раны, истощенный скот Кайверры все продолжал падать под пулями фермеров. Нет дождя — нет корма. А отсутствие корма означало трудные решения, в то время как маленький городишко день за днем плавился под обжигающе-голубыми небесами.

— Погода переломится, — говорили фермеры, а месяцы, один за другим, складывались в год, а потом и во второй. Они все повторяли эти слова друг другу, вслух, как мантру. И — шепотом — про себя, как молитву.

Но синоптики Мельбурна придерживались иного мнения. Облаченные в костюмы, исполненные сочувствия, они вскользь упоминали о засухе, стоя в кондиционированной студии часов около шести вечера. Худшие погодные условия за сто лет. Подтверждено официально. У погодных условий было имя, которое до сих пор не совсем было понятно, как произносить. Эль Ниньо.

По крайней мере, мухи были довольны. Хотя сегодняшние их находки были необычны. Не такие крупные, и с гладкостью плоти. Да какая разница. В главном различий не было. Пустые глаза. Влажные раны.

Самым свежим был труп на поляне. Мухам потребовалось чуть больше времени, чтобы отыскать те два, что были внутри дома, хотя дверь была гостеприимно распахнута. Те, что отправились на разведку вглубь дома, миновав угощение в прихожей, были вознаграждены, обнаружив еще одно в спальне. Это, второе, было не таким крупным, но зато и конкуренции было поменьше.

Явившись первыми, довольные мухи роились на жаре, а кровь разливалась, застывая черными лужами на плитке и на ковре. Снаружи, под палящими лучами солнца, на сушилке-вертушке неподвижно висело белье, сухое и твердое, как кость. Брошенный детский самокат валялся на выложенной камнями дорожке. В радиусе километра от фермы билось всего одно человеческое сердце.

Поэтому никто не отозвался, когда в глубине дома начал плакать

младенец.

Глава первая

Даже тем, чья тень не падала на порог церкви от одного Рождества до другого, было ясно: мест, чтобы всем рассестись, на этой панихиде не хватит. У входа уже образовалась небольшая черно-серая пробка, когда Аарон Фальк подъехал в облаке пыли и осыпавшихся листьев.

Собравшиеся соседи теснились на крыльце, стараясь незаметно оттереть друг друга локтями; образовав воронку, толпа постепенно всасывалась в церковь. Напротив, через дорогу, роились репортеры.

Фальк припарковал свой седан рядом с чьим-то пикапом, тоже выдавшим виды, и заглушил мотор. Подребезжав напоследок, кондиционер умолк, и салон немедленно начал нагреваться. Фальк позволил себе лишнюю секунду, чтобы оглядеть толпу, хотя на самом деле времени у него не было. Он еле тащился от самого Мельбурна, умудрившись растянуть пятичасовую поездку до шести часов с небольшим. Довольный, что не заметил ни единого знакомого лица, он выбрался из машины. Предвечерняя жара обернулась вокруг него, как душное одеяло. Рывком отворив заднюю дверь и попутно обжегшись, он достал из машины пиджак. Поколебавшись, прихватил с заднего сиденья и шляпу. Широкополая коричневая шляпа совсем не сочеталась с его черным костюмом. Но, будучи обладателем синевато-белой кожи цвета снятого молока, которая на шесть месяцев в году покрывалась канцерогенного вида веснушками, Фальк был внутренне готов к последствиям нарушения дресс-кода.

Ему, бледному с рождения, с короткой щетиной светлых, почти белых волос и невидимыми ресницами, часто казалось, что вот уже тридцать шесть лет австралийское солнце пытается что-то до него донести. Послание это проще было игнорировать среди длинных теней Мельбурна, чем в Кайверре, где тень была преходящей роскошью.

Фальк быстро глянул на дорогу, ведущую обратно из города, потом — на часы. Панихида, поминки, одна ночь — и его здесь нет. Восемнадцать часов, подсчитал он. Не больше. Ухватившись за эту мысль, он двинулся к толпе у входа, придерживая одной рукой шляпу: внезапный порыв горячего ветра заставил плясать подошвы.

Внутри церковь оказалась даже меньше, чем ему помнилось. Стиснутый плечами незнакомых ему людей, Фальк позволил течению

отнести себя вглубь. Он заметил свободное местечко у стены и устремился к нему, втиснувшись рядом с фермером в туго обтягивающей живот рубашке. Тот кивнул ему, а потом вновь уставился прямо перед собой. Рукава у него замялись в локтях: их явно недавно подворачивали.

Фальк снял шляпу и начал потихоньку обмахиваться. Не удержавшись, огляделся по сторонам. Лица, которые поначалу казались незнакомыми, вдруг словно попали в фокус, и он ощутил — вопреки всякой логике — порыв удивления, натываясь взглядом на морщинки, седые пряди и лишние килограммы.

Мужчина постарше, сидевший двумя рядами ближе к выходу, поймал взгляд Фалька, кивнул, и они обменялись печальными улыбками. Как же его звали? Фальк попытался вспомнить. Сосредоточиться никак не удавалось. Вроде учитель. Фальку почти удавалось представить его себе у доски, перед классом, как он бодро пытается вселить в скучающих тинейджеров интерес к географии, или к поделкам из дерева, или к чему там еще. Но воспоминание продолжало ускользать.

Мужчина кивнул на скамью рядом, давая понять, что мог бы подвинуться, но Фальк вежливо покачал головой и опять отвернулся. Он старался избегать вежливых разговоров даже в самой располагающей обстановке. А эту обстановку назвать располагающей было трудно.

Господи, каким же маленьким был тот гробик в середине. То, что он стоял между двумя гробами обычного размера, только ухудшало дело. Если это дело вообще можно было ухудшить. Детишки помладше, с аккуратно зализанными волосами, теребили взрослых: «Смотри, пап, тот ящик, там цвета нашей команды». Ребята постарше, которые уже понимали, что находится внутри, просто смотрели на гроб в испуганном молчании, ерзая в душной школьной форме, и то и дело придвигались поближе к матерям.

С увеличенной фотографии над гробами глядела вниз, на собравшихся, семья из четырех человек. Чересчур широкие улыбки дробились на пиксели. Снимок был знаком Фальку по новостям. Журналисты им пользовались постоянно.

Под фотографией живыми цветами были выложены имена погибших.
Люк. Карен. Билли.

Фальк посмотрел на портрет Люка. В густых черных волосах проглядывала непривычная полоска проседи, и все же он выглядел лучше, чем большинство мужчин по ту сторону тридцати пяти. На вид он был старше, чем помнилось Фальку, но все-таки пять лет прошло. Уверенная ухмылка осталась неизменной, равно как и знающий взгляд. «Прекрасно

сохранился», — вот что первым делом приходило на ум. Три гроба утверждали обратное.

— Кошмарная трагедия, — прозвучал голос соседа-фермера. Словно ниоткуда. Руки скрещены на груди, кулаки крепко зажаты под мышками.

— Да, — сказал Фальк.

— Вы их хорошо знали?

— Не особенно. Только Люка... — на одно головокружительное мгновение Фальк заколебался, не зная, какое определение дать человеку, лежащему в самом большом из гробов. Лихорадочно шаря в уме, он наткнулся только на расхожие газетные клише. — ...Отца, — закончил он, наконец. — Мы с ним раньше дружили, когда были помоложе.

— Ну да. Мне известно, кто такой Люк Хэдлер. Думаю, теперь это каждому известно. Вы ведь все еще здесь живете, в округе? — Фермер чуть развернулся к Фальку всем своим крупным телом и впервые поглядел на него как следует.

— Нет. И давно уже.

— Н-да. Но такое ощущение, что я вас уже где-то видел. — Фермер нахмурился, пытаясь определить, кто перед ним такой. — Эй, вы ведь не один из этих сволочных журналистов?

— Нет. Я полицейский. В Мельбурне.

— Да ну? Устроили там правительству расследование, что они тут так все запустили. — Он кивнул в сторону гробов, где лежали тела Люка, его жены и шестилетнего сына. — Мы тут пытаемся страну прокормить, худшая погода за сто лет, а они все тряндят, что субсидии необходимо урезать. Как-то даже трудно винить несчастного ублюдка. Это е...

Тут он прервался. Оглядел церковь и продолжил:

— Долбанный стыд, вот что это такое.

Фальк ничего не сказал, и оба они принялись молча размышлять над некомпетентностью Канберры. Газетчики уже успели хорошенько потоптаться по всем возможным виновникам гибели семьи Хэдлеров.

— Вы, значит, расследовать сюда приехали? — Фермер кивнул в сторону гробов.

— Нет. Я здесь только в качестве друга, — ответил Фальк. — Не уверен, что тут осталось чего расследовать.

Он слышал ровно столько же, сколько и все остальные, — из новостей. Но, судя по комментариям журналистов, дело было предельно простым. Ружье, из которого были сделаны выстрелы, принадлежало Люку. То самое ружье, которое нашли на его теле засунутым в рот — точнее, в то, что от него осталось.

— Ну да. Наверное, — сказал фермер. — Я просто подумал, он твой друг и все такое.

— В любом случае я не по этой части работаю. Федеральная служба. Подразделение финансовой разведки.

— Это мне мало что говорит, дружище.

— Это просто значит, что я выслеживаю бабки. Все, что заканчивается на несколько нулей, если оно оказалось не там, где должно быть. Растраты, отмывание денег, все такое.

Фермер сказал что-то в ответ, но Фальк его не расслышал. Его взгляд скользнул мимо трех гробов на тех, кто сидел на передней скамье. Места для родных. Чтобы они могли сидеть впереди всех своих друзей и соседей, а те, в свою очередь, могли пялиться им в затылки и благодарить Господа, что сидят там, где сидят.

Двадцать лет прошло, и все же отца Люка Фальк узнал с первого взгляда. Лицо у Джерри Хэдлера было серое. Глаза будто утонули в глазницах. Он, как и полагается, сидел на передней скамье, но глядел при этом назад. Не на всхлипывающую рядом жену, не на три деревянных ящика, в которых лежали останки его сына, невестки и внука. Обернувшись, он смотрел прямо на Фалька.

Откуда-то сзади, из динамиков, донеслось несколько музыкальных нот. Начало службы. Джерри еле заметно кивнул, и Фальк бессознательно сунул руку в карман. Нащупал письмо, которое легло к нему на стол два дня назад. Восемь слов от Джерри Хэдлера, выведенных тяжелой рукой:

Люк солгал. Ты солгал. Будь на поминках.

Фальк первым отвел глаза.

Смотреть на фотографии было трудно. Одна за другой они всплывали на экране в беспощадном слайд-шоу. Люк — торжествующий юный футболист; ему нет еще десяти. Маленькая Карен прыгает через изгородь на пони. В их замороженных улыбках было что-то гротескное, и Фальк заметил, что не он один отводит глаза.

На экране возник новый снимок, и Фальк с удивлением узнал себя. Его собственное одиннадцатилетнее лицо, слегка не в фокусе, глядело с экрана. Они с Люком бок о бок, с голыми торсами, рты раскрыты, — гордо демонстрируют рыбешку, болтающуюся на леске. Они явно очень довольны. Фальк попытался вспомнить, когда был сделан этот снимок. У него не получилось.

Слайд-шоу продолжалось. Фотографии Люка, потом Карен, оба улыбаются так, будто не прекратят никогда, а потом опять Фальк. В этот

раз ему показалось, будто из груди разом выпустили весь воздух. По толпе пробежал шепоток, и стало понятно, что этот снимок задел за живое не его одного.

Он сам, в более молодом варианте, стоит рядом с Люком; длинные руки, длинные ноги, россыпь прыщей. Опять улыбки, но в этот раз их четверо. Рука Люка небрежно обвивает по-девичьи тонкую талию юной ослепительной блондинки. Рука Фалька нерешительно замерла над плечами второй девушки, с длинными черными волосами и темными глазами.

Фальк просто поверить не мог, что эту фотографию продемонстрировали вместе с остальными. Он бросил взгляд на Джерри Хэдлера, но тот с решительным видом глядел прямо перед собой. Фальк почувствовал, как фермер, стоявший рядом, пошевелился и отступил на точно рассчитанные полшага. Вот до него и дошло, подумал Фальк.

Он вынудил себя вновь взглянуть на фотографию. На четверку. На девушку, стоящую рядом с ним. Он смотрел в эти глаза, пока они не исчезли с экрана. Как был сделан этот снимок, Фальк помнил. Однажды днем, ближе к вечеру, в конце долгого жаркого лета. Это был хороший день. И это была одна из последних фотографий, где они были вместе, все вчетвером. Два месяца спустя темноволосой девушки не стало.

Люк солгал. Ты солгал.

Целую минуту Фальк пялился в пол. Когда он поднял глаза, время уже опять потекло дальше, и Люк с Карен формально улыбались со свадебной фотографии. Фальк был приглашен. Он уже и не помнил, под каким именно предлогом отказался приехать. Почти наверняка — работа.

Пошли первые фотографии Билли. Краснолицый младенец, растрепанный мальчонка постарше. Уже немного похож на папу. Стоит в шортиках у наряженной елки. Все трое наряжены монстрами, краска идет трещинками вокруг улыбок. Еще несколько лет прокручено вперед, и вот уже Карен, постарше, баюкает у груди новорожденного.

Шарлот. Та, кому повезло. Чье имя не стали выкладывать цветами. Как по заказу, Шарлот, которой было теперь тринадцать месяцев, начала орать на своем законном месте на передней скамье, на коленях у бабушки. Одной рукой Барб Хэдлер теснее прижала девочку к груди и начала нервно ее укачивать. Другой рукой она прижимала к лицу бумажную салфетку.

Фальку, который не был экспертом по младенцам, трудно было сказать, узнала ли Шарлот на фотографии свою мать. Или, может, ее просто взбесило, что приходится принимать участие в панихиде, хотя сама она

была очень даже жива. Она к этому привыкнет, — понял он. Выбора у нее особого не было. Ребенку, к которому навечно приклеен ярлык «единственная уцелевшая», спрятаться негде.

Музыка медленно умолкла, и последние фотографии появлялись на экране в неловком молчании. Все явно испытали облегчение, когда кто-то зажег свет. Пока священник, у которого были проблемы с весом, преодолевал две ступеньки, ведущие на кафедру, Фальк опять уперся взглядом в эти кошмарные гробы. Он думал о темноглазой девушке, о лжи, придуманной и заученной двадцать лет назад, когда в крови бурлили страх и подростковые гормоны.

Люк солгал. Ты солгал.

Насколько коротка была дорожка, ведущая от того решения к этому моменту? Вопрос этот зудел и ныл, как синяк.

Сидевшей впереди женщине в годах уже, видимо, было невмозможу смотреть вперед, и ее блуждающий взгляд упал на Фалька. Знакомы они явно не были, но она автоматически кивнула ему с печальным видом. Фальк отвел взгляд. Когда он опять поднял глаза, она все еще смотрела прямо на него. Внезапно нахмурившись, она повернулась к соседке, тоже пожилой даме. Фальку не нужно было уметь читать по губам, чтобы понять, о чем они шепчутся.

Фальков парень вернулся.

Вторая женщина стрельнула взглядом по его лицу и немедленно отвела взгляд. Еле заметным кивком подтвердила подозрения подруги. Наклонилась к соседке с другой стороны, что-то прошептала. У Фалька в груди начала оседать неуютная тяжесть. Он посмотрел на часы. Семнадцать часов. И он отсюда уедет. Опять. Слава тебе, господи.

Глава вторая

— Аарон Фальк, только попробуй свалить, черт тебя подери.

Фальк стоял у машины, борясь с искушением запрыгнуть внутрь и уехать. Большинство присутствующих уже отправились пешком туда, где должны были состояться поминки, — идти было недалеко. Фальк обернулся на голос и, вопреки всему, не смог сдержать улыбку.

— Гретчен, — произнес он, а она обняла его, прижавшись лбом к плечу. Он положил подбородок ей на макушку, и они стояли так долгую минуту, покачиваясь взад-вперед.

— Господи, как я рада тебя здесь видеть, — сказала она ему в рубашку приглушенным голосом.

— Как ты? — спросил он, когда она отодвинулась. Гретчен Сконер, пожав плечами, стянула с носа дешевые солнцезащитные очки и взглянула на него покрасневшими глазами.

— Так себе. На самом деле скорее плохо. А ты?

— Да все так же.

— Выглядишь ты уж точно так же. Все косишь под альбиноса, смотрю.

— Ты тоже не слишком переменялась.

Она фыркнула, но ее улыбка стала шире:

— За двадцать-то лет? Да ладно тебе.

Фальк не слишком-то и льстил. Гретчен все еще легко было бы узнать по тому снимку с четверкой подростков, что промелькнул в слайд-шоу во время службы.

Талия, которую обвивала на фотографии рука Люка, стала не такой хрупкой, и волосы ей теперь, наверное, приходилось красить. Но высокие скулы и синие глаза принадлежали все той же Гретчен. Брюки и блузка формального покроя были на тон светлее, чем надо бы для поминок, и ей в этом костюме явно было неловко. Фальк мельком подумал, одолжила ли она эти вещи или просто редко их носила.

Гретчен разглядывала его не менее пристально, и, когда их глаза встретились, она рассмеялась. И мигом помолодела.

— Пошли, — она взяла его под локоть. Прохладное прикосновение ладони. — Поминки в общинном центре. Вместе мы справимся.

Они направились вперед по дорожке, и Гретчен окликнула на ходу мальчишку, который тыкал во что-то палкой. Тот поднял взгляд и неохотно

оторвался от своего занятия. Гретчен протянула ему руку, но ребенок потряс головой и побежал вперед, размахивая палкой, будто мечом.

— Мой сын, Лэчи, — сказала Гретчен, глянув искоса на Фалька.

— Да. Ну конечно. — Фальку потребовалось мгновение, чтобы вспомнить: девушка, которую он знал, теперь была матерью. — Слышал, что у тебя родился ребенок.

— От кого слышал? От Люка?

— Должно быть, от него. Но уже довольно давно. Что довольно очевидно. Сколько ему сейчас?

— Всего пять, но половину времени он уже заводила.

Они молча смотрели, как Лэчи тычет своим мечом в невидимых врагов. У мальчика были широко расставленные глаза и вьющиеся волосы неопределенного темного цвета, но особого сходства с Гретчен в его довольно резких чертах Фальку разобрать не удалось. Он постарался вспомнить, упоминал ли Люк что-нибудь об отношениях Гретчен или о том, кто был отцом мальчика. Вроде бы нет. Ему хотелось думать, что уж это-то он бы запомнил. Фальк глянул на левую руку Гретчен. Кольца не было, но в нынешние времена это еще ничего не означало.

— Ну и как тебе семейная жизнь? — спросил он наконец, надеясь хоть что-то выяснить.

— Да нормально. С Лэчи иногда хватает хлопот, конечно, — тихо ответила Гретчен. — И мы с ним только вдвоем. Но он хороший парнишка. И мы справляемся. Пока, по крайней мере.

— Твои родители до сих пор на ферме?

Она потрясла головой.

— Господи, нет! Они решили уйти на покой, продали все еще восемь лет назад. Переехали в Сидней, купили крошечную квартирку за три квартала от сестры с детишками. — Она пожала плечами. — Говорят, им нравится. Городская жизнь. Папа на пилатес записался.

Фальк не смог удержаться от улыбки при мысли о суровом мистере Сконере. Как он пытается сосредоточиться на внутреннем «я», проделывая при этом дыхательные упражнения.

— И у тебя никогда не было соблазна последовать за ними.

Она сухо рассмеялась, обвела рукой дорожку под сенью иссохших деревьев:

— И бросить все это? Нет. Я слишком долго здесь жила, это уже в крови. Ну, ты знаешь, как это бывает. — Прикусив язык, она быстро глянула на него. — Или, может, не знаешь. Прости.

Фальк только отмахнулся.

— И чем же ты теперь занимаешься?

— Фермерствую, конечно. Ну, по крайней мере, пытаюсь. Пару лет назад купила местечко у Келлерманов. Овцы.

— Правда? — Это произвело на него впечатление. Ферма, о которой она говорила, считалась лакомым куском. По крайней мере, так обстояли дела в его юности.

— А ты? — спросила она. — Слышала, в полицию пошел?

— Ну да. Так и есть. На федеральную службу. И я все еще там.

Некоторое время они продолжали идти молча. С деревьев над их головами доносилось иступленное птичье чириканье. В точности как он помнил. Группки людей в черном казались кляксами на фоне пыльной дороги.

— Как тут вообще идут дела? — спросил он.

— Ужасно. — Это прозвучало, будто окончательный вердикт. Пауза. Гретчен постучала по губам нервным движением бывшего курильщика. — Уж казалось бы, хуже некуда. Все трясется из-за денег и из-за засухи. Потом произошло вот это с Люком и его семьей, и это так плохо, Аарон. Так плохо. Это в воздухе висит. Все мы тут ходим, как зомби. Никто не знает, что делать, что говорить. Следим друг за другом. Пытаемся сообразить, кто сломается следующим.

— Господи.

— Да. Ты себе даже не представляешь.

— Вы с Люком все еще близко общались?

Гретчен помедлила с ответом. Сжала губы.

— Нет. Много лет уже. Не так, как когда мы были все вчетвером.

Фальк вернулся мыслями к фотографии. Люк, Гретчен, он сам. И Элли Дикон, с ее длинными черными волосами. Как же они дружили. Тесно, как бывает только в те годы, когда веришь, что друзья даны тебе судьбой и ничто никогда вас не разлучит.

Ты солгал. Люк солгал.

— Но вы-то с ним оставались на связи? — спросила Гретчен.

— То да, то нет. — Это, по крайней мере, было правдой. — Встречались время от времени за пивом, когда он бывал в Мельбурне, ну, в этом роде. Времени свободного становилось все меньше, понимаешь? У него семья, у меня — работа.

— Да все в порядке, тебе не нужно оправдываться. Мы все тут чувствуем себя виноватыми.

Общинный центр был полон народу. На крыльце Фальк замешкался, и

Гретчен потянула его за руку.

— Ладно тебе, все будет в порядке. Большинство тут тебя даже не вспомнит.

— Тех, кто вспомнит, будет достаточно. Особенно после той фотографии в церкви.

Гретчен сочувственно поморщилась.

— Да, понимаю. Я тоже была в шоке. Но, слушай, людям тут и так есть о чем побеспокоиться, кроме тебя. Просто не высывайся. Выйдем через заднюю дверь.

Не дожидаясь ответа, она подхватила Фалька за рукав одной рукой, сына — другой и повела внутрь, с легкостью лавируя в толпе. В помещении стояла страшная духота. Кондиционер центра старался изо всех сил, но эта битва была проиграна заранее. Все больше народу искало пристанище в тени, под крышей. Люди с серьезным видом переходили от группки к группке, держа на весу пластиковые стаканчики и тарелки с шоколадным риппл-кейком ^ш.

Гретчен пробиралась через толпу, прокладывая им дорогу к французским дверям, через которые настигнутая клаустрофобией толпа выплескивалась на выдавшие виды детскую площадку. У изгороди им удалось найти клочок тени, а Лэчи побежал попытать удачи на раскаленной горке.

— Тебе не нужно стоять рядом со мной, если это может опорочить твое честное имя, — сказал Фальк, поглубже надвинув шляпу на лоб, чтобы прикрыть лицо.

— Ой, да ладно тебе. Тем более, у меня это и у самой прекрасно получается.

Фальк обвел площадку взглядом, заметив пожилую пару, которая, как ему показалось, могла быть когда-то друзьями отца. Они беседовали с молодым офицером полиции, который, облаченный в полную форму и сапоги, потел под обжигающими лучами солнца. Они с Фальком обменялись вежливым кивком, и его потный лоб блеснул на солнце.

— Эй, — сказал Фальк. — Уж не он ли заменил Барбериса?

Гретчен проследила за его взглядом.

— Ага. Ты слышал о Барберисе?

— Конечно. Очень грустно. Помнишь, как он нас до смерти запугивал историями про детей, которые баловались с уборочной техникой?

— Да уж. Этот его сердечный приступ мог случиться еще двадцать лет назад.

— И все же. Какая жалость, — искренне сказал Фальк. — Так кто этот

новый парень?

— Сержант Рако, и если тебе показалось, что он не в своей тарелке, — это потому, что так оно и есть.

— Что, так плох? Мне показалось, он неплохо ладит с людьми.

— Да на самом деле я не знаю. Он здесь и пяти минут не пробыл, когда это все случилось.

— Врагу бы не пожелал оказаться в подобной ситуации в свои первые пять минут.

Ответ Гретчен прервало внезапное оживление у французских дверей. Толпа уважительно расступилась, что бы пропустить Барб и Джерри Хэдлеров, которые только что выбрались наружу, моргая от солнечного света. Крепко держась за руки, они переходили от одной группки к другой. Пара слов, объятия, стоический кивок, следующий.

— Ты когда с ними в последний раз разговаривал? — прошептала Гретчен.

— Двадцать лет назад, не считая прошлой недели, — ответил Фальк. Он ждал. Когда Джерри их заметил, он был все еще на той стороне площадки. Бесцеремонно высвободившись из объятий какой-то полной дамы, он оставил ее с распростертыми в воздухе руками.

Будь на панихиде.

Вот Фальк и здесь, как ему и было сказано. И теперь он смотрел, как отец Люка направляется прямиком к нему.

Гретчен среагировала первой, перехватив Джерри с объятиями. Их с Фальком глаза встретились над ее плечом; зрачки у Джерри были огромные, глаза блестели. Фальк мельком задумался, не принял ли он что-то, чтобы выдержать этот день. Когда Гретчен его отпустила, Джерри протянул Фальку руку, крепко сжав его ладонь горячими пальцами.

— Значит, все-таки добрался, — сказал он нейтральным тоном; Гретчен рядом переминалась с ноги на ногу.

— Добрался, — ответил Фальк. — Я получил твоё письмо.

Джерри продолжал глядеть ему прямо в глаза.

— Верно. Что ж, я подумал — важно, чтобы ты был здесь. Ради Люка. И я не был уверен, что ты сюда выберешься, приятель ^[2].

Последняя фраза тяжело повисла в воздухе.

— Как же иначе, Джерри, — Фальк кивнул. — Это важно — быть здесь.

Сомнения Джерри имели под собой почву. Неделями раньше Фальк сидел за рабочим столом, молча уставившись на фотографию Люка в

газете, когда зазвонил телефон. Прерывающимся голосом, который Фальк не слышал уже двадцать лет, Джерри сказал ему, когда и где состоится поминальная служба. «Там и увидимся», — сказал он безо всякой вопросительной интонации. Старательно избегая взглядом пикселей, из которых складывались глаза Люка, Фальк промямлил что-то о загруженности на работе. Через два дня пришло письмо. Джерри, должно быть, отправил его, как только повесил трубку.

Ты солгал. Будь на поминках.

Той ночью Фальку не спалось.

Они оба неловко покосились на Гретчен. Та, нахмурившись, смотрела на «паутинку», по которой не слишком уверенно карабкался ее сын.

— Ты в городе на ночь остановился, — сказал Джерри. Вопросительная интонация опять отсутствует, отметил про себя Фальк.

— Над пабом.

Над детской площадкой повис вопль, и Гретчен досадливо фыркнула.

— Черт. Так я и знала, что к этому идет. Простите. — И она убежала. Джерри схватил Фалька за локоть и развернул прочь от толпы. Руки у него тряслись.

— Нам надо поговорить. До того, как она вернется.

Фальк высвободил руку точным, незаметным движением, постоянно ощущая спиной толпу. Не зная, кто здесь и кто смотрит.

— Бога ради, Джерри, да что тебе нужно? — Он вынудил себя принять, как он надеялся, более расслабленную позу. — Если это какой-то шантаж, то сразу могу тебе сказать, что это не прокатит.

— Что? Господи, Аарон. Нет. Ничего подобного. — Джерри явно был шокирован. — Если бы я хотел заварить кашу, я бы сделал это еще годы назад, разве нет? Да я рад был оставить эту историю в покое. Господи, я был бы счастлив! Но теперь — как я могу? С этим? Карен и Билли мертвы, а ему еще даже семи не было.

На этом голос у него прервался.

— Слушай, ты уж прости насчет письма, но мне нужно было, чтобы ты приехал. Я должен знать.

— Что знать?

В ослепительном солнечном свете глаза Джерри казались почти черными.

— Убивал ли Люк до этого.

Фальк погрузился в молчание. Он не спросил у Джерри, что тот имел в виду.

— Знаешь... — Джерри осекся, увидев, что к ним направляется официального вида дама. Та сообщила, что священнику нужно поговорить с Джерри. Если возможно, прямо сейчас.

— Господи, это сумасшедший дом какой-то, — раздраженно бросил Джерри. Дама кашлянула и придала своим чертам терпеливое мученическое выражение. Он повернулся обратно к Фальку. — Придется идти. Я тебе позвоню.

Он потряс Фальку руку, задержав ее в своей на мгновение дольше, чем это было необходимо.

Фальк кивнул. Он все понимал. Джерри, какой-то сгорбленный и сжавшийся, последовал за дамой. Гретчен, утешив сына, вернулась обратно к Фальку. Стоя рядом, они смотрели, как Джерри уходит.

— Выглядит он ужасно, — сказала она тихо. — Слышала, он тут наорал вчера в супермаркете на Крэйга Хорнби, тот якобы легкомысленно отозвался о ситуации или что-то вроде того. Что-то не похоже на Крэйга, они же пятьдесят лет уже дружат.

Фальк представить себе не мог, чтобы кто угодно легкомысленно отозвался об этих трех кошмарных гробах, не говоря уж о стоическом молчуне Крэйге.

— Неужели Люк совершенно не подавал никаких признаков? — Он просто не смог удержаться.

— Каких, например? — Муха села Гретчен на губу, и та раздраженно ее смахнула. — Бегал по главной улице с ружьем наперевес, крича, что убьет жену и ребенка?

— Господи, Гретч, я ж только спросил. Думал, может, у него депрессия была или что-то еще.

— Прости. Это все жара. От нее все только хуже. — Она помедлила. — Понимаешь, мы тут в Кайверре все уже на пределе. Каждый. Но, честное слово, нельзя сказать, что Люку приходилось хуже, чем кому-либо другому. По крайней мере, никто этого не замечал. Или не говорил о том, что заметил.

Гретчен замолкла. Вид у нее сделался отрешенный и мрачный.

— Хотя трудно сказать, — продолжила она. — Все так злы. Но не то чтобы они злились конкретно на Люка. Такое ощущение, что даже у тех, кто возмущается больше всех, нет к нему ненависти за то, что он сделал. Странно как-то. Будто они завидуют.

— Чему?

— Да он сделал то, на что они решиться не могут. Так мне кажется. Потому что он-то отсюда выбрался, верно? Мы, все остальные, остались

здесь гнить, а ему больше не приходится беспокоиться ни об урожае, ни о пропущенных выплатах по кредиту, ни о том, пойдет дождь или нет.

— Отчаянное решение, — сказал Фальк. — Забрать с собой семью. Как там справляются родные Карен?

— Насколько я слышала, родных у нее не осталось. Ты с ней знаком?

Фальк потряс головой.

— Единственный ребенок, — сказала Гретчен. — Родители умерли, когда она была еще только подростком. Она переехала сюда, к тете, и та умерла несколько лет назад. Такое ощущение, что Карен была Хэдлер во всем, кроме как по крови.

— Вы с ней дружили?

— В общем-то, нет. Я...

От французских дверей донесся звон вилки по бокалу. Люди один за другим замолкали и разворачивались лицом туда, где рука об руку стояли Джерри и Барб Хэдлер. В окружении всей этой толпы они казались ужасно одинокими.

Теперь они остались вдвоем, неожиданно дошло до Фалька. Когда-то у них была дочь — недолго. Она родилась мертвой, когда Люку было три. Если они и пытались завести ребенка после этого, у них ничего не получилось. Вместо этого они вложили всю свою энергию в единственного сына, который рос здоровым и крепким.

Барб кашлянула; ее взгляд метнулся по толпе.

— Мы хотели поблагодарить вас всех за то, что пришли. Люк был хорошим человеком.

Это прозвучало слишком громко и слишком быстро, и она крепко сжала губы, словно для того, чтобы не дать вырваться чему-то еще. Пауза затянулась, повисла, стала неловкой, но все продолжала тянуться. Джерри безмолвно вперил взгляд в землю. Барб с видимым трудом разлепила губы и глотнула воздуха.

— А Карен и Билли были чудесными. То, что случилось, — она сглотнула, — ужасно. Но я надеюсь, что со временем вы сможете вспоминать Люка как следует. Каким он был до этого. Он был другом многим из вас. Хорошим соседом, усердным работником. И любил свою семью.

— Да, пока он их не грохнул.

Слова, долетевшие из задних рядов, были сказаны негромко, но многие головы резко развернулись. Фальк тоже посмотрел. На перекрестье возмущенных взглядов оказался крупный мужчина за сорок, не в лучшей форме. Он сложил руки на груди; рукава футболки натянулись на

бицепсах, жира в которых было явно больше, чем мышц. Рожа у него была красная, украшенная неопрятной щетиной; и вызывающий вид хулигана, который привык, чтобы его все боялись. Он пялился в ответ на каждого, кто повернулся, чтобы его пристыдить, и люди по одному отводили глаза. Барб и Джерри, кажется, ничего не слышали. С поганой овцы — хоть шерсти клок, подумал Фальк.

— Кто это трепло? — прошептал он. Гретчен удивленно взглянула на него.

— Ты что, не узнал его? Это Грант Доу.

— Ты шутишь. — Фальк почувствовал, что волосы у него на затылке встают дыбом, и отвернулся. Он-то помнил поджарого двадцатипятилетнего парня с мускулами, как канаты. Этот тип выглядел так, будто два десятка лет не прошли для него даром. — Он так изменился.

— Все такой же образцовый придурок. Не беспокойся. Не думаю, что он тебя заметил. Иначе ты бы об этом узнал.

Фальк кивнул, но головы больше не поворачивал. Барб начала плакать, что было воспринято собравшимися как знак, что речь окончена. Люди, в зависимости от испытываемых ими чувств, инстинктивно потянулись к Барб или отступили назад. Фальк и Гретчен остались на месте. Подбежал сын Гретчен и зарылся лицом в ее брюки. С некоторым усилием она подхватила его, усадив на бедро; он положил голову ей на плечо и зевнул.

— Вот этому, думаю, пора домой, — сказала она. — Когда ты обратно в Мельбурн?

Фальк посмотрел на часы.

Пятнадцать часов.

— Завтра, — сказал он вслух.

Гретчен вскинула на него взгляд и кивнула. Потом шагнула поближе и притянула к себе свободной рукой. Спина Фальк чувствовал жар солнца, грудью — тепло ее тела.

— Хорошо было тебя опять повидать, Аарон. — Синие глаза обежали его лицо, будто стараясь запомнить. Она чуть грустно улыбнулась. — Может, лет через двадцать увидимся еще.

Он смотрел ей вслед, пока она не исчезла из виду.

Глава третья

Фальк сидел на краю кровати, апатично наблюдая за средних размеров тарантулом, примостившимся на стене. Стоял ранний вечер; солнце уже зашло, но температура, кажется, практически не упала. Приняв душ, он переоделся в шорты, и теперь дешевое хлопковое покрывало неприятно покалывало его влажные ноги. Со стоявшего в душе кулинарного таймера-яйца свисало суровое объявление, призывающее ограничить омовение тремя минутами. Чувство вины возникло уже после двух.

Сквозь пол приглушенно доносились звуки паба; иногда чей-то неразборчивый голос казался ему смутно знакомым. Какой-то крошечной его части было любопытно посмотреть, кто же там собрался, но вниз спускаться совершенно не хотелось. Шум внезапно прервался звоном разбитого стакана. Ненадолго наступила тишина, потом последовал взрыв глумливого гогота. Тарантул слегка передвинул одну ногу.

Фальк подпрыгнул, когда на тумбочке рядом с кроватью пронзительно и фальшиво зазвонил телефон. Звонок застал его врасплох, но удивления не было. Скорее, ощущение, что он ждет этого уже несколько часов.

— Алло?

— Аарон Фальк? У меня для вас звонок. — Бармен говорил гулким басом с легким шотландским акцентом. Фальк вызвал в памяти его внушительную фигуру: два часа назад он без всяких комментариев принял у Фалька кредитку в обмен на ключ от номера.

Раньше Фальк никогда его не видел, но был уверен, что подобное лицо он не забыл бы. Сильно за сорок, широкоплечий, с густой бородой оранжевого цвета, бармен, по догадке Фалька, был бэкпэкером, который решил немного задержаться, а потом еще и еще. Никакой реакции, когда Фальк назвал свое имя, кроме явного недоверия, что кому-либо понадобилось использовать паб для целей, не связанных напрямую с потреблением алкоголя.

— А кто звонит? — спросил Фальк, хотя уже догадывался.

— Задай этот вопрос сам, — отвечивал бармен. — Если тебе нужна служба сообщений, мой друг, надо было выбрать заведение пошкарнее. Соединяю.

На мгновение линия замолчала, потом Фальк услышал дыхание в трубке.

— Аарон? Ты здесь? Это Джерри. — Голос у отца Люка был усталый.

— Джерри. Нам надо поговорить.

— Да. Давай, приезжай к нам. По-любому Барб хочет с тобой потолковать. — Джерри назвал адрес. Последовала долгая пауза, потом — тяжелый вздох. — И слушай-ка, Аарон. Она про письмо не знает. И про все эти дела. Давай оно так и останется, ладно?

Двадцать минут спустя Фальк, следуя указаниям Джерри и вдоволь напетлявшись по мрачным сельским дорогам, въехал на подъездную дорожку. Лампочка над крыльцом бросала оранжевые отсветы на дом, аккуратно обшитый вагонкой. Он припарковался, и дверь в доме со скрипом отворилась. На пороге возник приземистый силуэт Барб. Секундой позже за ее плечом встал Джерри, и его более длинная тень легла на подъездную дорожку. Поднимаясь по ступенькам, Фальк заметил, что они до сих пор в той же одежде, в какой были на поминальной службе. Только теперь она вся была мятой.

— Аарон. Господи, как давно я тебя не видела. Спасибо, что приехал. Заходи, — прошептала Барб, протягивая ему свободную руку. Другой она крепко прижимала Шарлот к груди, энергично ее укачивая. — Прости уж насчет ребенка. Не засыпает. Никак не успокоится.

Насколько Фальк видел, Шарлот крепко спала.

— Барб, — Фальк наклонился над ребенком, чтобы ее обнять. — Как я рад тебя видеть.

Долгую секунду она не выпускала его из объятий, и, чувствуя у себя на спине ее полную руку, он почувствовал, как внутри у него что-то отпустило. Запах ее спрея для волос — легкие цветочные нотки — был тот же самый, как в те времена, когда она все еще была для него миссис Хэдлер. Когда они выпрямились, он впервые смог как следует взглянуть на Шарлот. Личико у нее было красное, и, казалось, ей было не совсем удобно в слишком тесных объятиях бабушки. Лобик у нее собрался в хмурые морщинки, и это выражение неожиданно, до дрожи, напомнило Фальку ее отца.

Он шагнул в залитую светом прихожую, и Барб внимательно оглядела его сверху донизу; глаза у нее немедленно порозовели. Потянувшись, она теплыми пальцами прикоснулась к его щеке.

— Надо же. Ты почти совсем не изменился, — сказала она. Фалька охватило иррациональное чувство вины. Он знал, что рядом с ним она представила себе другого подростка. Барб всхлипнула и промокнула слезы бумажной салфеткой, осыпав блузку белыми пушинками. Не обращая на это внимания, она повела его по коридору, увешанному семейными

фотографиями, которые они оба тщательно проигнорировали. Джерри последовал за ними.

— Как уютно вы тут устроились, Барб, — сказал Фальк из вежливости. Она всегда очень гордилась своим хозяйством, но теперь, глядя вокруг, он замечал здесь и там признаки небрежения. На столике в углу теснились грязные чашки, помойное ведро было переполнено, на столе лежала гуда нераспечатанных конвертов. Все здесь говорило о гнете растерянности и печали.

— Спасибо. Нам хотелось найти себе что-то небольшое, чтобы легко было управляться, после того... — На секунду она замолчала. Сглотнула. — После того, как мы продали ферму Люку.

Они прошли на открытую террасу, выходящую в маленький, ухоженный садик. Под ногами поскрипывали разошедшиеся доски террасы; ночь немного смягчила безжалостную дневную жару. Аккуратно подстриженные кусты роз все были безнадежно мертвы.

— Я пыталась поливать их использованной водой. Но жара их все-таки достала. — Она указала Фальку на плетеное кресло. — Мы видели тебя в новостях; Джерри тебе говорил? Пару месяцев назад. Про те фирмы, которые вкладчиков надували. Уводили у них сбережения.

— Дело Пемберли, — сказал Фальк. — Да, тот еще был скандал.

— Они хвалили тебя, Аарон. По телевизору и в газетах. Ты вернул людям их деньги.

— Только часть. Часть к тому времени давно испарилась.

— Ну, они говорили, что ты — молодец. — Барб похлопала его по коленке. — Твой папа гордился бы тобой.

Фальк помолчал.

— Спасибо.

— Нам было так жаль, когда мы услышали, что он умер. Рак — такая мерзкая штука.

— Да.

Кишечник, шесть лет назад. И это была нелегкая смерть.

Джерри, подпиривший спиной косяк, открыл рот впервые с тех пор, как приехал Фальк.

— Я пытался поддерживать связь, знаешь ли. После того, как вы уехали. — В его нарочито-небрежном тоне прозвучали нотки обиды. — Писал твоему отцу, позвонить пытался пару раз. Ответа так и не дождался. Пришлось сдать в конце концов.

— Что ж поделаешь, — ответил Фальк. — Он не особенно поддерживал контакты с Кайверрой.

Это еще мягко было сказано. Но все сделали вид, что пропустили мимо ушей.

— Выпьешь? — Не дожидаясь ответа, Джерри исчез в доме и почти сразу вернулся с тремя стаканчиками виски. Подавив изумление, Фальк принял из его рук свой. Он никогда не видел, чтобы Джерри пил что-либо, кроме светлого пива. К тому времени, как стакан оказался у него в руках, лед уже начал таять.

— Твое здоровье, — запрокинув голову, Джерри сделал большой глоток. Фальк ждал, когда он поморщится. Этого не произошло. Фальк вежливо отпил виски и отставил стакан. Барб с отвращением глядела в свой.

— Вообще-то не надо бы пить такое, когда рядом ребенок, Джерри, — сказала она.

— Дорогая, ну сколько можно! Ребенку плевать. Да для этого гребаного мира ее все равно что нет, — сказал Джерри. Возникла кошмарная пауза. В залитом тьмой саду фоном гремели ночные насекомые. Фальк прочистил горло.

— Как ты сама-то, Барб?

Опустив взгляд, она погладила Шарлот по щеке. Потрясла головой, и на лицо спящей девочки упала слеза.

— Совершенно очевидно, — начала Барб, потом остановилась. Зажмурилась; открыла глаза. — То есть *совершенно очевидно*, что Люк этого не делал. Он никогда бы такое не сделал. Ни с собой. И уж точно ни со своей чудесной семьей.

Фальк глянул на Джерри. Тот все стоял в дверях, сверля взглядом полупустой стакан.

Барб продолжала:

— Я говорила с Люком за пару дней до того, как это случилось. И с ним все было в полном порядке. Правда, он был совершенно нормальным.

Фальк не знал, что на это ответить, поэтому просто кивнул. Барб восприняла это как знак одобрения.

— Видишь, ты понимаешь, потому что ты хорошо его знал. Но остальные-то, здешние. Они не такие. Просто верят всему, что им говорят.

Фальк прикусил язык, решив не упоминать, что он не видел Люка последние пять лет. Они оба посмотрели на Джерри, который продолжал внимательно изучать свой напиток. С той стороны помощи ждать не приходилось.

— Поэтому-то мы и надеялись... — Барб, поколебавшись, оглянулась. — ... *Я* надеялась, что ты можешь нам помочь.

Фальк глядел на нее во все глаза.

— В чем именно помочь, Барб?

— Ну, узнать, что случилось на самом деле. Чтобы обелить имя Люка. И ради Карен и Билли. И Шарлот.

На этом она принялась качать Шарлот на руках, глядя ее по спинке и издавая успокаивающие звуки. Ребенок все так же спал.

— Барб, — Фальк наклонился вперед и положил ей ладонь на свободную руку. На ощупь та была влажной и лихорадочно горячей. — Мне страшно жаль, что все так случилось. Жаль вас всех. Люк тогда был мне как брат. Ты это знаешь. Но я не тот человек, который нужен для таких дел. Если у тебя есть подозрения, тебе нужно обратиться в полицию.

— Мы обратились к тебе. Ты — полицейский.

— В полицию, где есть профессионалы, которые занимаются подобного рода вещами. Я больше этого не делаю. Ты это знаешь. Я теперь по финансовой части. Счета, деньги.

— Именно. — Барб кивнула.

Джерри издал неопределенный горловой звук.

— Барб думает, что тут замешаны денежные проблемы. — Он явно пытался сказать это нейтральным тоном, но ему не удалось.

— Да. Именно так я и думаю, — резко ответила она. — Почему тебе так трудно в это поверить, Джерри? У него ж деньги не задерживались. Если у Люка был доллар, он спускал два, чтобы уж наверняка.

Правда ли это, задумался Фальк. Он никогда не замечал, чтобы Люк так уж охотно запускал руку в карман.

Барб снова повернулась к нему.

— Понимаешь, десять лет я была убеждена, что мы правильно поступили, продав ферму Люку. Но вот эти две последние недели я все беспокоилась, может, мы только повесили ему камень на шею. Кто знает, с этой-то засухой? Тут все в отчаянном положении. Он запросто мог одолжить у кого-то денег. Может, не смог отдать долг. Может, кто-то, кому он должен был денег, приехал и нашел его.

Наступило молчание. Фальк потянулся за своим стаканом и сделал глоток. Виски было теплым.

— Барб, — сказал он наконец. — Может, впечатление было и другое, но те, кто занимался расследованием, правда учли все эти возможности.

— Учли, как же, — резко бросила Барб. — Они и знать ничего не хотели. Приехали из Клайда, поглядели разок, сказали: «Ну да, еще один фермер слетел с катушек», и на этом — все. Дело открыто, дело закрыто. Раз-два, очень удобно. Прямо видно было, о чем они думают. Одни поля да

овцы. Да чтобы жить здесь, уже надо быть наполовину психом. Только что вслух этого не говорили.

— Они прислали отряд из Клайда? — спросил Фальк. Он был несколько удивлен. Клайд был ближайший город с полностью укомплектованным полицейским участком. — Так это был не местный? Как там его зовут?

— Сержант Рако. Нет. Он к тому времени был тут всего неделю или около того. Они прислали кого-то.

— Вы сказали Рако о своих подозрениях?

У нее сделался упрямый вид.

— Вот мы тебе говорим.

Джерри поставил стакан на стол с таким стуком, что они оба подпрыгнули.

— Ну ладно, думаю, мы сказали, что хотели, — произнес он. — Долгий был день. Давай дадим Аарону возможность все хорошенько обдумать. Разложить все по полочкам. Пойдем, приятель, я тебя провожу.

Барб открыла было рот, будто хотела возразить, но, встретив взгляд Джерри, промолчала. Положила Шарлот на свободное кресло и притянула Фалька в слегка влажные объятия.

— Просто подумай об этом. Пожалуйста. — Ее горячее дыхание обдало ему ухо, и он почувствовал слабый запах алкоголя. Барб уселась обратно, подхватила на руки Шарлот и начала энергично ее укачивать, пока младенец не открыл, наконец, глаза с раздраженным воплем. И, глядя девочку по спинке и приглаживая ей волосики, Барб впервые улыбнулась. Уже из коридора Фальк услышал, как она фальшиво напевает какую-то колыбельную.

Джерри проводил Фалька до самой машины.

— Барб хватается за последнюю ниточку, — сказал Джерри. — Забрала себе в голову, что это — работа какого-то мифического долгового коллектора. Чепуха это. Люк знал, как обращаться с деньгами. Ему приходилось нелегко, да, как и всем остальным. И, бывало, он шел на риск, но всегда в пределах разумного. Да в любом случае всю бухгалтерию на ферме вела Карен. Она бы сказала. Дала бы нам знать, если бы дела пошли настолько плохо.

— Так что ты думаешь?

— Я думаю... Думаю, последнее время на него слишком много навалилось. И как ни больно мне это говорить, — правда, меня это просто убивает, — я думаю, что это именно то, чем оно кажется. И я хочу знать, есть ли тут часть моей вины.

Фальк привалился к машине. Голова у него гудела.

— Давно ты знаешь? — спросил он.

— Что Люк солгал, когда давал тебе алиби? Все это время. Сколько это будет, лет двадцать с небольшим? В тот день, когда это случилось, я видел Люка. Он ехал на велосипеде, один. Совсем не там, где вы, ребята, сказали, что вы были. — Он помолчал. — Никогда никому об этом не рассказывал.

— Я не убивал Элли Дикон.

Где-то рядом, скрытые тьмой, верещали цикады.

Джерри кивнул, глядя вниз, себе под ноги.

— Аарон, если бы я хоть на секунду подумал, что ты это сделал, я бы не стал молчать. Почему, как ты думаешь, я ничего не сказал? Это бы тебе жизнь сломало. Подозрения висели бы над тобой *годы*. И дали бы они тебе поступить в полицию? Люка бы это тоже подвело под статью, за то, что солгал. И все ради чего? Девочка все равно была мертва. Очевидно, покончила с собой, и знаю, так думал не я один. Вы, ребята, никакого отношения к этому не имели. — Джерри ковырнул ботинком землю. — По крайней мере, я так думал.

— А теперь?

— Теперь? Господи. Не знаю, что и думать. Я всегда считал, что Люк солгал, чтобы защитить тебя. Но теперь у меня убита невестка, убит внук, а ружье все в отпечатках моего собственного сына, который тоже мертв.

Джерри провел рукой по лицу.

— Я любил Люка. Защищал бы его до конца. Но Карен и Билли я тоже любил. И Шарлот. Я бы сошел в могилу, повторяя, что мой сын просто не мог совершить такое. Но вот голос у меня в голове все шепчет: *Это правда? Ты уверен?* Так что я спрашиваю тебя. Здесь. Сейчас. Люк дал тебе алиби, чтобы защитить тебя, Аарон? Или он солгал, чтобы защитить себя?

— Никто никогда не говорил, что Люк мог быть в ответе за то, что случилось с Элли, — сказал Фальк осторожно.

— Нет, — ответил Джерри. — И не в последнюю очередь потому, что вы друг друга прикрыли, а? Мы с тобой оба знали, что он солгал, но ни ты, ни я ничего не сказали. Так вот в чем вопрос: значит ли это, что кровь невестки и внука — у меня на руках?

Джерри склонил голову, и тени скрыли его выражение.

— Вот о чем тебе надо бы спросить себя, прежде чем ты сбежишь, поджав хвост, в Мельбурн. Я и ты — мы с тобой оба скрыли правду. Если я виновен, то и ты — тоже.

Дорога обратно, в паб, казалось, прибавила в длине. Фальк включил

дальний свет, и фары вырезали во мраке два белых конуса. У него было ощущение, что на много миль вокруг никого, кроме него, нет. Впереди — пустота, позади — пустота.

Он почувствовал, как под колесами что-то тошнотворно хрустнуло, кажется, даже раньше, чем увидел расплывчатое пятнышко, метнувшееся через дорогу. Кролик. Вот он есть, а вот его нет. Он рефлекторно нажал на тормоз, но запоздал — на тысячу кило веса и восемьдесят километров в час. Тормозить или нет — разницы никакой. Ощущение было такое, будто его толкнули в грудь. И этот толчок будто высвободил что-то у Фалька в мозгу. Воспоминание, которое не всплывало в памяти уже много лет, вдруг скользнуло на поверхность.

Дрожавший у Люка на руках крольчонок был совсем еще маленький. Ногти у Люка были совершенно черные. Обычное дело. У восьмилетних обитателей Кайверры был не слишком богатый выбор развлечений по выходным. Они неслись сломя голову, наперегонки в высокой траве, сами не зная куда, и вдруг Люк остановился как вкопанный. Он наклонился между высоких стеблей и секунду спустя уже держал на руках крошечное существо. Аарон подбежал посмотреть. Они гладили крольчонка, и каждый говорил другому не давить слишком сильно.

— Я ему нравлюсь. Он мой. — сказал Люк. *Всю обратную дорогу, до дома Люка, они спорили насчет имени.*

Они нашли картонную коробку, положили туда своего нового любимца и нависли над ним, чтобы как следует разглядеть. Кролик иногда чуть вздрагивал под их пристальным взглядом, но в основном лежал совершенно тихо. Страх, маскирующийся под покорность.

Аарон побежал внутрь, за полотенцем, чтобы выстелить коробку. Это заняло у него больше времени, чем он рассчитывал, и когда он вновь выбежал на яркое солнце, Люк стоял неподвижно. Руку он держал в коробке. Услышав Аарона, он резко оглянулся и быстро выдернул руку из коробки. Аарон медленно подошел, не до конца понимая, что он видит, чувствуя только желание оттянуть момент, когда надо будет заглянуть в коробку.

— Он умер, — сказал Люк. *Его губы были крепко сжаты. На Аарона он не глядел.*

— Почему?

— Не знаю. Просто взял и умер.

Аарон спросил еще пару раз, но ответ всегда был один и тот же. Крольчонок лежал на боку, такой пушистый, совершенно целый, но

неподвижный, и глядел на мир пустыми черными глазами.

«Просто подумай об этом», — сказала ему Барб, когда Фальк уходил от них. Вместо этого, ведя машину по бесконечным сельским дорогам, с не обсохшей на колесах кровью животного, Фальк не мог перестать думать об Элли Дикон и их неразлучной четверке. Был ли у Элли такой же отсутствующий взгляд, когда ее легкие целиком заполнила вода?

Глава четвертая

Желтая полицейская лента все еще висела обрывками на дверях дома Хэдлеров, вспыхивая в лучах утреннего солнца. Фальк припарковался рядом с полицейским автомобилем на полоске высохшей травы перед домом. Солнце еще не добралось до высшей точки, но, когда Фальк выбрался из машины, его кожу уже слегка покалывало от жары. Он надел шляпу и посмотрел на дом. Расспрашивать дорогу ему не пришлось. В детстве он проводил в этом доме столько же времени, сколько в своем собственном.

Люк мало что здесь изменил, с тех пор как поселился в доме родителей, подумалось Фальку, пока он держал палец на кнопке звонка. Изнутри дома донесся знакомый перезвон, и внезапно его охватило чувство, будто он перенесся назад во времени. Уверенность, что нахальный шестнадцатилетний парень вот-вот распахнет дверь, была настолько сильной, что он чуть не отступил на шаг.

Ни единого движения. Закрытые занавесками окна глядели на него, как пара слепых глаз.

Большую часть ночи Фальк провел в размышлениях о том, что сказал ему Джерри. Утром он позвонит Джерри и скажет, что сможет задержаться в городке на день или два. Только до выходных. Сейчас был четверг. На работе его ждут в понедельник. Но пока он зайдет на ферму Люка. Поглядит, что там с финансами, как просила Барб. Это было самое меньшее, что он мог сделать. Джерри, судя по его тону, придерживался того же мнения. Это было буквально самое меньшее, что мог сделать Фальк.

Фальк подождал секунду, потом пошел в обход здания. Огромное синее небо нависало над желтыми полями. Вдали проволочная изгородь сдерживала напор спутанной, неопрятной массы буша. И Фальк в первый раз заметил, насколько изолированным местом была эта ферма. В дни его молодости здесь бурлила жизнь. До дома его детства рукой было подать — пара минут на велосипеде — и все же он был где-то за горизонтом.

Оглянувшись вокруг, он увидел всего еще один дом: приземистое серое строение, расплзшееся по склону холма.

Дом Элли.

Фальк подумал, ее отец и двоюродный брат, должно быть, живут там до

сих пор, и инстинктивно отвернулся. Бродя по двору, он, наконец, наткнулся на сержанта Рако в самом большом из трех амбаров.

Офицер полиции стоял в углу на четвереньках, роясь в грудe старых коробок. Самка австралийской вдовы^в, неподвижно устроившаяся в центре паутины, игнорировала деятельность, развернувшуюся в двух метрах от нее. Фальк постучал по железной двери, и Рако резко повернулся на звук; лицо у него было покрыто разводами из пота и пыли.

— Господи, вы меня напугали. Не слышал, как вы подошли.

— Прошу прощения. Аарон Фальк. Я друг Хэдлеров. Ваш секретарь сказала, что вы здесь. — Он указал на паука. — Вы это, кстати, видели?

— Да, спасибо. Тут есть еще парочка вокруг.

Рако встал и стянул рабочие перчатки. Попытался смахнуть пыль и грязь с темно-синих форменных брюк, но сделал только хуже. Под мышками его аккуратно отглаженной рубашки расплылись пятна пота. Он был пониже Фалька, сложен как боксер, с коротко остриженными курчавыми волосами. Оливковая кожа, как у выходца из Средиземноморья, но по акценту — чистейшая австралийская глубинка. У него были смеющиеся глаза, даже когда он не улыбался. Как сейчас.

— Джерри Хэдлер звонил и сказал что-то насчет того, что вы собираетесь зайти, — сказал Рако. — Извините, конечно, приятель, но у вас не найдется какого-нибудь удостоверения? Тут уже болтались какие-то психи, поглазеть приехали или что, я не знаю.

Приглядевшись, Фальк понял, что Рако старше, чем ему показалось сначала. Лет тридцать, наверное. Фальк заметил, что сержант тоже ненавязчиво к нему приглядывается. Открытый, но настороже. Вполне понятно. Фальк протянул ему водительское удостоверение. Рако взглянул на документ так, будто ожидал увидеть нечто совсем другое.

— Мне показалось, Джерри сказал, что вы — коп?

— Здесь я исключительно по личному делу, — отвечал Фальк. — Так что это неофициально. Надеюсь, вы не возражаете.

— Совсем нет, — на лице Рако промелькнуло непонятое выражение. Фальк очень надеялся, что дело не дойдет до дурацких разборок, кто тут главный.

— Я старый друг Люка. Когда мы еще подростками были.

Рако внимательно изучил удостоверение, потом протянул его обратно.

— Джерри сказал, вам понадобится доступ к банковским документам. Бухгалтерские книги, все такое прочее?

— Самое оно.

— Здесь есть что-то, о чем я должен знать?

— Барб попросила меня взглянуть. Как друга.

— Действительно. — Рако, будучи на несколько сантиметров ниже, умудрился посмотреть Фальку в глаза так, будто они были одного роста. — Слушайте, Джерри с Барб говорят, что вы в порядке, и я не собираюсь совать вам палки в колеса исключительно из спортивного интереса. Но вы здесь в довольно-таки уязвимом положении. Так что, если набредете на что-то, о чем я должен услышать, вы это до меня донесете. Хорошо?

— Да без проблем. Я здесь только для того, чтобы им помочь.

Не удержавшись, Фальк оглядел внутренность амбара через плечо Рако. В огромном полупустом пространстве стояла удушающая жара; свет, проникая сквозь пластиковые окна в крыше, приобретал болезненный желтый оттенок. В центре пола, залитого бетоном, стоял трактор; разнообразная техника, назначение которой было Фальку неясно, громоздилась у стен. Из-под одного аппарата, стоявшего совсем рядом, змеился шланг. Наверное, что-то связанное с дойкой, подумал он безо всякой уверенности. Когда-то он бы знал. Теперь, на его городской взгляд, все это было похоже на пыточные инструменты. Фальк кивнул на коробки в углу.

— А что вы здесь искали?

— Неплохая попытка, приятель, но вы сами сказали, что вы здесь исключительно по личному делу, — сказал Рако. — Выписки из банка находятся в доме. Пойдемте, я покажу, где кабинет.

— Да все в порядке, — Фальк сделал шаг назад. — Я знаю, где это. Спасибо.

Поворачиваясь, чтобы уйти, он заметил, как брови Рако поползли вверх. Если парень ожидал территориальных войн, подумал Фальк, то он обманулся. И все же он не мог не восхищаться преданностью этого человека делу. Было еще рано, но Рако явно рылся тут уже не первый час.

Фальк направился к дому. Остановился. Подумал с минуту. Может, у Барб и были сомнения, но ему Рако показался полицейским, который относился к делу всерьез. Фальк повернул обратно.

— Слушайте, — сказал он. — Не знаю, что именно рассказал вам Джерри, но по себе знаю — когда за что-то отвечаешь, гораздо легче, когда знаешь, что происходит. Меньше возможностей наладить.

Рако в молчании выслушал рассказ Фалька о теории Барб насчет проблем с деньгами и сборщиками долгов.

— Думаете, в этом что-то есть?

— Не знаю. Уверен, проблемы с деньгами я найду. Это и так ясно, стоит только вокруг посмотреть. Значит ли это, что на курок нажал не Люк,

а кто-то еще, — другой вопрос.

Рако медленно кивнул.

— Спасибо. Я это ценю.

— Да не за что. Я в кабинете буду.

Фальк не успел дойти и до середины выжженного двора, когда услышал, как Рако его зовет.

— Эй. Погодите-ка секундочку. — Сержант вытер лоб локтем и сощурился на солнце. — Вы же близко дружили с Люком, да?

— Когда-то давно, да.

— Скажем, Люку нужно было что-то спрятать. Что-то небольшое. Есть хоть какие-нибудь идеи, куда он мог это прикопать?

Фальк на минуту задумался; потом понял, что думать тут особо нечего.

— Может быть. А что это должна быть за вещь?

— Если найдем, покажу.

В последний раз, когда Фальк лежал на этом конкретном газоне, трава была свежей и зеленой. Теперь сухая желтая щетина колола его сквозь рубашку.

Он повел Рако вокруг задней стороны дома, время от времени проверяя ногой доски обшивки. Найдя, наконец, нужную доску, он лег на живот и подсунул палку под низ панели. Чуть скрипнув, та легко отошла и легла ему в руку.

Фальк взглянул вверх, на Рако, который стоял рядом.

— Здесь? — спросил Рако, натягивая рабочие перчатки. — Что же он здесь обычно прятал?

— Да все подряд. Игрушки, чипсы и сладости, когда мы были маленькими. Бухло — попозже. Ничего такого уж особенного. В общем, все то, что дети обычно не показывают родителям.

Рако опустился на колени. Сунул руку по локоть в образовавшееся отверстие и пошарил вслепую. Когда он вынул руку, в ней была пригоршня сухих листьев и очень старая пачка сигарет. Положил все это рядом на землю и попробовал еще. На этот раз ему попались остатки порножурнала, пожелтевшего, с загнутыми страницами и дырками, которые кто-то проел в самых важных местах. В раздражении он отшвырнул журнал и совершил еще одну попытку, засунув руку как можно глубже. Нехотя вынул. Ничего.

— Давайте, — сказал Фальк, указывая на перчатки. — Попробую я.

Они с Люком перчатками не пользовались, подумал Фальк, засовывая руку в мертвое пространство под домом. Что бы ни водилось под домом, бессмертию детей и подростков оно не угрожало. Он пошарил вокруг, не

ощущая ничего, кроме ровной поверхности земли.

— Дайте мне хотя бы намек, что я тут ищу, — прокрихтел он.

— Коробочку. Или что-то вроде упаковки.

Потайное место было пусто. Он вынул руку.

— Прошу прощения, — сказал он. — Много времени прошло.

Колени у Рако сухо щелкнули, когда он, разогнувшись, поднялся на ноги. Он открыл потрепанную пачку сигарет. Вынул одну, посмотрел на нее с сожалением, потом медленно задвинул обратно в пачку. Некоторое время они оба молчали.

— Это все пули, — сказал Рако наконец. — Из ружья, которое убило Хэдлеров. Они не те.

— Не те — в каком смысле?

— Марка не та, которой пользовался Люк. Пользовался, насколько я могу судить, годами. Те три выстрела, которыми был убит он и его семья, были произведены патронами «ремингтон». Все патроны, какие мне удалось найти здесь, на ферме, — это «винчестер».

— «Винчестер».

— Ну да. Я заметил, когда из Клайда опись прислали, и с тех пор это меня грызет, — сказал Рако. — Вот такие дела. Коробка «ремингтонов» — и я был бы счастлив.

Фальк стянул перчатки. Руки у него вспотели.

— А Клайд не может прислать пару человек помочь с обыском на ферме?

Рако отвел взгляд, теребя в руках сигаретную пачку.

— Ну да. Не знаю. Наверное, может.

— Ну да. — Фальк подавил улыбку. Рако, может, и носил отглаженную форму и вел официальные беседы, но Фальк повидал достаточно, чтобы сразу распознать сторонника неформального подхода.

— Может, Люк раздобыл где-то несколько лишних патронов, — предположил Фальк.

— Ну да, такое определенно могло случиться, — ответил Рако.

— Или патроны были последними в коробке, а упаковку он выкинул.

— Ну да. Хотя никаких следов выкинутой упаковки нет ни в мусоре из дома, ни в его пикапе. Уж поверьте, — тут Рако коротко усмехнулся. — Я проверял.

— А где вы еще не смотрели?

Рако кивнул на вынутую Фальком доску.

— На этой ферме? Я думаю, можно официально считать обыск законченным. — Фальк нахмурился. — Это немного странно.

— Ну да. Вот и я так подумал.

Фальк ничего не сказал, только молча смотрел на Рако. Тот сильно вспотел. Лицо, руки и одежда у него все были в грязи и пыли после розысков в удушливой жаре амбара.

— Что еще? — спросил Фальк.

Молчание.

— Что вы имеете в виду?

— Столько усилий. Все утро на четвереньках в амбаре мертвого человека, на такой-то жаре, — сказал Фальк. — Должно быть что-то еще. Или, по крайней мере, вы думаете, что оно есть.

Наступила долгая пауза. Потом Рако вздохнул.

— Да, — сказал он. — Есть кое-что еще.

Глава пятая

Они сидели на колкой сухой траве у дома, вытянув ноги и привалившись спинами к стене рядом с панелью, под которой скрывался тайник. Выжимая все что можно из узенькой полоски тени, пока Рако быстро излагал факты. Он начал говорить со слегка отстраненным видом человека, которому уже приходилось все это рассказывать.

— Сегодня будет ровно две недели с того дня, — сказал он, обмахиваясь потрепанным порножурналом. — Курьер привез посылку и обнаружил Карен. Позвонил в службу спасения. Звонок поступил около 5:40 вечера.

— Вам?

— И в Клайд, и местному врачу. Диспетчер ставит в известность нас всех. Врач был ближе всех, так что он оказался на месте первым. Доктор Патрик Ли. Ты его знаешь?

Фальк потряс головой.

— В общем, сначала появился он, потом, через пару минут, подъехал я. Я подъезжаю, а дверь открыта, и доктор склонился над Карен в прихожей, проверяет признаки жизни или что они там в таких случаях делают. — Рако надолго замолчал, глядя невидящими глазами на деревья вдаль. — Я никогда с ней не был знаком, не знал даже, кто она, но он ее знал. Все руки в ее крови. И кричит, прямо, знаете, орет на меня: «У нее дети есть, тут могут быть дети». Так что...

Вздыхнув, Рако открыл старую пачку Люковых сигарет. Сунул одну в зубы, предложил пачку Фальку, который, к собственному удивлению, тоже взял сигарету. Он не мог припомнить, когда в последний раз курил. Запросто могло быть на этом самом месте, с лучшим — теперь мертвым — другом. Почему-то казалось правильным взять сигарету именно сейчас. Фальк затянулся и вспомнил, почему свое время с легкостью забросил эту привычку. Глубокий вдох, запах табака мешается с ароматом эвкалиптов — и тут ощущение, что ему опять шестнадцать, окатило его, как никотиновый приход.

— В общем, док орет, и я несусь в дом. Понятия не имея, кто внутри и что я там обнаружу. Может, кто-то вот-вот выскочит из-за угла с пушкой в руках. Хочу позвать детей, и тут до меня доходит, что я даже имен их не знаю. Так что я ору: «Полиция! Все порядке, выходите, вы в

безопасности», что-то в этом роде. — Он глубоко затаился, припоминая. — А потом я слышу этот плач — такие, знаете, *вопли* — и бегу на звук, не зная, что там, впереди. Захожу в детскую и вижу в колыбели эту малышку, и верещит она благим матом. Честное слово, не думал, что так обрадуюсь ребенку, который голову себе готов оторать.

Рако выпустил в воздух струю дыма.

— Потому что с ней все было *в порядке*, — сказал он. — Я просто поверить не мог. Она явно была напугана, но, насколько я мог видеть, невредима. И, помню, я еще подумал в тот момент, что все, может, еще будет ОК. Да, это грустно, конечно, насчет ее мамы. Просто трагедия. Но, *слава Богу*, дети в порядке. Но потом глянул в коридор, а там — дверь приоткрыта.

Он тщательно затушил окурок о землю, не глядя на Фалька. Фальк почувствовал, как его бросает в холодный пот: он знал, что сейчас будет.

— И видно было, что это тоже детская. Синие стены, постеры с машинами, ну, понимаете? Комната мальчишки. И из этой комнаты — ни звука. Так что я пересекаю коридор, распахиваю дверь, и ясно, что ничего не в порядке. — Он помолчал. — Эта комната была как вид из ада. Эта комната — худшее, что я видел в своей жизни.

Они сидели в молчании. Потом Рако прочистил горло.

— Пойдем, — сказал он, вставая на ноги и потирая руки, будто пытаюсь стряхнуть воспоминание. Фальк встал и последовал за ним к крыльцу.

— Вскоре после этого по вызову приехала команда из Клайда, — продолжил Рако, пока они шли вокруг дома. — Полиция, скорая. Было уже почти полседьмого, когда они сюда добрались. Мы обыскали остальные комнаты, и больше никого там, *слава Богу*, не было, так что все отчаянно пытались дозвониться Люку Хэдлеру. Сначала народ беспокоился, ну, знаете, как же нам все это ему сообщить? Но потом — телефон все не отвечает, и машины его тоже нет, и домой он не приехал, и вдруг замечаешь, что настроение начинает меняться.

— А что Люк должен был делать в тот день?

— Пара ребят из местной волонтерской команды спасателей знали о том, что он договорился с другом пострелять кроликов у него на ферме после обеда. Парень по имени Джейми Салливан. Кто-то позвонил ему, и Салливан все подтвердил, но сказал, что Люк уже два часа, как от него уехал.

Они подошли к входной двери, и Рако достал связку ключей.

— Люк до сих пор никак не проявлялся, и телефон у него не отвечал, так что мы вызвали еще людей на подмогу из команды волонтеров.

Поставили их в пары с полицейскими, отправили на поиски. Кошмарные были два часа. Невооруженные люди прочесывали поля и буш, не зная, что они там найдут. Мертвого Люка? Живого? И ни малейшего понятия, в каком он будет состоянии. Все мы дергались, а вдруг он забился куда-нибудь с ружьем и самоубийственными намерениями. В конце концов, один из волонтеров наткнулся на его пикап, скорее по чистой случайности, чем почему-либо еще. Машина была припаркована на какой-то богом забытой поляне километра за три отсюда. Беспокоиться, как выяснилось, было нечего. Люк лежал в кузове мертвый, и большая часть лица у него отсутствовала. И его собственное ружье, — зарегистрированное, все по закону — было у него в руках.

Рако отпер и толчком открыл дверь.

— Так что, казалось, вот и все. Дело ясное. Комар носа не подточит. А вот здесь — он отступил в сторону, чтобы Фальку видна была узкая длинная прихожая, — начинаются странности.

В прихожей было душно и пахло хлоркой. Боковой столик, заваленный счетами, ручками и прочей домашней мелочью, косо стоял у дальней стены, сдвинутый со своего законного места. Выложенный плиткой пол сиял страшной чистотой. Вся прихожая была отскоблена добела.

— Ребята из уборочной службы хорошо поработали, так что никаких неприятных сюрпризов, — сказал Рако. — Ковер в комнате мальчика им спасти не удалось. Не то чтобы кто-то об этом жалел.

Стены были увешаны семейными фотографиями. Многие были странно знакомыми, и Фальк вдруг осознал, что уже видел их во время поминальной службы. Все вместе производило впечатление гротескной пародии на тот уютный семейный дом, который он когда-то знал.

— Тело Карен нашли прямо здесь, в прихожей, — сказал Рако. — Дверь была распахнута, так что курьер увидал ее сразу.

— Она что, бежала к двери? — Фальк попытался представить, как Люк гонится за женой по всему дому.

— Представь себе, нет. Она шла ее отпирать. В нее выстрелили с порога. Это ясно было по положению тела. Но скажи-ка мне вот что: когда ты приходишь вечером домой, ты что, звонишь в дверь, чтобы жена открыла?

— Я не женат, — отвечал Фальк.

— Ну, а я женат. И можешь звать меня чересчур продвинутым, но у меня от дома есть собственный ключ.

Фальк задумался.

— Может, он хотел застать ее врасплох? — сказал он, проигрывая в

голове этот сценарий.

— Зачем лишние сложности? Отец приходит домой, размахивая заряженным ружьем. Я так думаю, это само по себе кого хочешь застанет врасплох. Он знает, что они оба дома. Знает, где кто находится. Все просто.

Фальк встал перед дверью и на пробу открыл и закрыл ее несколько раз. Из полутьмы прихожей открытая дверь казалась прямоугольником ослепительного света. Он представил, как Карен идет к двери на стук, думая, может, совсем о другом, или в раздражении, что ее от чего-то оторвали. Щурится от яркого света, и это дает ее убийце секунду, чтобы поднять ружье.

— Просто это показалось мне странным, — сказал Рако. — Зачем стрелять в нее прямо в дверях? Все, чего он добился, — дал мальчонке шанс обмочить штанишки и удрать, не обязательно в этом порядке.

Рако посмотрел мимо Фалька, вглубь дома.

— И здесь возникает вторая странность, — сказал он. — Готов?

Фальк кивнул и последовал за ним дальше во мрак коридора.

Когда Рако включил свет в маленькой синей спальне, то первым впечатлением Фалька было, будто кто-то собрался делать здесь ремонт. На детской кровати, криво сдвинутой к задней стене, не было ничего, кроме голого матраса. Игрушки сложены в коробки, поставленные кое-как одна на другую у стены под футбольными постерами. Здесь явно был ковер, который убрали, обнажив необработанное дерево половиц. Пол был усыпан слоем мелких опилок, в котором они уже оставили следы. С досок в углу был снят верхний слой дерева. Пятно все равно было заметно.

Рако замешкался в дверях.

— Мне все еще непросто здесь находится, — неохотно сказал он, пожав плечами.

А ведь когда-то это была уютная спальня, вспомнилось Фальку. Двадцать лет назад она принадлежала собственно Люку. Фальк сам много раз здесь ночевал. Шептался в темноте с Люком. Задерживал дыхание и глотал смех, когда Барб Хэдлер кричала им, чтобы они немедленно заткнулись и спали. Засыпал в уютном спальном мешке совсем рядом с тем местом, где было теперь это ужасное пятно. Эта комната была когда-то хорошим местом. Теперь, как и в прихожей, здесь пахло хлоркой.

— Можно открыть окно?

— Лучше бы не надо, — ответил Рако. — Приходится держать жалюзи опущенными. Подловил пару ребят, которые пытались сделать снимки, вскоре после того, как это случилось.

Рако вытащил свой планшет и тапнул пару раз по экрану. Передал

планшет Фальку. На экране была чередой снимков.

— Тело мальчика уже убрали, — сказал Рако. — Но тут видно, как все в комнате было.

Жалюзи на фотографиях были подняты полностью, и свет заливал кошмарную сцену под окном. Дверцы шкафа были распахнуты настежь; висевшая внутри одежда сдвинута вбок. Большая плетеная коробка для игрушек — перевернута. Покрывало с ракетами было отброшено с кровати, будто кто-то проверял, что под ним. Ковер был, в основном, бежевого цвета, кроме одного угла, который занимала темная красно-черная лужа, растекавшаяся из-под перевернутой корзины для белья.

На секунду Фальк попытался представить себе последние секунды Билли Хэдлера. Вот он скорчился в углу, по ноге стекает горячая моча; он пытается подавить рвущиеся из груди судорожные вздохи.

— У вас дети есть? — спросил Рако.

Фальк потряс головой.

— У вас?

— Один на подходе. Девочка.

— Поздравляю.

— Хотя есть еще целая армия племянников. Не здесь — дома, в Южной Австралии. Несколько — возраста Билли, и есть еще парочка помладше, — сказал Рако, забирая у Фалька планшет и проматывая фотографии. — И вот в чем дело. Моим братьям прекрасно известны все места, где прячутся их дети. Заведи их в комнату к ребенку с завязанными глазами, и они найдут своего в два счета.

Он тапнул по экрану.

— Как ни посмотри, выглядит оно так, будто кто-то что-то искал, — сказал Рако. — Кто-то, кто не знал потайные места Билли, методически обшаривал комнату. Он в шкафу? Нет. Под кроватью? Нет. Похоже, будто мальчонку выслеживали планомерно.

Фальк пристально всмотрелся в темное пятно, которое когда-то было Билли Хэдлером.

— Покажи, где нашли Шарлот.

Детская напротив была отделана в желтых тонах. Музыкальная карусель свисала с потолка посреди пустой комнаты.

— Джерри и Барб забрали колыбельку, — объяснил Рако.

Фальк осмотрелся. Как сильно эта комната отличалась от других. Ковер и мебель оставались на своих местах. Едкий запах хлорки отсутствовал. Казалось, это некое заповедное место, не затронутое тем ужасом, который происходил снаружи, за дверью.

— Почему Люк не убил Шарлот? — спросил Фальк.

— Расхожее мнение гласит, что дело во внезапно проснувшейся совести и чувстве вины.

Фальк вышел, вновь пересек коридор, вернувшись в комнату Билли. Встал у пятна в углу, повернулся на сто восемьдесят градусов и прошел обратно в комнату Шарлот.

— Восемь шагов, — сказал Фальк. — Но я — относительно высокого роста. Будем считать, для большинства людей это девять. Девять шагов от тела Билли до Шарлот, которая лежит в своей колыбели, как на тарелочке. А Люк весь накачан адреналином, кровь стучит в ушах, кровавый туман, все дела. И вот девять шагов. Вопрос в том, достаточно ли этого для полной перемены образа мыслей?

— По мне, кажется, недостаточно.

Фальк подумал о человеке, которого когда-то знал. Картина, которая прежде была такой ясной, теперь стала искаженной, размытой.

— Ты был знаком с Люком? — спросил он.

— Нет.

— У него настроение менялось быстрее, чем он успевал пальцами щелкнуть. Девять шагов — это на восемь больше, чем ему было нужно.

И все же в первый раз с тех пор, как он вернулся в Кайверру, Фальк почувствовал, как его кольнуло сомнение.

— Это же своего рода программное заявление, правда, разве нет? Что-то в этом роде. Это — личное. *Он убил всю свою семью.* Вот что будут говорить о тебе люди. Женщина, на которой Люк женат уже восемь лет, истекает кровью на полу в прихожей, а он проводит — сколько там? Две минуты, три? — переворачивая вверх дном детскую, чтобы убить своего собственного сына. Как закончит, планирует убить и себя тоже. Так что если это был Люк, — он слегка замялся на слове «если», — почему его дочь осталась в живых?

Они постояли с минуту, молча глядя на карусельку, неподвижно висевшую над пустым местом. Зачем нужно было убивать всю семью, кроме младенца? Фальк поворачивал эту мысль в уме и так и сяк, пока не додумался до нескольких возможных причин. Стоящей была только одна.

— Может, тот, кто был здесь в тот день, не убил младенца потому, то ему не нужно было убивать младенца, — сказал Фальк наконец. — Ничего личного. Какая разница, кто ты. Ребенок в тринадцать месяцев — не свидетель.

Глава шестая

— Они тут не в безумном восторге от моих посещений, — сказал Рако с ноткой сожаления в голосе, поставив два пива на столик во «Флисе». Столик пошатнулся, и пиво плеснуло на исцарапанную столешницу. Он заехал домой переодеться в штатское и вернулся с толстой папкой с надписью *Хэдлер* под мышкой. — Плохо для бизнеса. Каждому приходится разыгрывать представление, торжественно убирая ключи от машины.

Они оба взглянули на бармена. За стойкой был все тот же крупный бородач, что и накануне вечером. Он наблюдал за ними поверх газеты.

— Такова уж у нас, копов, судьба. Твое здоровье. — Фальк поднял стакан и сделал долгий глоток. Он всегда спокойно относился к алкоголю, но сегодня рад был возможности выпить. Ранним вечером в пабе было тихо. За столиком в дальнем углу они были совсем одни. У дальней стены трое мужчин сидели, уставившись с животным безразличием в экран телевизора, где шли собачьи бега. Фальк их не узнал, и они игнорировали его в ответ. В задней комнате подмигивали и бренчали покерные автоматы. Кондиционер извергал потоки арктического холода.

Рако отпил глоток.

— И что теперь?

— Теперь надо сообщить Клайду, что у тебя возникли сомнения, — сказал Фальк.

— Обратиться в Клайд прямо сейчас — это значит немедленно переключить их на задничесохранятельный режим. — Рако нахмурился. — Ты же знаешь, что будет происходить у них в голове, как только они заподозрят, что налажали. Да это будет соревнование по художественной гимнастике, они головой до задницы достанут, доказывая, что с их исследованием все в порядке. Я бы именно так и сделал.

— Не уверен, что у тебя есть выбор. Когда такие дела. Это работа не для одного человека.

— У нас есть Барнс.

— Кто?

— Констебль у меня на участке. Так что нас трое.

— Вас только двое, приятель, — сказал Фальк. — Я остаться не могу.

— Я думал, ты сказал Хэдлерам, что сможешь.

Фальк потер переносицу. Лязг игральных автоматов у него за спиной

вдруг стал ощутимо громче. Такое ощущение, будто шумит прямо у него в голове.

— На пару дней. И это означает день или два. На все расследование не хватит. К тому же я здесь неофициально. У меня есть своя работа, и она меня ждет.

— Хорошо. — Тон у Рако было такой, будто все это и так само собой разумелось. — Остайся тогда на пару дней. Никакой бумажной волокиты. Делай то, что собирался делать, насчет денежной стороны дела. Как только у нас будет на руках хоть что-то, я еду в Клайд.

Фальк ничего не ответил. Он думал о двух коробках банковских выписок и документов, которые он забрал из дома Хэдлеров и которые лежали теперь в номере наверху, у него на кровати.

Ты солгал. Люк солгал.

Он собрал пустые стаканы и отнес обратно на стойку.

— Повторить? — Бармен, отложив газету, величественно поднялся с табуретки. Со вчерашнего вечера Фальк никого, кроме него, за стойкой не видел.

— Послушайте, — сказал Фальк, наблюдая, как бармен наполняет стакан. — Этот номер, где я живу. Можно снять его еще на подольше?

— Это зависит от определенных обстоятельств. — Бармен поставил первое пиво на стойку. — Слышал я тут о тебе пару вещей, мой друг.

— Слышал.

— Слышал. И хотя я всегда рад возможности сделать бизнес, неприятности я не приветствую, понимаешь? Сложностей с этим местом и так предостаточно.

— С моей стороны неприятностей не будет.

— Будут с другой?

— С этим я мало что могу поделать. Ты же знаешь, что я полицейский, верно?

— Это я слышал, да. Но в этих местах, среди ночи, когда ребята как следует наберутся и им требуется спустить пар, силы у полицейского значка гораздо меньше, чем оно надо бы, понимаешь?

— Хорошо. Что ж. Решать тебе. — До просьбы он унижаться не собирался.

Бармен поставил на стойку второй стакан, слегка ухмыляясь.

— Да все в порядке, приятель. Можешь расслабиться. Деньги у тебя такие же, как у всех, и с меня этого достаточно.

Он отдал Фальку сдачу и опять поднял газету к носу. Похоже, он решал какой-то особенно заковыристый кроссворд.

— Но могу тебя по-дружески предупредить: народ тут иногда бывает странноватый. Случаются неприятные ситуации, а помощи ждать особо неоткуда. — Тут он поднял голову и воззрился на Фалька. — Хотя, судя по тому, что я слышал, тебе об этом напоминать не нужно.

Фальк отнес оба стакана обратно на стол. Рако мрачно созерцал размокшую подставку под пиво.

— Не плачь — подурнеешь, — сказал Фальк. — Давай, рассказывай все остальное.

Рако подвинул ему папку через стол.

— Собрал вместе все материалы, к каким у меня был доступ, — сказал он.

Фальк глянул вокруг. Паб до сих пор был наполовину пуст. Рядом — никого. Он раскрыл папку. На первой странице была фотография пикапа, принадлежавшего Люку. У задних колес растеклась лужа крови. Фальк захлопнул папку.

— Давай пройдемся пока по основным пунктам. Что у нас на курьера, который их нашел?

— Чист, насколько это вообще возможно. Работает на крупную курьерскую компанию. Уже два года. Он привез кулинарные книги, которые заказывала Карен, — это проверено. Он запаздывал: последний заказ за день. Его первая доставка в Кайверру. Сказал, он подъехал, увидел Карен, лежащую в дверях, оставил свой обед на клумбе и прыгнул обратно в фургон. Звонок в службу спасения сделал с главной дороги.

— Он оставил Шарлот в доме?

— Говорит, он ее не слышал. — Рако пожал плечами. — Может, и правда. Она долго была одна. Может, к тому времени уже откричалась.

Фальк вернулся к первой странице. На этот раз он оставил папку открытой. Ему почему-то казалось, что Люка нашли на водительском сиденье пикапа, но на фотографиях тело лежало навзничь в кузове автомобиля. Задний борт был откинут, и ноги Люка свешивались вниз, будто до этого он сидел на краю. Ружье, лежавшее рядом, смотрело в сторону того, что когда-то было его головой. Лицо у него совершенно отсутствовало.

— Ты в порядке? — Рако внимательно наблюдал за ним.

— Да. — Фальк сделал долгий глоток из стоявшего перед ним стакана. Кровь растеклась по всему кузову, лужицами стояла в металлических желобах.

— Эксперты нашли в кузове что-то стоящее? — спросил Фальк. Рако сверился со своими записями.

— Большое количество крови — вся принадлежит Люку, — кроме этого, ничего особенного отмечено не было, — сказал он. — Хотя не уверен, насколько хорошо они искали. Ружье нашли сразу. И это была рабочая машина. В кузове полно было всякой всячины.

Фальк опять принялся рассматривать снимок, сосредоточившись на деталях. На внутренней поверхности борта, едва заметные, были видны четыре смазанные горизонтальные полосы. Выглядели они свежими. Светло-коричневые полосы на фоне желтовато-белой окраски кузова; самая длинная — около тридцати сантиметров, самая короткая — примерно в половину этого. Они шли парами по две; пары разделяло около метра. Располагались полосы не совсем одинаково: те, что справа, шли горизонтально; левые — немного наискосок.

— А это что? — Фальк указал на полосы, и Рако наклонился поближе.

— Не уверен. Как я говорил, в пикапе много чего перевозилось.

— Пикап все еще здесь?

Рако покачал головой.

— Увезли в Мельбурн. Сейчас его должны были уже вычистить и отправить на продажу либо на переработку, так я понимаю.

Фальк просмотрел все фотографии, надеясь найти более удачную, но был разочарован. Дочитал записи до конца. Все выглядело довольно стандартно. Если не считать дыры в голове, Люк был здоровым мужчиной. На пару кило тяжелее нормального для него веса, холестерин немного повышен. В крови — ни алкоголя, ни наркотиков.

Фальк сказал:

— Что насчет ружья?

— Все трое совершенно определенно были застрелены из ружья Люка. Зарегистрировано, выдано по лицензии. Найдены были только его отпечатки.

— Где он обычно его держал?

— Сейф в амбаре, там, сзади, — сказал Рако. — Патроны — по крайней мере, те «винчестеры», которые я обнаружил, — были заперты отдельно. Судя по всему, он был немного помешан на безопасности.

Фальк кивнул, слушая вполуха. Он просматривал отчет об отпечатках пальцев, найденных на оружии. Шесть четких овалов, прихотливо расчерченных дугами и кривыми. Еще два отпечатка были менее разборчивыми, слегка смазанными, и все же их без труда идентифицировали как левый большой палец и мизинец Люка Хэдлера.

— Отпечатки хороши, — сказал Фальк.

Рако, уловив его тон, поднял голову от своих заметок.

— Да, очень четкие. После того, как народ их увидел, больше доказательств им особо не потребовалось.

— Идеально четкие, — сказал Фальк, передавая папку обратно Рако. — Может, даже чересчур? Человек вроде как только что убил свою семью. Он должен был бы потеть и трястись, как наркоман. Я видел отпечатки похуже, снятые у свидетелей, в спокойной обстановке.

— Черт. — Рако, хмурясь, рассматривал отпечатки.

— Да, возможно. — Фальк перелистал страницу. — А что эксперты нашли в доме?

— Они нашли абсолютно все. Такое ощущение, что через дом прошла половина общины. Около двадцати различных отпечатков, и это не считая частичных, образцы тканей повсюду. Я не говорю, что Карен не следила за чистотой, но все ж таки это была ферма, с детьми.

— Свидетели?

— Последний, кто видел Люка живым, был этот его приятель, Джейми Салливан. У него ферма к востоку от города. Люк помогал ему кроликов отстреливать. Салливан вспоминает, что Люк приехал к нему тем днем около трех, уехал в четыре тридцать. Кроме этого, у Хэдлеров реально был всего один сосед, который мог что-то видеть. И он был в это время у себя дома.

Рако потянулся за своей папкой. Фальк ощутил, как в животе накапливается тяжесть.

— Хотя сосед этот — довольно странный тип, — продолжал Рако. — Злобный старый ублюдок. Особой любви к Люку он не питал, что бы это ни значило. Совершенно никакой готовности сотрудничать с полицией.

— Мэл Дикон, — сказал Фальк нарочито ровным голосом.

Рако вскинул на него удивленный взгляд.

— Ну да. Ты его знаешь?

— Да.

Рако подождал, но больше Фальк ничего не сказал. Молчание затягивалось.

— Ну, в общем, — сказал Рако, — он живет там со своим племянником — типом по имени Грант Доу, — которого в тот момент дома не было. Дикон говорит, что ничего не видел. Может, и слышал выстрелы, но внимания не обратил. Подумал, что-то связанное с хозяйством.

Фальк поднял брови.

— Штука в том, что, может, это вообще не важно — что он там видел или нет, — сказал Рако, извлекая свой планшет и тапая по нему. На экране появилось очень плохого качества изображение. Почти совершенно

неподвижное, так что Фальку потребовалась минута, чтобы понять: это не фотография, а видео.

Рако передал ему планшет.

— Видео с камеры наблюдения, с фермы Хэдлеров.

— Ты шутишь. — У Фалька отвисла челюсть.

— Ничего особенного. По сути, слегка продвинутая видеоняня, — сказал Рако. — Люк установил это год назад, после того, как в округе была серия краж сельскохозяйственного оборудования. Некоторые фермеры установили себе такие. Делает записи двадцать четыре часа подряд, скидывает материал на домашний компьютер, и спустя неделю, если никто ничего специально не сохранял, все стирается.

Судя по картинке, камера была установлена на самом большом амбаре. Направлена она была во двор, чтобы засечь все, что приезжает или уезжает. В кадре была видна боковая сторона дома и в верхнем углу кадра — небольшой кусочек подъездной дорожки. Рако быстро перематывал запись, пока не нашел место, которое искал, и нажал на паузу.

— ОК, это день, когда были сделаны выстрелы. Можешь потом, если захочешь, просмотреть весь день, но, если коротко, утром все уходит из дома по отдельности. Люк на своем пикапе уезжает в самом начале шестого — работать в поле, насколько мне удалось подтвердить. Потом, сразу после восьми, Карен, Билли и Шарлот уезжают в школу. Она работала там на полставки в администрации, а Шарлот оставляла в яслях там же, при школе.

Рако, коснувшись экрана, запустил видео. Он передал Фальку наушники, подключил их к планшету. Звук был плохой, и временами его забивал ветер, дувший в микрофон.

— В течение всего дня не происходит ничего, — сказал Рако. — Поверь мне, я просмотрел все в режиме реального времени. Ни приездов, ни отъездов до 4:04 вечера, когда Карен с детьми возвращаются домой.

В уголке экрана появился и исчез синий хэтчбэк. Угол съемки был неудачный, и виден был только низ машины, от капота до колес. Фальк еле сумел разобрать передний номер.

— Номер различим, если нажать на паузу и увеличить, — сказал Рако. — Это совершенно точно машина Карен.

Сквозь шум статики Фальк услышал, как хлопнула дверь машины, потом, спустя секунду, — вторая. Рако опять тапнул по экрану, и картинка прыгнула.

— Потом все тихо на протяжении часа — опять же я проверил, — пока... вот, 5:01 вечера.

Рако запустил видео вновь. Несколько секунд изображение было неподвижно. Потом — движение у углу. Серебристый пикап был повыше хэтчбэка, и видна была только часть от фар и ниже. Номер был различим. И опять машина появилась и исчезла, меньше чем за секунду.

— Это машина Люка, — сказал Рако.

Изображение на экране было совершенно неподвижным, хотя видео продолжало идти. Вновь стукнула невидимая дверца автомобиля, потом — ничего, долгих двадцать секунд. И вдруг по ушам ударил глухой звук, так, что он вздрогнул. Карен. Он ощутил, как в груди бухнуло сердце.

Картинка замерла вновь, только цифры таймера продолжали мелькать в углу. Прошло шестьдесят секунд, потом девяносто. Фальк поймал себя на том, что задерживает дыхание, надеясь на иной исход. Плохое качество звука в этот момент радовало и раздражало его одновременно. Вряд ли он смог бы когда-нибудь изгнать из памяти крики Билли Хэдлера, будь они слышны. Когда по ушам ударил второй выстрел, Фальк ощутил чуть ли не облегчение. Он сморгнул.

По прежнему ни единого движения. Потом, спустя три минуты и сорок пять секунд после того, как пикап появился в первый раз, он вновь пересек угол экрана. Задние колеса, внутренность кузова и номер, принадлежавший Люку Хэдлеру, были прекрасно различимы.

— Никто не приезжает и не уезжает еще тридцать пять минут, пока не появляется курьер, — сказал Рако. Фальк передал ему планшет. В ушах до сих пор глухо звучали выстрелы.

— Ты серьезно думаешь, что тут есть место сомнениям? После того, как ты это видел? — спросил Фальк.

— Это пикап Люка, но кто сидит за рулем, не видно, — сказал Рако. — Плюс другие вещи. Патроны. То, что Карен была убита на пороге. Розыски в комнате Билли.

Фальк глядел на него во все глаза.

— Не понимаю. Откуда такая уверенность, что Люк этого не делал? Ты ведь его даже не знал.

Рако пожал плечами.

— Я нашел детей, — сказал он. — Мне довелось увидеть, на что Билли Хэдлер был похож после того, как в него выстрелил какой-то монстр, и я уже больше никогда не смогу этого не увидеть. Я хочу быть уверенным в том, что по отношению к нему все сделано правильно. Знаю, это, наверное, выглядит глупо, и, скорее всего, это сделал все-таки Люк. Я это признаю. Но если есть хотя бы крошечный шанс, что кто-то другой сделал это и ушел безнаказанным...

Рако потряс головой и сделал долгий глоток.

— Знаешь, с виду у Люка Хэдлера было все что пожелаешь: чудесная жена, двое детей, достаточно крепкая ферма, уважение соседей. Почему в один прекрасный день такой человек вдруг берет и убивает свою семью? Я просто не понимаю, зачем такому, как он, творить что-то подобное?

Фальк потер подбородок. Кожа была шершавой. Ему пора было бриться.

Ты солгал. Люк солгал.

— Рако, — произнес он. — Есть кое-что, что тебе надо знать о Люке.

Глава седьмая

— Когда мы с Люком были еще детьми, — сказал Фальк. — Ну, не совсем уже детьми. Постарше, нам по шестнадцать было...

Он осекся, почувствовав, что атмосфера в пабе переменилась. У дальнего конца помещения возникло какое-то движение. Фальк и не заметил, как паб заполнился, и теперь, подняв глаза, он заметил не одно знакомое лицо, не один отведенный взгляд. Он ощутил волну злобы за секунду до того, как увидел, откуда она надвигалась. Народ в пабе опускал глаза и безропотно отходил в сторонку, расступаясь перед группой, двигавшейся в его направлении. Во главе был мясистый детина с гривой грязно-бурых волос, увенчанной солнечным очками. Фальк почувствовал, как у него холодеет в животе.

Может, он и не узнал Гранта Доу на поминках по Хэдлерам, но уж теперь-то ошибки быть не могло.

Двоюродный брат Элли. Глаза у них были одинаковые, но Фальк знал: от нее в нем нет ничего. Доу остановился перед их столиком, нависнув над ними своей рыхлой тушей. Его футболку украшала реклама балинезийского пивного бренда. Мелкие черты по-пороссячи теснились в центре толстого лица, а борода расползлась по обширному подбородку. У него был все тот же вызывающий вид, с каким он встречал на поминках укоризненные взгляды. Глядя на Фалька, Доу поднял стакан в издевательском приветствии и улыбнулся одними губами.

— Наглости у тебя хватает сюда припереться, — сказал он. — В этом тебе не откажешь. Что скажешь, дядя Мэл? Не откажем ему в этом, а?

Доу повернулся. Пожилой мужчина, которого до того не было видно за спиной племянника, пошатываясь, шагнул вперед. И впервые за двадцать лет Фальк оказался лицом к лицу с отцом Элли. Ему показалось, будто что-то застряло у него в груди, и он невольно сглотнул.

Спина у Мэла Дикона теперь была колесом, но он все еще был высоким мужчиной, с узловатыми руками и широкими ладонями. Его пальцы, шишковатые и опухшие от возраста, совершенно побелели, когда он вцепился в спинку стула, чтобы не упасть. Между седыми прядями волос проглядывала ярко-розовая лысина; лицо у него все сморщилось в злобной гримасе.

Фальк весь подобрался, готовясь к яростным нападкам, но вместо этого

на лице у Дикона промелькнуло замешательство. Он слегка потряс головой, и обвисшие складки кожи на шее мотнулись по грязному вороту рубашки.

— Ты зачем вернулся? — медленно и хрипло спросил Дикон. Когда он говорил, по сторонам рта у него появлялись глубокие рытвины. Абсолютно все и каждый в пабе смотрели куда-нибудь в другую сторону, отметил Фальк. Только бармен следил за разговором с неприкрытым интересом. Даже кроссворд отложил.

— А? — Дикон хлопнул узловатой рукой по спинке стула, так, что все подскочили. — Зачем вернулся? Я думал, тебе достаточно ясно было сказано. Что, парня своего тоже с собой притащил?

Теперь настала очередь Фалька испытывать замешательство.

— Что?

— Этот твой гребаный сын. И не надо тут мне дурочку строить, ты, урод. Он тоже вернулся? Парень твой?

Фальк моргнул. Дикон принял его за его отца, которого уже не было на свете. Он не мог оторвать взгляд от лица старика. Дикон злобно пялился в ответ, но его ярость была какой-то заторможенной.

Грант Доу ступил вперед и положил руку на плечо дяди. С минуту он, казалось, раздумывал, не объяснить ли ему ошибку, потом раздраженно потряс головой и мягко, но настойчиво усадил дядю на стул.

— Молодец, ты, гондон, взял и расстроил его, — сказал Доу Фальку. — Вот тебе, приятель, вопрос. Ты уверен, что тебе стоит тут находиться?

Рако выудил свой полицейский значок и хлопнул им о стол.

— Могу задать тебе тот же вопрос, Грант. Ты уверен, что тебе стоит тут находиться?

Доу поднял ладони вверх, изобразив на своей роже полную невинность.

— Да не вопрос, зачем так переживать. Мы с дядей просто зашли сюда выпить, пообщаться. Он не в лучшей форме, вы и сами это видите. Мы неприятностей не ищем. Но этот вот... — тут он посмотрел прямо на Фалька. — За ним неприятности тянутся, как собачье дерьмо.

По комнате пробежал почти незаметный шепоток. Фальк знал, что та история рано или поздно всплывет. Он против воли поежился, почувствовав, что каждый взгляд в комнате направлен на него.

Туристы изнывали от жары и скуки. От комаров не было жителя, а тропа вдоль реки Кайверры оказалась труднее, чем они ожидали. Троица плелась гуськом, вяло препираясь, когда им не лень было перекрикивать шум бурлящей воды. Тот, что шел вторым, выругался, с ходу налетев

грудью на рюкзак ведущего группы; он весь облился водой из открытой бутылки, которую держал в руке. Бывший инвестиционный банкир, он переехал в глубинку из соображений здоровья. Теперь он проводил дни, пытаясь себя убедить, что не испытывает ненависти к каждой секунде. Ведущий группы оборвал его ворчание, подняв руку. Он указывал в мутную речную воду. Они повернулись, чтобы посмотреть.

— *Что это, на хрен, такое?*

— *Ладно, тут нам этого не надо, спасибо, — прикрикнул бармен из-за стойки. Он поднялся на ноги и теперь стоял, опираясь на стойку кончиками пальцев. Улыбка в его оранжевой бороде отсутствовала. — Это общественное заведение. Каждый может прийти сюда выпить — ты, он, — либо так, либо до свидания.*

— *А третья возможность какая? — Доу желтозубо оскалился в сторону своих приятелей, и те прилежно рассмеялись.*

— *Третья возможность — паб для тебя закрыт. Так что выбор за тобой.*

— *Ага. Это ты мне вечно обещаешь, а? — Доу воззрился на бармена. Рако прочистил горло, но Доу его проигнорировал. Фальку вновь пришли на ум слова бармена: «В этих местах силы у полицейского значка гораздо меньше, чем надо бы».*

— *Проблема не в том, что он явился сюда, в бар, — заговорил Дикон, в пабе наступила мертвая тишина. — Проблема в том, что он вообще вернулся в Кайверру.*

Он поднял искривленный артритом палец и уставил его Фальку между глаз.

— *Запомни это и своему парню скажи. Здесь вас никто не ждет, кроме кучи народу, которые помнят, что твой сын сделал с моей дочерью.*

Инвестиционный банкир изверг в кусты съеденные им ранее сэндвичи. Он, как и оба его спутника, промок насквозь, но он этого не замечал.

Тело девушки теперь лежало на тропинке; вокруг медленно растекалась лужа. Она была худенькой, но, чтобы вытащить ее на берег, понадобились объединенные усилия всех троих. Кожа у нее была неестественно белой, в рот забились осклизлая прядь волос. При виде этой пряди, исчезающей меж бледных губ, банкира стошнило опять. Мочки ушей вокруг сережек были красные, будто ободранные. Рыбы своего не упустили. Те же следы были видны вокруг ноздрей и на кончиках пальцев, возле аккуратно покрашенных ногтей.

Она была полностью одета и выглядела очень юной без смытого водой

макияжа. Ее белая футболка стала почти прозрачной и прилипла к коже; сквозь ткань просвечивал кружевной лифчик. С сапожек без каблуков до сих пор свисали плети водорослей, которые не дали ей уплыть ниже по течению. Оба сапога и все карманы ее джинсов были до отказа набиты камнями.

— ...Брехня. Я не имею никакого отношения к тому, что случилось с Элли. — Слова вырвались у Фалька помимо воли, он немедленно об этом пожалел. Он прикусил язык. *Не связываться с ними.*

— Кто говорит? — Грант Доу встал у дяди за спиной. Он давно уже больше не ухмылялся. — Кто говорит, что ты не имеешь к этому отношения? Люк Хэдлер?

При звуке этого имени в баре будто образовался вакуум.

— Штука в том, что Люка здесь нет, и вряд ли он нам еще что-то расскажет.

Самый спортивный из их компании побежал за помощью. Банкир-инвестор присел на землю рядом с лужей собственной рвоты. Он уютнее чувствовал себя здесь, в облаке едкой вони, чем рядом с этим кошмарным белым созданием. Ведущий расхаживал взад-вперед, хлюпая башиками.

Им нетрудно было догадаться, кто она. Ее фотография уже три дня мелькала в газетах. Элеонор Дикон, шестнадцать лет. Пропала вечером в пятницу, не вернулась домой ночевать. Отец дал ей ночь, чтобы остыть, мало ли какой там подростковый бунт помешал ей вернуться домой. В субботу ее все еще не было, и он поднял тревогу.

Казалось, прошли века, прежде чем на берегу реки появились спасатели. Тело девушки было доставлено в больницу. Банкира отослали домой. Не прошло и месяца, как он вернулся обратно в город.

Доктор, обследовавший тело Элли Дикон, определил причину смерти: утопление. Ее легкие были пропитаны рекой, как губка. В воде она явно была уже несколько дней, отметил он, вероятно, с самой пятницы. Он отметил также синяки на плечах и в районе грудины, ссадины на руках и ладонях. Причиной вполне могли быть столкновения с плавником в воде. На предплечьях были уже зажившие, старые шрамы, вероятно, свидетельствующие о тяге девушки к саморазрушению.

При упоминании имени Люка по пабу пробежал ропот, и даже Доу, кажется, ощутил, что зашел чересчур далеко.

— Люк был моим другом. Элли была моим другом. — Собственный голос звенел у Фалька в ушах. — Они оба были близкими мне людьми. Так

что отвали.

Дикон вскочил со стула; ножки проскрежетали по полу.

— Ты мне не смей тут болтать, будто был близок с Элли! Мне она была родная кровь! — Он орал, обвиняюще тыкая в Фалька трясущимся пальцем. Уголком глаза Фальк заметил, что Рако и бармен обменялись взглядами.

— Говоришь, вы со своим парнем не имеете к этому отношения, — кричал Дикон. — А как же записка, ты, лживый ублюдок?

Сказано это было с торжеством, будто на стол был выложен решающий козырь. Фальку казалось, будто из него выпустили весь воздух. Внезапно накатила усталость. Дикон кривил рот. Его племянник гоготал рядом с ним. Он явно почувствовал кровь.

— Что, на этот раз ответить нечего, да? — сказал Доу.

Фальк еле удержался, чтобы не покачать головой. Та чертова записка.

Копы провели два часа, разбирая на части комнату Элли. Толстые пальцы неуклюже шарили в ящиках с нижним бельем и в шкатулках с украшениями. Записку едва не пропустили. Едва. Это был листок, выданный из самой обычной школьной тетради и сложенный пополам. Лежал в заднем кармане джинсов. На листке аккуратным почерком Элли была выведена дата, день, когда она исчезла. Под датой стояло единственное слово: «Фальк».

— Давай, объясни это. Если можешь, — сказал Дикон. В баре стало очень тихо. Фальк ничего не ответил. Сказать ему было нечего. И Дикон об этом знал. Бармен с силой стукнул стаканом по стойке.

— Достаточно. — Он жестко глянул на Фалька, взвешивая решение. Рако, который держал в ладони полицейский значок так, чтобы он был виден, поднял брови и едва заметно покачал головой.

— Ты и твой дядя — уходите. И еще два дня не возвращайтесь, спасибо. Все остальные — покупайте выпивку или убирайтесь.

Слухи начались с малого, но к концу дня подросли и выпустили когти. Фальк — шестнадцати лет, испуганный до икоты, — забился к себе в комнату, истязаемый собственным воображением. Когда раздался стук в окно, он так и подскочил. Снаружи показалось лицо Люка, мертвенно-бледное в призрачном вечернем свете.

— Ты в дерьме, приятель, — прошептал он. — Я слышал — мама с папой об этом говорили. Люди болтают. Где ты был в пятницу после уроков, только честно?

— Я же сказал тебе. Рыбу удил. Но вверх по реке. За несколько миль оттуда, клянусь. — Фальк скорчился у окна. Вставать ему не хотелось — боялся, что ноги не выдержат.

— Тебя кто-то уже спрашивал? Копы или еще кто?

— Нет, но они собираются. Они думают, мы с ней виделись или еще что.

— Но ты ее не видел.

— Нет! Конечно, нет. Но вдруг они мне не поверят?

— Ты точно ни с кем не встречался? Никто тебя не видал?

— Черт, я же один был, я же сказал!

— Ладно, слушай, Аарон, дружище, ты слушаешь? Ну, если кто будет спрашивать, мы с тобой кроликов стреляли вместе. На дальних полях.

— Совсем в другой стороне от реки.

— Да. Поля у Куран-роуд. Совсем в другой стороне. Весь вечер. ОК? Дурью маялись. Как обычно. Подбили одного или двух. Двух. Скажи, двух.

— Да, ОК. Двух.

— Не забудь. Мы вместе были.

— Да. То есть нет. Я не забуду. Господи, Элли. Я не могу...

— Скажи это.

— Что?

— Скажи сейчас. Что ты делал. Потренируйся.

— Мы с Люком стреляли кроликов. Вместе. В полях у Куран-роуд.

— Повторяй, пока не будет звучать естественно. И не перепутай ничего.

— Не перепутаю.

— Все запомнил, да?

— Да. Люк, дружище. Спасибо. Спасибо тебе.

Глава восьмая

Когда Аарону Фальку было одиннадцать, ему, в компании Люка и Элли, довелось видеть, как Мэл Дикон превращает свою отару в дрожащую, окровавленную массу при помощи стригальных ножниц и ненужной жестокости.

Испытывая почти физическую боль, Аарон наблюдал, как овец одну за другой с размаху швыряют на пол сарая и срезают шерсть — слишком близко к коже.

Аарон был деревенским ребенком, как и все они, но это было уже чересчур. Услышав жалостный крик, вырвавшийся у особенно маленькой ярочки, он открыл рот и уже набрал в грудь воздуха, но осекся: Элли потянула его за рукав. Посмотрев ему прямо в глаза, она чуть качнула головой.

В этом возрасте она была худеньким и очень серьезным ребенком, подверженным долгим приступам молчания. Аарон, которого тоже сложно было назвать болтуном, не возражал. Разговоры они, как правило, оставляли Люку.

Они сидели втроем на покосившемся крыльце, и Элли едва подняла голову, когда ветер донес до них отзвуки происходившего в сарае. Аарону стало любопытно, но именно Люк настоял на том, чтобы они бросили уроки и отправились на расследование. Теперь в ушах у него все еще звенели стоны ярок. У Элли на лице застыло совершенно не знакомое ему выражение. И Аарону было ясно, что не он один жалел о том, что они все-таки пошли.

Они уже повернулись, чтобы уходить, и тут Аарон подскочил, увидев мать Элли, которая молча наблюдала за происходящим от дверей сарая. Она стояла, привалившись к раме; на ней был мешковатый коричневый свитер с жирным пятном на груди. Не отрывая глаз от происходившего в сарае, она медленно отпила из стакана с янтарной жидкостью, который держала в руке. Черты лица у них с дочерью были похожи: те же глубоко посаженные глаза, бледная кожа и широкий рот. Но Аарону казалось, что мать Элли выглядит лет на сто. Прошли годы, прежде чем он осознал, что ей в тот день не было еще сорока.

Он увидел, как мама Элли закрыла глаза и резко запрокинула голову. Поморщилась, сделала глубокий вдох. Она вновь открыла глаза, глядя на

мужа с чувством настолько сильным, что Аарон страшно испугался — вот сейчас Дикон повернется и тоже заметит. Сожаление, вот что это было.

Погода тем летом стояла такая, что работы у всех прибавилось, и спустя месяц племянник Дикона Грант переехал к ним на ферму, чтобы помочь. Мать Элли уехала спустя два дня после этого. Может, это стало для нее последней соломинкой. Трудно ненавидеть двух мужчин одновременно.

Забросив в машину пару чемоданов и бренчащую сумку с бутылками, она сделала вялую попытку успокоить плачущую Элли пустыми обещаниями, уверяя, что скоро вернется. Фальк до сих пор гадал, сколько лет прошло, прежде чем Элли перестала им верить. Может быть, какая-то ее часть продолжала верить до того самого дня, когда она умерла.

* * *

Фальк с Рако стояли на крыльце «Флиса»; сержант закурил сигарету. Он протянул пачку Фальку, но тот покачал головой. На сегодня визитов в прошлое ему было достаточно.

— Правильное решение, — сказал Рако. — Я вот тоже пытаюсь бросить. Из-за ребенка.

— Да. Это ты молодец.

Рако неторопливо курил, пуская дым в душное ночное небо. Шум в пабе чуть усилился. Дикон и Доу уходить не торопились, атмосфера в пабе до сих пор отдавала агрессией.

— Надо было сказать мне раньше, — сказал Рако, затягиваясь.

— Знаю. Виноват.

— Ты имеешь к этому какое-то отношение? К смерти девочки?

— Нет. Но меня не было с Люком, когда это случилось. Хотя утверждали мы обратное.

Рако помолчал.

— Так вы солгали насчет алиби. Где был Люк?

— Не знаю.

— Никогда не спрашивал?

— Спрашивал, конечно, но он... — Фальк помолчал, припоминая: — Он всегда настаивал на том, чтобы мы придерживались нашей версии событий. Всегда. Даже когда мы были только вдвоем. Он говорил, показания менять нельзя никогда, так безопаснее. И я не давил на него. Я был ему благодарен, понимаешь? Думал, это все ради меня.

— Кто еще знал, что это была неправда?

— Кое-кто подозревал. Мэл Дикон — ну, это очевидно. Но никто не

знал наверняка. По крайней мере, так я всегда думал. Но теперь я не так уж уверен. Оказывается, Джерри Хэдлер знал всю дорогу. Может, не он один.

— Ты думаешь, Элли убил Люк?

— Не знаю. — Он глядел на пустую улицу. — Но хочу знать.

— Думаешь, это все как-то связано?

— Очень надеюсь, что нет.

Рако вздохнул. Он тщательно затушил сигарету, потом плеснул на бычок остатками пива.

— Ладно, приятель, — сказал он. — За секрет свой можешь не беспокоиться. По крайней мере, пока. Если не понадобится. А если понадобится, ты будешь петь как птичка, а мне об этом ничего заранее известно не было. Договорились?

— Да. Спасибо.

— Давай встретимся в участке завтра утром, в девять. Сходим, поболтаем с этим приятелем Люка, Джейми Салливаном. С человеком, который, по его же признанию, видел Люка последним. — Он взглянул на Фалька. — Если ты все еще будешь в городе.

Помахав на прощанье, он скрылся в ночи.

Вернувшись к себе, Фальк прилег на кровать и достал телефон. Взял в руку, но звонить никуда не стал. Тарантул исчез со своего места над лампой. Фальк старался не задумываться о том, где он находится сейчас.

«Если ты все еще будешь в городе», — сказал Рако. Фальк и так прекрасно понимал, что стоит перед выбором. Его машина была припаркована снаружи. Он мог собрать сумку, заплатить бородатому бармену и через пятнадцать минут быть уже в пути на Мельбурн.

Рако, наверное, закатит глаза, и Джерри будет до него дозваниваться. Но что они могут сделать? Рады они не будут, ну, с этим жить можно. Но вот Барб — тут Фальку чересчур ясно представилось ее лицо, — будет страшно разочарована. А вот можно ли будет жить с этим, не совсем ясно. При этой мысли Фальку сделалось неуютно. В номере стояла страшная духота.

Своей матери он никогда не знал. Она умерла в луже собственной крови меньше чем через час после того, как он родился. Его отец пытался — старался изо всех сил — восполнить образовавшуюся пустоту. Но каждое ощущение, связанное в его памяти с материнской нежностью, — каждый теплый, только из духовки, пирог, каждое благоухающее духами объятие, — все это исходило от Барб Хэдлер. Может, она и была матерью Люка, но для него у нее всегда находилось время.

Они с Элли и Люком проводили в доме Хэдлеров больше времени, чем

в чем-либо еще. Собственный дом Фалька всегда был тих и пуст: посеvy и скот постоянно требовали внимания, и отец часами пропадал в полях. На предложения пойти домой к Элли она только трясла головой. «*Не сегодня*», — отвечала она. Когда они с Люком настаивали, ради разнообразия, на своем, Фальк потом всегда об этом жалел. На ферме у Элли всегда царил беспорядок и пахло пустыми бутылками.

В доме у Хэдлеров всегда было тепло и уютно, и никто не сидел без дела. Здесь кормили вкусной и здоровой едой и давали четкие инструкции насчет уроков, и когда ложиться спать, и не пора ли уже им выключить этот чертов телевизор и отправиться погулять. Ферма Хэдлеров всегда была раем — до того дня, когда она стала местом преступления настолько кошмарного, что оно не укладывалось в голове.

Фальк неподвижно лежал на кровати. Пятнадцать минут уже прошло. Сейчас он мог бы быть уже в дороге. Вместо этого он все еще был здесь.

Он вздохнул и повернулся на бок; пальцы нерешительно зависли над кнопками телефона: он раздумывал, кого ему нужно известить. Он представил себе свою квартиру на Сент-Килде, темную, с запертой накрепко дверью. Места достаточно для двоих, но последние три года он жил там один. Никто больше его там не ждет. С еще влажными после душа волосами, с дышащей на кухонной стойке бутылочкой красного, под хорошую музыку. Никто не побежит к телефону, чтобы узнать: он задержится еще на несколько дней. Никому не интересно, зачем.

По большей части его это устраивало. Но в эту минуту, лежа в номере над пабом в Кайверре, он хотел одного: чтобы его дом больше напоминал жилище Барб и Джерри Хэдлеров, а не тот, что был у его отца.

В понедельник ему нужно было на работу, но там знали, что он уехал на похороны. На чьи именно, он не уточнил. Он знал, что может остаться. Спокойно взять несколько дней. Ради Барб, ради Элли. Да и ради Люка. Еще с дела Пеберли он накопил столько часов переработок — да и хорошей репутации, — что в жизни не использовать. Нынешнее расследование, которое он вел, было, мягко говоря, вялотекущим.

Пока Фальк так и сяк поворачивал эти мысли в мозгу, прошло еще пятнадцать минут. Наконец он взял телефон и оставил многострадальной секретарше отдела сообщение, что берет недельный отпуск по личной надобности. Начиная с этого момента.

Трудно сказать, кого из них это больше удивило.

Глава девятая

Джейми Салливан уже четыре часа был по уши в работе, когда Фальк и Рако нашли его в полях. Он стоял на коленях, руки по локоть в сухой пыли, и проверял почву с дотошностью ученого.

— Предлагаю пойти в дом, — сказал он, когда Рако сообщил ему, что у них есть вопросы насчет Люка. — Мне в любом случае надо бы проверить, как там Ба.

Пока они шли к приземистому строению из кирпича, Фальк разглядывал Салливана. Под тридцать, волосы цвета соломы уже начали редеть на макушке. Ноги и торс у него были жилистые, но руки мощные, отчего фигурой он напоминал перевернутый треугольник.

Они зашли в дом, и Салливан провел их сквозь заставленные всяким хламом прихожую и коридор. Фальк снял шляпу и теперь старался не подавать виду, насколько он поражен окружающей обстановкой. Следовавший за ним Рако тихонько выругался, налетев на табурет, затаившийся в засаде около входной двери. В коридоре царил хаос. Абсолютно все поверхности были заставлены разными фигурками, памятными вещами и прочими пылесборниками. Где-то в глубине дома орал телевизор.

— Это все Ба, — ответил Салливан на не высказанный ими обоими вопрос. — Она их любит, и они помогают ей держаться... — он помедлил, подыскивая слова, — в реальности.

Он привел их на кухню, где у раковины стояла похожая на птичку женщина. В трясущихся, перевитых синими венами руках она держала наполненный чайник. Ей это явно было почти не под силу.

— Все в порядке, Ба? Хочешь чайку? Давай-ка я. — Салливан поспешно забрал у нее чайник.

Кухня была чистенькой, но очень захлавленной, а над плитой стену украшало огромное горелое пятно. Краска пошла пузырями и местами облупилась, как уродливая серая рана. Миссис Салливан поглядела на них троих, потом обратно на дверь.

— А когда твой папа домой придет?

— Он не придет, Ба, — сказал Салливан. — Он умер, помнишь? Уже три года как.

— Да. Я знаю. — Трудно было сказать, удивила ее эта новость или нет.

Салливан поглядел на Фалька и кивнул на дверь.

— Можете ее отвести? Я сейчас.

Старая женщина оперлась на руку Фалька, и, казалось, он мог почувствовать каждую косточку в ее сухонькой ручке.

После залитой солнцем кухни гостиная вызывала легкую клаустрофобию; на каждой поверхности полупустые чашки сражались за драгоценные квадратные сантиметры с пустоглазыми фарфоровыми фигурками. Фальк подвел старушку к вытертому креслу, стоявшему у окна.

Миссис Салливан с трудом опустилась в кресло и нетерпеливо вздохнула.

— Вы, полицейские, пришли из-за Люка Хэдлера, верно? А вот это трогать не нужно! — прикрикнула она на Рако, который было собрался снять со стула стопку помятых газет. Гласные она выводила тягуче, с легким ирландским акцентом. — И не надо на меня так смотреть. Я пока еще не полностью выжила из ума. Этот мальчик, Люк, был здесь, у нас, а потом уехал и прикончил свою семью, верно? Зачем еще вам сюда приходить? Если только наш Джейми чего-нибудь не натворил.

Смех у нее был скрипучий, как ржавые ворота.

— Да насколько мы знаем, ничего, — сказал Фальк, обменявшись взглядами с Рако. — Вы хорошо знали Люка?

— Совсем не знала. Кроме того, что наш Джейми с ним дружил. Заходил время от времени. Помогал Джейми с фермой.

Вошел Салливан с чайным подносом в руках. Не обращая внимания на протесты бабушки, он расчистил место на буфете и помахал Фальку и Рако, приглашая их сесть на потрепанный диван.

— Извините за беспорядок, — сказал Салливан, вручая каждому по чашке. Непросто становится... — тут он глянул в сторону бабушки и переключил внимание на заварочный чайник. Фальк приметил синяки у него под глазами, из-за чего он казался старше своих лет. Но в его манере держаться, в том, как он действовал в сложившейся ситуации, как управлялся с мелочами, сквозила уверенность. Фальк легко мог представить его вдали от всего этого, при галстукке, в каком-нибудь офисе в большом городе. С шестизначным годовым заработком, из которого половину он будет выбрасывать на хорошие вина.

Салливан, покончив с раздачей чашек, подтянул себе дешевый деревянный стул.

— Так что вы хотите знать?

— Так, пытаемся разобраться с парой неувязок, — сказал Рако.

— Ради Хэдлеров, — добавил Фальк.

— Да, конечно. Без проблем. Если это ради Барб и Джерри, — сказал Салливан. — Но слушайте, первое, что я хочу сказать, — и копам из Клайда я сказал то же самое, — если бы я знал, что Люк вот-вот сорвется и сделает то, что он сделал, я бы никогда не позволил ему уехать. Хочу, чтобы это было ясно с самого начала.

Он опустил взгляд, вертя кружку в руках.

— Да, конечно, дружище, никто не говорит, что ты мог предотвратить то, что случилось, — сказал Рако. — Но если бы мы могли еще раз пройти по тому дню, это было бы очень полезно. Просто хотелось услышать все самим, из первых рук. На всякий случай.

Кролики, рассказал им Салливан, вот в чем был корень зла. По крайней мере, один из этих корней. С засухой и так было достаточно проблем, а тут еще эти сжирают все, что только можно сожрать. Как раз накануне того дня он сетовал на кроликов во «Флисе», и Люк предложил ему подсобить.

— Кто-нибудь слышал, как вы договаривались? — спросил Фальк.

— Наверное. Точно я не помню. Но народу было полно. Любой мог услышать, обрати он внимание.

Люк Хэдлер припарковал свой пикап у въезда на поле и вышел из машины. Он приехал на пять минут раньше, но Джейми Салливан был уже здесь. Они помахали друг другу. Люк достал из кузова свое ружье и взял протянутые Салливаном патроны.

— Пошли, надерем задницы этим твоим грызунам, — сказал, сверкнув зубами, Люк.

— Так патроны были твои? — спросил Рако. — Какая марка?

— «Винчестер». А что?

Рако поймал взгляд Фалька. Значит, с «ремингтоном» им опять не повезло.

— А Люк с собой патроны не брал?

— Не думаю. Мои кролики — мои пули, это только справедливо. А что такое?

— Просто проверить хотел. И как тебе показался Люк?

— Правда, не знаю. Я с тех пор много раз уже это в голове прокручивал. Но, думаю, могу сказать, что с виду у него все было порядке. Все как обычно. — Салливан на минуту задумался. — По крайней мере, пока он не уехал.

Первые несколько раз Люк промазал, и Салливан покосился в его сторону. Люк прикусил палец. Салливан ничего не сказал. Люк выстрелил

опять. Промахнулся.

— Все в порядке, дружище? — спросил Салливан неохотно. Сокровенные проблемы Салливан обсуждал с Люком примерно так же часто, как и со всеми остальными своими друзьями, то есть практически никогда. С другой стороны, не мог же он потратить на кроликов весь день. Солнце сверлило им спины.

— Нормально, — отозвался рассеянно Люк. — А у тебя как?

— Да то же самое, — Салливан поколебался. Разговор на этом спокойно можно было прекратить. Люк выстрелил и промахнулся опять. Салливан решил сделать шаг навстречу со своей стороны.

— Бабушка что-то сдала в последнее время, — сказал он. — Такое иногда вытворяет, глаз да глаз.

— Сама-то в порядке? — спросил Люк, не отрывая глаз от прицела.

— Да-а. Просто иногда уследить за ней нелегко.

Люк неопределенно кивнул, и до Салливана дошло, что слушал тот только наполовину.

— Чертовы бабы, — сказал Люк. — Твоя, по крайней мере, не может больше носиться повсюду и совать свой нос бог знает куда.

Салливан, который никогда в жизни не задумывался о бабушке как о «бабе», не сразу нашелся что ответить.

— Нет. Наверное, больше не носится, — сказал он. У него было ощущение, что они забрели на неизведанную территорию. — С Карен все ОК?

— А. Да. Без проблем. — Люк навел ружье, нажал на курок. В этот раз удачнее. — Ну, ты понимаешь. Карен есть Карен. Вечно что-нибудь да происходит.

Он набрал воздуха в грудь, будто собрался что-то сказать, но так и промолчал. Передумал.

Салливан поежился. Определенно, неизведанная территория.

— Ну да.

Он попытался придумать, что бы еще сказать, но в голове было пусто. Он глянул на Люка, который, опустив ружье, тоже смотрел на него. На секунду их глаза встретились. В воздухе повисла явная неловкость. Оба поспешно повернулись в сторону кроличьей норы.

— ...Вечно что-нибудь происходит? — переспросил Рако. — Что он имел в виду?

Салливан с несчастным видом глядел на стол.

— Не знаю. Я не спросил. Нужно было спросить, да?

«Да», — подумал Фальк.

— Нет, — сказал он вслух. — Вряд ли бы это на что-то повлияло.

Он не знал, правда это или нет.

— Люк еще что-нибудь говорил про это?

Салливан покачал головой.

— Нет. Мы после этого про погоду заговорили. Как обычно.

Час спустя Люк потянулся.

— *Думаю, их немного поубавилось.* — Он глянул на часы. — *Мне пора двигать.*

Он отдал Салливану неиспользованные патроны. Они вместе дошли до пикапа; все напряжение куда-то испарилось.

— *Может, по пиву?* — Салливан, сняв шляпу, утер лоб рукавом.

— *Нет, мне домой пора. Дела, понимаешь.*

— *Да. Спасибо тебе за помощь.*

— *Да пустяки,* — Люк пожал плечами. — *Я, по крайней мере, руку немного набил.*

Он положил ружье в ноги пассажирского сиденья и забрался в машину. Теперь, когда решение было принято, он явно спешил. Уже выезжая на дорогу, он опустил окно и помахал на прощание.

Салливан стоял один посреди пустого поля и смотрел, как серебристый пикап исчезает из виду.

Они молча размышляли над услышанным. От окна донеслось дребезжание: миссис Салливан нетвердой рукой поставила чашку на стопку романов. Миссис Салливан смерила чашку недобрый взглядом.

— А что случилось потом? — спросил Рако.

— Через какое-то время позвонили полицейские из Клайда, они искали Люка, — сказал Салливан. — Я сказал им, что он уехал пару часов назад. Но после этого и пяти минут не прошло, как новости были повсюду.

— Во сколько это было?

— Около шести тридцати, наверное.

— Вы были здесь?

— Да.

— А до этого, когда Люк уехал, вы чем занимались?

— Ничем. Работал. Здесь, на ферме, — сказал Салливан. — Я закончил на поле. Поужинал с Ба.

Фальк сморгнул, уловив краем глаза легкое движение.

— Вы тут только вдвоем были? — Фальк говорил непринужденным тоном. — Вы никуда не уезжали? И никто не заходил?

— Нет. Только мы вдвоем.

Движение было почти незаметным, но, когда Фальк думал об этом позже, он все так же был уверен в том, что видел. Самым краешком глаза он заметил, как миссис Салливан удивленно вскинула свои выцветшие глаза. Каких-то полсекунды она смотрела на внука, прежде чем вновь опустить взгляд. Фальк пристально за ней наблюдал, но больше она глаз не поднимала. Ни разу. Весь остаток их визита она, казалось, крепко спала.

Глава десятая

— Ну, скажу я тебе, я на его месте давно бы уже на стенку полез. — Рако, сидевший за рулем, поежился. За окном тянулась проволочная изгородь, за которой был высохший желтый кустарник; еще дальше, до горизонта, шли бежевые и бурые поля. — Живешь у черта на рогах, и никого, кроме бабули, в качестве компании. Этот дом похож на какой-то дурацкий музей.

— Что, не любитель фарфоровых херувимчиков? — спросил Фальк.

— Дружище, моя бабушка — католичка похлеще Папы Римского. Я на всяких религиозных финтифлюшках собаку съел, — ответил Рако. — Просто трудно назвать это жизнью, в его-то возрасте.

Они проехали мимо придорожного пожарного знака. С тех пор как Фальк приехал, уровень пожарной опасности возрос до «серьезного». Стрелка на знаке сурово указывала на оранжевый сегмент полукруга. Готовься. Действуй. Спасайся.

— Как думаешь, он правду говорил? — Тут Фальк рассказал, как бабушка Салливана отреагировала на заявление внука, будто он в тот вечер был дома.

— Это любопытно. Но у нее же крыша немного поехала, верно? И божьим одуванчиком ее никак не назовешь. В рапорте нет ни слова о том, что Салливан мог быть где-то, кроме как на ферме, но это еще ничего не значит. Скорее всего, его просто недостаточно тщательно проверяли, если проверяли вообще.

— Дело в чем, — сказал Фальк, возясь с настройками кондиционера на передней панели. — Если бы Салливан захотел убить Люка, ему это было бы проще простого. Вокруг — никого; они были одни на протяжении часа или больше, с оружием в руках. Убийство с последующей инсценировкой тут практически напрашивалось. Да его Ба могла бы все это провернуть, окажись она поблизости.

Фальк, потеряв веру в кондиционер, чуть приоткрыл окошко; в салон ударила кипящая струя воздуха. Он поскорее поднял стекло опять.

Рако рассмеялся.

— А я-то думал, это в Аделаиде — жара.

— А, так ты оттуда? И каким ветром тебя сюда занесло?

— Предложили сержанта. Я подумал, это хорошая возможность —

самому возглавить участок; да я и сам — парень из глубинки. А ты всегда работал в Мельбурне?

— В общем, да. Основное место работы всегда было там.

— И как, тебе нравится заниматься всеми этими финансами?

Фальк усмехнулся про себя тону, каким это было сказано. Очень вежливо, но Рако явно недоумевал, как по доброй воле можно избрать подобную карьеру. Это было ему знакомо. Многие очень бы удивились, узнай они, сколько банкнот, проходивших через его руки, было запятнано кровью.

— Мне это подходит, — ответил он. — Кстати говоря, я тут прошлым вечером начал разбирать финансовые бумаги Хэдлеров.

— Что-нибудь интересное?

— Пока нет. — Фальк подавил зевок. Вчера он засиделся допоздна, вглядываясь в колонки цифр в тусклом свете висевшей под потолком лампы. — Что само по себе говорит о многом. Ферма переживала нелегкие времена, это вполне очевидно, но я не вижу, чтобы дела у них шли хуже, чем у кого бы то ни было в округе. Они, по крайней мере, пытались планировать заранее. Откладывали понемногу в хорошие времена. Что касается страховки — ничего особенного. Помимо будущей пенсии — только на самое необходимое.

— И кто это получит?

— Шарлот, через родителей Люка. Но там не разгуляешься. Вероятно, покроет ссуду на покупку фермы, и больше практически ничего. Так что ферму она получит, нравится ей это или нет. А так — ничего подозрительного, ни лишних счетов, ни долгов третьим лицам, ничего такого. Я еще продолжу копать.

Главное, что Фальк уяснил благодаря своим изысканиям, — что Карен Хэдлер была опытным и дотошным счетоводом. Следуя ее аккуратным выкладкам, вчитываясь в пометки, сделанные отточенным карандашом, он вдруг ощутил некое родство душ.

Подъехав к пустынному перекрестку, Рако притормозил и посмотрел на часы.

— Итого — семь минут.

Они ехали по маршруту Люка от фермы Салливана. Рако повернул влево, на дорогу, ведущую к дому Хэдлеров. Дорога была заасфальтирована, но в плохом состоянии. Асфальт повело от жары, и в покрытии зияли глубокие трещины. Технически это была двухрядная дорога, но ширины, чтобы разъехаться, хватило бы едва-едва. Появись встречная машина, попробовал представить себе Фальк, и кому-то из них

пришлось бы по-соседски нырнуть в кусты на обочине. Но возможности проверить так и не представилось. За всю дорогу им не встретилось ни единого автомобиля.

— Почти четырнадцать минут, от порога до порога, — произнес Фальк, когда они подъехали к дому Хэдлеров. — Ну ладно. Давай теперь посмотрим, где было обнаружено тело Люка.

Это едва можно было назвать поляной.

Рако умудрился было проехать мимо, и, потихоньку выругавшись, резко затормозил. Преодолея несколько метров задним ходом и съехал на обочину. Они вышли, даже не заперев машину. Вокруг не было никого. Рако первым направился к прогалу в ровной линии деревьев.

— Это здесь.

Повисла зловещая тишина: птицы, заслышав его голос, на мгновение примолкли. Фальк стоял в центре поляны. Здесь было на какую-то толику прохладнее: со всех сторон полянку обступили белоствольные эвкалипты-призраки. Дорогу было совершенно не видно за густыми зарослями. Желтоватая почва спеклась в твердую, как камень, корку. Ни следов, ни отпечатков шин.

Прямо под ногами Фалька, в центре полянки, был рассыпан песок. Он вдруг понял почему и поскорее отступил. Совсем недавно здесь топтались десятки ног, но теперь место выглядело совершенно заброшенным.

— Не слишком веселая обстановка для последних мгновений жизни, — сказал Фальк. — Это место что-то значило для Люка?

Рако пожал плечами.

— Я надеялся, может, у тебя будут какие-то идеи на этот счет.

Фальк порылся в памяти, перебирая походы с палатками и другие мальчишеские впечатления. В голову ничего не приходило.

— Он точно погиб здесь? В кузове пикапа? — Спросил Фальк. — Нет никаких шансов на то, что это произошло где-то еще, а потом его привезли сюда?

— Нет, никаких. Иначе кровь растеклась бы совершенно по-другому.

Фальк постарался мысленно распределить события во времени. Люк уезжает от Салливана около 4:30 вечера. Его пикап появляется в поле зрения камеры на ферме Хэдлеров примерно полчаса спустя. Гораздо дольше, чем потребовалось им, чтобы преодолеть то же самое расстояние. Два выстрела, четыре минуты, и пикап снова уезжает.

— Все выглядит достаточно просто, если это стрелял Люк, — сказал Фальк. — Приехал к дому, выбрав почему-то круглую дорогу, убил их, потом отправился сюда.

— Да уж. Все гораздо сложнее, если это был кто-то другой, — отозвался Рако. — Убийца должен был попасть в пикап в какой-то момент после того, как тот уехал от Салливана, потому что оружие убийства было при Люке. Так кто вел машину по дороге на ферму?

— И если за рулем был не Люк, то где, черт возьми, он был, пока убивали его жену и ребенка? Сидел в машине и наблюдал?

Рако пожал плечами.

— Может, так оно и было? То есть это вполне вероятный сценарий. В зависимости от того, кто был тот второй человек и какого рода власть у него была над Люком.

Они посмотрели друг на друга, и Фальку стало ясно, что Рако тоже думает о Салливане.

— Или убийца мог его одолеть физически, — добавил Рако. — Не без труда, наверное, но нет ничего невозможного, если ты в хорошей форме. Ты видел, какие у Салливана руки. Будто в чулок орехов напихали.

Фальк кивнул, вызвав в памяти рапорт с описанием тела. Люк был крепкий парень. Совершенно здоровый, если не считать огнестрельного ранения. На руках ни царапины, ни следа борьбы. Ни ссадин, указывающих на то, что он мог быть связан. Он представил себе тело Люка, лежащее на спине в кузове пикапа. Лужу крови, растекшуюся вокруг, и четыре непонятные полосы на внутренней стороне борта.

— «Чертовы бабы», — сказал Фальк вслух. — Как ты думаешь, что он имел в виду?

— Понятия не имею, — ответил Рако, глянув на часы. — Но у нас сегодня еще одна встреча, с человеком, которому это может быть известно. Я подумал, стоит взглянуть, что Карен Хэдлер держала в ящике рабочего стола.

Глава одиннадцатая

Деревце мимозы, казалось, стало чувствовать себя получше, когда его посадили, но явно не намного. Детишки в школьной форме недоуменно наблюдали, как вокруг хлипкого стволика насыпают грунт. Учителя и родители стояли группками вокруг; кто-то, не скрываясь, утирал слезы. Несколько пушистых желтых соцветий решили сдаться без борьбы и облетели, кружась, на землю, туда, где у стволика мимозы была установлена табличка. Свежая гравировка гласила:

Светлой памяти наших любимых Билли Хэдлера и Карен Хэдлер. Ваша школьная семья скучает по вам.

У саженца нет ни единого шанса, подумал Фальк. Исходивший от почвы жар чувствовался даже сквозь подошвы ботинок.

Оказавшись на старом школьном дворе своего детства, Фальк вновь пережил уже знакомое чувство, будто перенесся на тридцать лет назад. Заасфальтированная детская площадка казалась уменьшенной копией той, что существовала у него в памяти, а питьевые фонтанчики — до смешного низенькими. Но узнавание пришло мгновенно; в памяти замелькали полузабытые лица и происшествия, которые, как ему казалось, он давно уже забыл.

В те времена Люк был идеальным союзником. У него была заразительная улыбка, и он никогда не лез за словом в карман: в общем, он был из тех ребят, которым с легкостью удалось лавировать в джунглях детской площадки. «*Харизматичный*» — вот было бы правильное слово, знай они его в те годы. Он всегда охотно делился — временем, шутками, вещами. Родителями. В доме у Хэдлеров рады были всем. И другом он был беззаветно верным. Фальку как-то попали случайно мячиком в лицо, и ему силой пришлось оттаскивать Люка от парня, который этот мячик пнул. Фальк, который в те времена был неуклюжим дылдой, всегда сознавал, насколько ему повезло с Люком.

Церемония закончилась; Фальк переминался с ноги на ногу.

— Скотт Уитлэм, директор, — сказал Рако; крепкий мужчина в галстукe, вежливо выпутавшись из толпы родителей, подошел к ним, протягивая на ходу руку.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал он после того, как Рако

представил Фалька. — В такое время каждому хочется поговорить.

Уитлэму было слегка за сорок; двигался он с непринужденной легкостью бывшего спортсмена. Плечи у него были широкие, и улыбка тоже. Из-под шляпы виднелись короткие темные волосы.

— Хорошая была церемония, — сказал Фальк, и Уитлэм глянул назад, в сторону деревца.

— Это было нужно нам всем, — он понизил голос. — Но шансов у дерева никаких. Ума не приложу, что мы скажем детям, когда оно засохнет. Ну да ладно.

Он кивнул в сторону здания из светлого кирпича.

— Мы собрали все вещи, принадлежавшие Карен и Билли, как вы и просили. Боюсь, там совсем немного, но все что есть — в учительской.

Они двинулись за ним через двор. Где-то в отдалении прозвенел звонок. Конец уроков. Вблизи здание школы и оборудование на детской площадке производили печальное впечатление. Краска повсюду облупилась, и обнажившийся металл был подернут красноватым налетом ржавчины. Пластмасса на горке вся потрескалась, и на баскетбольной площадке было всего одно кольцо. Бедность местной общины сказывалась во всем.

— Финансирование, — сказал Уитлэм. — Вечно его не хватает.

Позади здания школы были стойла, из которых выглядывало несколько грустных овец. Дальше был склон, отлого поднимавшийся к цепи покрытых бушем холмов.

Учитель остановился, чтобы выловить пригоршню опавших листьев из овечьей поилки.

— Вы и сейчас учите ребят фермерскому делу? — Фальк припомнил, как проверял когда-то очень похожую поилку.

— Отдельным вещам, да. Но мы стараемся не слишком на них нажимать. Что бы им было весело, интересно. Суровой реальности детишкам и дома хватает.

— Это вы их учите?

— Господи, нет. Что я, городской неженка, в этом понимаю? Мы переехали из Мельбурна восемнадцать месяцев назад, и я только научился отличать передний конец коровы от заднего. Жена устала от городской жизни, ей хотелось разнообразия. — Он помолчал. — Вот мы его и получили.

Он толкнул тяжелую дверь, и они вошли в холл, где витал запах сэндвичей. На стенах были развешаны детские рисунки.

— Господи, какое депрессивное творчество, — прошептал Рако.

Понятно было, что он имеет в виду. Вот семья человечков — палка,

палка, огуречик, — и у всех нарисованные рты повернуты уголками вниз. А вот портрет коровы с крыльями, как у ангела. «Моя корова Тоффи в раю», — гласила кривоватая подпись. Все, более или менее напоминающее пейзаж, было выполнено в бурых тонах.

— Видели бы вы то, что мы не стали вывешивать, — сказал Уитлэм, останавливаясь у дверей учительской. — Засуха. Она убьет этот город.

Выудив из кармана огромную связку ключей, он впустил их в учительскую. Указав им на пару стульев, выдавших лучшие времена, он исчез в глубинах кладовки. Пару секунд спустя он появился с запечатанной картонной коробкой в руках.

— Все здесь. Всякая мелочь со стола Карен, кое-что из школьных работ Билли. Боюсь, ничего, кроме рисунков и бухгалтерских таблиц, там нет.

— Спасибо, — сказал Рако, взяв у него коробку.

— Нам их не хватает. — Уитлэм оперся на стол. — Их обоих. До сих пор прийти в себя не можем.

— Насколько тесно вы с Карен общались по работе? — спросил Фальк.

— Можно сказать, тесно — штат у нас маленький. Она была превосходным работником. Слишком умна для этой работы, если честно, но, думаю, ее все устраивало. Ясли и все такое.

Окно было чуть приоткрыто, и с площадки доносились детские голоса.

— Слушайте, а могу я спросить, почему вы здесь? — сказал Уитлэм. — Я думал, там все уже выяснили.

— Дело касается трех членов одной и той же семьи, — ответил Рако. — Такие случаи, к сожалению, редко оказываются распутанными до конца.

— Да-да. Конечно. — Особой убежденности в голосе Уитлэма не было. — Дело в чем, в мои обязанности входит следить за безопасностью учащихся и работников школы, так что, если...

— Мы вовсе не намекаем, что вам есть о чем беспокоиться, Скотт, — сказал Рако. — Если появится что-то, о чем вам необходимо будет знать, мы обязательно сообщим.

— Ладно. Понял, принял, — сказал Уитлэм. — Чем я могу вам помочь?

— Расскажите нам о Карен.

Стук был тихим, но решительным. Уитлэм поднял голову от бумаг; дверь приоткрылась, и в щель просунулась светловолосая голова.

— Скотт, у тебя найдется минутка?

Карен Хэдлер зашла в кабинет. Она не улыбалась.

— Она зашла поговорить со мной накануне того дня, как их с Билли не стало, — сказал Уитлэм. — Она, конечно, тревожилась.

— Почему «конечно»? — спросил Рако.

— Простите, я не хотел, чтобы это прозвучало легкомысленно. Но вы же видели эти детские рисунки на стенах. То есть все напуганы. И взрослые тоже.

Он на минуту задумался.

— Карен была по-настоящему ценным членом команды. Но последнюю пару недель она явно нервничала. Стала рассеянной. Допустила одну или две ошибки в расчетах. Ничего серьезного, мы их выловили. Но, опять же, это было совершенно на нее не похоже. Обычно она была исключительно собрана и аккуратна. Так что она зашла поговорить со мной насчет этого.

Карен закрыла за собой дверь. Выбрала стул, стоявший поближе к столу Уитлэма. Села, выпрямив спину, аккуратно подбрав ноги под стул. Ее платье с запахом, красное с принтом в виде белых яблок, было скромным, но очень ей шло. Карен относилась к женщинам, чья юная красота с возрастом и рождением детей становится мягче; их черты, может и теряют четкость, но становятся, на свой лад, не менее привлекательными. Она запросто могла бы сыграть роль идеальной мамочки в рекламе какого-нибудь супермаркета. Любой купил бы стиральный порошок или мюсли по рекомендации Карен Хэдлер.

Она сидела, стиснув в руках тонкую стопочку бумаг.

— Скотт, — начала она, потом остановилась. Он ждал. Карен сделала глубокий вдох. — Скотт, честно, я не была уверена, что мне стоит к тебе с этим идти. Мой муж...

Карен не отводила взгляд, но чувствовалось, что это дается ей нелегко.

— Люк, ну... Понимаешь, вряд ли он был бы этим доволен.

Рако подался вперед.

— Она выглядела испуганной?

— Тогда мне так не показалось, — Уитлэм потер переносицу. — Но после того, что случилось на следующий день, стало ясно, что, должно быть, я слушал недостаточно хорошо. Мне не дает покоя, что я мог что-то упустить. Все время спрашиваю себя об этом. Но мне хотелось бы внести ясность: если бы я хоть на минуту заподозрил, что они в опасности, — конечно, я никогда бы не дал им с Билли уйти домой.

Уитлэм неосознанно, почти слово в слово, повторил то, что сказал им Салливан.

Карен теребила обручальное кольцо.

— Мы с тобой уже довольно давно работаем вместе — и, как мне кажется, работаем хорошо... — Она подняла глаза, и Уитлэм кивнул. — Я должна кое-что сказать.

Она опять помедлила, и, набрав в грудь воздуха, продолжила:

— Знаю, в последнее время были проблемы. Со мной, с тем, как я работаю. Ошибки вот делаю.

— Всего одну или две, но ведь ничего плохого не произошло, Карен. Ты прекрасный работник, все это знают.

Она кивнула, опустив глаза. Когда она посмотрела на него вновь, у нее на лице была написана решимость.

— Спасибо. Но есть одна проблема. И закрыть на нее глаза я не могу.

— ...Она сказала, что ферма вот-вот разорится, — сказал Уитлэм. — Карен думала, что у них есть шесть месяцев, может, меньше. Сказала, что Люк в это не верит. Видимо, он считал, что дела еще могут поправиться, но она-то видела, что их ждет. Она была встревожена. Даже прощения у меня попросила.

При этом Уитлэм даже фыркнул.

— Теперь это кажется просто абсурдным. Но она сказала, ей очень жаль, что она была такой рассеянной. Попросила не говорить Люку, что она мне все это рассказала. Конечно, я бы в любом случае не стал с ним ничего обсуждать. Но она боялась, что он расстроится, если подумает, будто она трепалась об этом в городе.

Уитлэм прикусил ноготь.

— Мне кажется, ей нужно было выговориться. Я принес ей стакан воды, посидел, послушал. Уверил, что никакой угрозы увольнения нет, ну и все такое.

— Вы хорошо знали Люка Хэдлера? — спросил Фальк.

— Не очень. Встречался с ним время от времени, конечно. Родительские собрания. Видел его иногда в пабе, но случая поговорить как-то не было. Но мне он всегда казался симпатичным человеком. И ответственным отцом. Я просто поверить не мог, когда мне сказали по телефону. Страшно потерять коллегу, но ученика... Это худший кошмар учителя.

Фальк спросил:

— А кто сообщил вам о случившемся?

— Кто-то из полиции Клайда позвонил в школу. Потому что Билли у нас учился, я так полагаю. Было уже довольно поздно, ближе к семи. Я уже собирался уходить, но, помню, вместо этого сидел здесь еще какое-то

время, пытался все это как-то осмыслить. Понять, что сказать детям на следующий день.

Он печально пожал плечами.

— Что ни скажи, все плохо. Билли ведь дружил с моей дочерью, знаете? Они в одном классе были. Это было таким страшным шоком — узнать, что Билли не спасся, хотя все могло быть по-другому.

— Что вы имеете в виду? — спросил Рако.

— Да он же должен был гостить тем вечером у нас, — сказал Уитлэм, будто объяснял очевидное. Он взглянул на Фалька и Рако, увидел написанное на их лицах недоумение, и, смешавшись, поднял руки.

— Простите. Я думал, вы знаете. Полицейским из Клайда я рассказал. Билли в тот день должен был приехать к нам в гости, но в последний момент Карен позвонила жене и все отменила. Сказала, Билли неважно себя чувствует.

— Но он был достаточно здоров, чтобы пойти в школу. Вы с женой ей поверили? — спросил Фальк, подавшись вперед.

Уитлэм кивнул.

— Да. И, прошу отметить, мы думаем так до сих пор. Тогда вокруг ходила какая-то легкая форма простуды. Карен могла решить, что ему стоит лечь пораньше. Думаю, это было просто очень печальное совпадение.

Он потер глаза рукой.

— Но каково это, — сказал он. — Знать, насколько легко он мог оказаться в другом месте! Господи, все эти «если»...

Глава двенадцатая

— Будь мы на связи с Клайдом, мы бы уже это знали, — сказал Фальк, когда они вышли на улицу. Коробку он сунул под мышку, и теперь она противно липла к потной коже.

— Нда. Ну, никакой катастрофы не произошло. Мы все равно узнали.

— Да, так или иначе. Не знаю. Может, настало время включить их в игру.

Рако уставился на него.

— Ты серьезно думаешь, что мы нарыли достаточно, чтобы им позвонить? Не забывая при этом, как они будут реагировать?

Фальк открыл уже было рот для ответа, как вдруг с противоположной стороны площадки раздался оклик:

— Эй, Аарон! Подожди.

Фальк повернулся и увидел, что за ними бежит Гретчен Сконер. И сразу почувствовал, что настроение у него чуть улучшилось. Вместо траурного костюма на ней были теперь шорты и облегающая синяя рубашка с подвернутыми рукавами. Так ей гораздо больше идет, подумал Фальк. Рако забрал у него коробку.

— Буду ждать тебя в машине, дружище, — тактично сказал он, вежливо кивнув Гретчен. Она остановилась перед Фальком и, сняв солнечные очки, водрузила их поверх собранных в пучок волос. Фальк не мог не заметить, как здорово синяя рубашка подчеркивает цвет ее глаз.

— Эй, а что это ты тут до сих пор делаешь? Я думала, ты уехал. — Она хмурилась и улыбалась одновременно. Не прекращая говорить, она притронулась к его локтю. Он почувствовал укол совести. Надо было ей сообщить.

— Мы тут перебросились словечком со Скоттом Уитлэмом, — сказал он. — С директором.

— Да, я знаю, кто такой Скотт. Я состою в школьном совете. Я имела в виду, что ты делаешь в Кайверре?

Фальк посмотрел мимо нее. Кучка мамаш повернула головы в их сторону; все глаза спрятаны за солнечными очками. Он взял Гретчен под руку и слегка развернул, так, чтобы они стояли к мамашам спиной.

— Это все довольно сложно. Хэдлеры попросили меня поглядеть, что там случилось у Люка.

— Ты шутишь. Зачем? Что-то произошло?

У Фалька был сильный соблазн выложить всю историю. Про Элли, про алиби, про ложь. Про чувство вины. Гретчен была частью их четверки. Она была уравновешивающей силой. Свет против мрака Элли. Спокойствие против безумия Люка. Она поймет. Поверх ее плеча ему было видно, что мамы наблюдают за ними до сих пор.

— Это насчет денег, — сказал Фальк со вздохом. Он рассказал ей о подозрениях Барб, несколько их смягчив. Плохая ситуация с плохими долгами.

— Господи, — она моргнула; на секунду застыла, переваривая информацию. — Думаешь, в этом что-то есть?

Фальк только пожал плечами. Разговор с Уитлэмом пролил новый свет на предположения Барб.

— Посмотрим, — сказал он. — Но сделай мне одолжение — никому пока об этом не говори, хорошо?

Гретчен нахмурилась.

— Здесь ты, скорее всего, опоздал. Уже поговаривают, что какие-то копы были сегодня у Джейми Салливана.

— Господи, как это вообще выплыло наружу? — спросил Фальк, уже зная ответ. Маленький город, большие сплетни. Гретчен проигнорировала его вопрос.

— Ты просто поосторожней, ладно? — Она протянула руку и смахнула муху, усевшуюся на плечо Фалька.

— Люди сейчас и так на взводе. Чтобы сорваться, им много не надо.

Фальк кивнул.

— Спасибо. Принято.

— В любом случае... — Гретчен примолкла; мимо пронесся, гоня мяч, табунок мальчишек. На носу были выходные, и их маленькие плечи уже забыли тяжесть, которая лежала на них во время мемориальной церемонии. Прикрыв глаза рукой от солнца, она помахала в их сторону. Фальк попытался разобрать, кто из них ее сын, но у него не получилось. Когда он поднял глаза, то заметил, что она за ним наблюдает.

— Как ты думаешь, сколько ты тут пробудешь?

— Неделю. — Фальк поколебался. — Не больше.

— Здорово. — Ее губы изогнулись в улыбке, и двадцати лет как не бывало.

Пару минут спустя, когда она уходила, Фальк сжимал в кулаке клочок бумаги, на котором аккуратным почерком Гретчен был записан номер ее мобильного и приглашение провести вместе следующий вечер.

— Что, новыми друзьями обзавелся? — спросил Рако мимоходом, пока Фальк садился в машину.

— Нет, скорее несколько позабытыми старыми, — ответил Фальк, не удержавшись от улыбки.

— Так чем ты хочешь заняться? — сказал Рако уже более серьезным тоном.

Он кивнул на картонную коробку, лежавшую на заднем сиденье.

— Можно позвонить в Клайд и оказаться по самую задницу в бумажной волоките, пытаясь доказать им, что они облажались. Или хочешь пойти в участок и посмотреть, что там в коробке?

Фальк посмотрел на него с минуту, представляя себе этот звонок.

— Нда, ну ладно. Участок. Коробка.

— Вот это правильное решение.

— Поезжай уже.

Полицейский участок располагался в низком строении красного кирпича, в дальнем конце главной улицы Кайверры. Магазины по обеим сторонам дороги были заброшены, витрины пусты. Только в молочном баре^[4] и винном магазинчике^[5] наблюдалось хоть какое-то оживление.

— Господи, как все запущено, — сказал Фальк.

— Такая вот штука с денежными проблемами. Они заразны. У фермеров нет денег на походы по магазинам, те разоряются, и вот вам еще люди, которым нечего тратить в магазинах. Цепная реакция.

Рако потянул на себя дверь участка. Та оказалась заперта. Выругавшись, он достал ключи. На двери была табличка, где были указаны часы работы участка: с понедельника по пятницу, с 9:00 до 17:00. В нерабочие часы жертвы криминальной активности должны были, согласно табличке, пытаться удачи в Клайде. Фальк посмотрел на часы. 16:51. Внизу таблички был от руки приписан номер мобильного для экстренных происшествий. Фальк готов был биться об заклад, что это номер Рако.

— Что, решили прикрыть лавочку пораньше? — крикнул Рако, когда они вошли, наконец, внутрь. В его голосе явственно прозвучало раздражение.

Секретарь участка — дама за пятьдесят, но с угольно-черными, как у молодой Элизабет Тейлор, волосами — вызывающе задрала подбородок.

— Я сегодня рано пришла, — сказала она, напряженно вытянувшись за приемной стойкой. Сумка у нее на плече торчала вперед, как дуло пистолета. Рако представил ее по имени — Дебора. Руки Фальку она пожимать не стала. Констебль Эван Барнс, стоявший посреди офиса за ее спиной, виновато поднял взгляд. В руке он сжимал ключи от машины.

— Вечер добрый, босс, — сказал Барнс чересчур небрежным тоном. — Да вроде пора уже?

Он демонстративно посмотрел на свои часы.

— О. Да. Еще пара минут осталась.

Он был крупный мужчина со свежим румянцем на щеках и кудрявыми волосами, которые торчали во все стороны. Сев за свой стол, Барнс принялся шуршать бумагами. Рако закатил глаза.

— Ладно, давайте, валите уже, — сказал он, поднимая секцию стойки, чтобы пройти внутрь. — Хороших выходных. Будем надеяться, что город не сгорит дотла за одну минуту до пяти, верно?

Дебора выпрямила спину с полным сознанием собственной правоты.

— Ну, тогда до свидания, — сказала она Рако. Фальку она вежливо, еле заметно кивнула, глядя при этом скорее ему в лоб, чем в глаза.

Фальк ощутил, как в груди холодком растекается понимание. Она знала. В общем-то, удивляться нечему. Если Дебора родилась и выросла в Кайверре, по возрасту она должна была помнить Элли Дикон. Это было самое драматичное событие за всю историю Кайверры, по крайней мере, до гибели Хэдлеров. Она наверняка качала головой над статьей, размещенной в газете под фотографией Элли. Обменивалась крупными слухами с соседями. Может, даже знала его отца. До того, как это случилось, конечно. После этого она ни за что не признала бы, что водит знакомство с Фальками.

Несколько часов спустя после того, как ушел Люк, Аарон все еще лежал без сна. Недавние события неслись по кругу у него в голове. Элли, река, рыбалка, записка. «Мы с Люком вместе стреляли кроликов».

Он ждал всю ночь, но, когда в дверь, наконец, постучали, оказалось, это пришли не за ним. В безмолвном ужасе Фальк наблюдал, как отец, поневоле оторвавшись от работы, уходит вместе с явившимися за ним полицейскими. Какой именно Фальк имеется в виду, в записке не говорится, сказали они. А младшему еще и семнадцати нет, так что с точки зрения закона он еще ребенок.

Эрика Фалька, художника, высокого, бесконечно терпеливого человека, продержали в участке пять часов.

Был ли он знаком с Элли Дикон? Да, конечно, она была дочерью соседа. Подругой сына. Девушкой, которая пропала.

Его спросили об алиби в день ее смерти. Большую часть дня после полудня он провел, закупая оборудование. Вечером заглянул в паб. Его видели с десятком людей в пяти разных местах. Достаточно крепкое,

пусть и не железное алиби. Так что вопросы продолжались. Да, в прошлом он говорил с девушкой. Не один раз? Да. Много раз? Наверное. И нет. Он не мог объяснить, почему Элли Дикон оставила записку с датой ее смерти и его именем.

Но Фальк — это же не только его имя? — указали ему полицейские. На этом отец Аарона замолчал. Закрыв рот и больше его не открывал.

Его отпустили; наступила очередь сына.

— Барнс здесь на стажировке из Мельбурна, — сказал Рако, проходя за стойку; Фальк последовал за ним. За спиной хлопнула дверь, и они остались одни.

— Правда? — удивился Фальк. У Барнса был вид возвращенного на деревенском молоке крепыша из глубинки.

— Да, но у его родителей ферма. Не здесь, где-то на западе. Думаю, поэтому-то его сюда и послали. Сочувствую я бедняге, правда. Он даже нюхнуть городского воздуха не успел, как его отправили сюда. При всем при этом... — Рако глянул в сторону закрытой двери. — А, неважно.

Но Фальк догадывался. Городская полиция редко посылала в глубинку своих лучших офицеров, особенно в местечки вроде Кайверры. Барнс явно звезд с неба не хватал. Может, такт и не позволял Рако высказываться прямо, но и так было достаточно ясно, что он имеет в виду. В этом участке ему особо полагаться было не на кого.

Они поставили коробку с вещами Карен и Билли на свободный стол и открыли ее. Лампа дневного света жужжала над головой. В окне, не переставая, билась о стекло муха.

Аарон сидел на жестком деревянном стуле; от нервов казалось, будто мочевого пузырь у него постоянно переполнен. Он мертвой хваткой держался за их с Люком план. Я был с Люком Хэдлером. Мы кроликов стреляли. Двух, мы подбили двух. Да, мы с Элли друзья... были друзьями. Да, мы виделись в школе в тот день. Нет! Мы не ссорились. Я вообще ее больше не видел. Я на нее не нападал. Я был с Люком Хэдлером. Я был с Люком Хэдлером. Мы стреляли кроликов. Я был с Люком Хэдлером.

Им пришлось его отпустить.

Тогда слухи приобрели новую форму. Не убийство, может быть, и нет. Самоубийство. Мальчишка Фальк довел до самоубийства ранимую девочку. Такова была популярная версия. Вторая гласила, что ее преследовал и прикончил в конце концов этот диковатый Фальк-старший. Кто знает? В любом случае, эти двое все равно что убили ее. Слухи, беспрестанно подкармливаемые отцом Элли, обрастали подробностями,

ширились и росли. Выпускали все новые ножки и щупальца и умирать не собирались.

Однажды ночью в окно их гостиной влетел кирпич. Два дня спустя отца Фалька отказались обслуживать в магазинчике на углу. Он был вынужден идти домой с пустыми руками, оставив на прилавке кучку покупок. На следующий день всю дорогу из школы за Аароном ехал пикап с тремя мужиками. Они дышали ему в затылок, пока он крутил педали — все быстрее и быстрее, — и велосипед вилял всякий раз, как он осмеливался оглянуться; сердце грохотало у него в ушах.

Рако вынул из коробки ее содержимое и разложил на столе.

Там была кружка для кофе; степлер, на котором белой замазкой было написано «Карен»; кардиган грубой вязки; флакончик духов под названием «Спринг Флинг» и рамка с фотографией Билли и Шарлот. Небогатая добыча.

Фальк вскрыл рамку и посмотрел за фотографией. Ничего. Он опять собрал рамку. Рако, сидевший по другую сторону стола, открыл флакон с духами и пшикнул. В воздухе поплыл легкий цитрусовый аромат. Фальку он понравился.

Он перешли к вещам, оставшимся от Билли: три рисунка с машинками, пара маленьких кроссовок для физкультуры, книга по чтению для новичков и коробка цветных карандашей. Фальк пролистнул страницы книги, не слишком понимая, что он, собственно, ищет.

Примерно тогда до него вдруг дошло, что отец за ним наблюдает. С другого конца комнаты, через окно, поверх газеты. У Аарона появлялось щекотное чувство в затылке, он поднимал взгляд. Иногда Эрик, сморгнув, отводил глаза. Иногда нет. Задумчивый, молчаливый взгляд. Аарон все ждал вопроса, но его все не было.

Однажды утром на крыльце они наши мертвого теленка; горло у него было перерезано так глубоко, что голова держалась буквально на ниточке. На следующее утро отец и сын собрали, что могли, в свой грузовичок. Аарон спешно распрощался с Гретчен и, несколько менее спешно, — с Люком. Никто из них не заикнулся о том, почему он уезжает. Когда они уезжали из Кайверры, белый пикап Мэла Дикона следовал за ними еще сотню километров после того, как они миновали границу города.

Больше они никогда не возвращались.

— Карен тем вечером забрала Билли домой, — сказал Фальк.

Он все думал об этом с тех пор, как они уехали из школы. — Он

должен был пойти в гости, поиграть с подружкой, а она оставила его дома в тот день, когда их убили. Как думаешь, спишем на совпадение?

— Думаю, нет. — Рако помотал головой.

— Вот и мне тоже так кажется...

— Но если она думала, что им грозит опасность, то услала бы обоих детей как можно дальше.

— Может, она заподозрила что-то неладное, но не знала, что именно, — сказал Фальк.

— Или насколько все будет плохо.

Фальк взял в руки кружку Карен; поставил обратно. Посмотрел еще раз в коробку, проверил, не завалилось ли чего в углу. Коробка была пуста.

— Я как-то надеялся на большее, — сказал Рако.

— Я тоже.

Некоторое время они молча смотрели на расставленные на столе предметы, потом, по одному, положили их обратно в коробку.

Глава тринадцатая

Когда Фальк выходил из участка, какаду уже перекрикивались резкими голосами в верхушках деревьев, оглушительным хором призывая друг друга устраиваться на ночлег. Тени становились все длиннее. В воздухе стояла духота, и Фальк почувствовал, как по спине стекает струйка пота.

Он брел по главной улице, не слишком торопясь обратно в паб, ждавший его на другом конце. Фальк заглядывал в витрины заброшенных магазинов, прижимаясь к стеклу лбом. По большей части он все еще помнил, где что находилось. Булочная. Книжный. Большая часть витрин была совершенно пуста. Невозможно было сказать, сколько уже они вот так стоят.

Он приостановился, проходя мимо хозяйственного магазина с рабочими хлопковыми рубашками на витрине. Седоволосый мужчина, одетый в точно такую же рубашку и форменный фартук с бэйджем, уже взялся было за табличку на двери, чтобы перевернуть ее стороной «ЗАКРЫТО» на улицу. Но, заметив, что Фальк разглядывает его товар, замер на середине движения.

Фальк пощупал собственную рубашку. Это была та самая рубашка, которую он надевал на поминки. Он стирал ее уже несколько раз в раковине у себя в номере, и ткань стала совсем жесткой. А еще она липла под мышками. Он зашел внутрь.

В жестком свете магазинных ламп теплая улыбка на лице хозяина вдруг замерла. Он узнал Фалька — с секундным запозданием. Его взгляд судорожно метнулся, обежав магазин, который, как подозревал Фальк, пустовал большую часть дня. Мгновенное колебание, и улыбка расцвела вновь. Легко иметь принципы, когда карманы полны, подумал Фальк. Хозяин подробнейшим образом, как в бутике для джентльменов, ознакомил его с небогатым ассортиментом одежды. Бедняга был настолько благодарен за покупку одной рубашки, что Фальк в конце концов приобрел три.

Вновь оказавшись на улице, Фальк сунул приобретения под мышку и продолжил прогулку. Идти, впрочем, было недалеко. Он прошел лавочку, где торговали едой навынос. Любая кухня мира, если блюдо предполагало обжарку в масле и последующую демонстрацию на прилавке с подогревом. Приемная врача, аптека, крошечная библиотека. Магазины, торгующий

всем подряд, начиная от корма для животных и заканчивая открытками, опять несколько заколоченных витрин, и вот он, «Флис». Вот и все. Главная артерия жизни города. Он посмотрел назад, размышляя, не проделать ли путь еще раз, но не смог наскрести в себе достаточно энтузиазма.

Сквозь окно паба ему было видно несколько завсегдатаев, без выражения пялившихся в телевизор. Наверху его ждал пустой номер. Он положил руку в карман, нащупал ключи от машины. И, не успев опомниться, был уже на полпути к дому Люка Хэдлера.

Солнце висело уже совсем низко, когда Фальк припарковался перед фермой Хэдлеров, на том же самом месте, где и в прошлый раз. С дверного косяка все также свисала желтая полицейская лента.

В этот раз, решительно миновав дом, он направился напрямик к большому амбару. Посмотрел на крошечную камеру наблюдения, установленную над дверью. Выглядела она дешево и функционально. Тускло-серый пластик, маленький красный огонек — камеру легко было и вовсе не заметить, если не знать, что она здесь.

Фальк представил себе Люка, как он, стоя на стремянке, прилаживает камеру. Тщательно выверяет кадр. Камера была направлена так, чтобы в кадр попали, по возможности, все входы-выходы в амбары и сараи, где хранилось ценное сельскохозяйственное оборудование. Дом во внимание явно не принимался; жалкий кусочек подъездной дорожки явно попал в кадр случайно. Ферма не разорится, если жулики сопрут из гостиной телевизор пятилетней давности. Исчезни из амбара водяной фильтр — это была бы уже совсем другая история.

Фальк задумался. Если в тот день сюда приехал кто-то другой, известно ли ему было про камеру? Или просто повезло?

Будь Люк за рулем, он бы знал, что номер его пикапа попадет в кадр, подумал Фальк. Но, может, к тому моменту ему было уже все равно. Фальк пересек двор и обошел вокруг дома, внимательно приглядываясь ко всему. Рако явно придерживался своего намерения отвадить любопытствующих. Все жалюзи были опущены; все двери — крепко заперты. Смотреть тут было не на что.

Чувствуя необходимость прочистить мозги, Фальк, оставив дом позади, отправился напрямик через поля. Участок Хэдлеров шел вдоль изгиба реки Кайверры. Впереди, на меже, виднелась рощица эвкалиптов-призраков. Летнее солнце низко висело в небе тяжелым оранжевым шаром.

Лучше всего ему думалось на ногах. Обычно он наматывал круги по

кварталу вокруг своего офиса, увертываясь от трамваев и туристов. Или, когда он бывал совсем уж в тупике, — вокруг ботанического сада на берегу океана: километр за километром.

Фальк помнил, что когда-то чувствовал себя здесь как дома. Но теперь все казалось совершенно другим. В голове у него до сих пор не прояснилось. В ушах отдавались собственные шаги по твердой спекшейся почве и доносившийся с деревьев птичий гомон. Казалось, попугаи здесь орали еще пронзительней.

Он был уже практически на меже, но вдруг замедлил шаг, а потом и остановился совсем. Он и сам не знал, отчего его вдруг оставила уверенность. Впереди безмолвной тенью застыла полоска деревьев. Ничто не двигалось. Неприятное ощущение вдруг щекотнуло шею, плечи. Даже птицы, казалось, примолкли. Чувствуя себя немного глупо, он глянул через плечо. Поля пусто паялились на него в ответ. В отдалении лежала безжизненная ферма Хэдлеров. Он же обошел вокруг всего дома, сказал себе Фальк. Никого там не было. Никого больше в этом месте не осталось.

Он повернул обратно, в направлении реки; в груди по-прежнему трепыхалось какое-то неопределенное дурное предчувствие. Ответ, казалось, вертелся совсем рядом и вдруг обрушился на него со всей оглушающей ясностью. Там, где он сейчас стоял, он должен был слышать шум реки. Вполне отчетливое журчание воды, прокладывающей себе путь меж полей. Он закрыл глаза и вслушался изо всех сил, будто стараясь вызвать звук волевым усилием. Ответом была напряженная тишина. Он открыл глаза и побежал.

Вот он вбежал под деревья, вколачивая каблуки в утопанную землю тропинки, не обращая внимания на хлещущие по ногам ветви. Подбежал, тяжело дыша, к реке и резко затормозил у самого края. Мог бы этого и не делать.

Полноводная когда-то река пыльным шрамом лежала между своих берегов. Пустое, обнаженное русло тянулось в обоих направлениях, безо всякого смысла следуя изгибам, проложенным текущей водой. Ложе, высеченное рекой за долгие столетия, было теперь растрескавшейся мозаикой из камней и сорной травы. Вдоль берегов неопрятной бахромой свисали обнажившиеся корни деревьев.

Это было отвратительное зрелище.

Не в силах осознать то, что он видел своими глазами, Фальк спустился на дно бывшей реки, обдирая руки и ноги о спекшуюся землю. Он встал в

самой середине русла, окруженный пустотой, там, где когда-то было столько воды, что тяжелые волны сомкнулись бы у него над головой.

Те самые волны, в которых они с Люком каждое лето ныряли, плескались, брызгались друг в друга, впитывая кожей речную прохладу. Те волны, в которые он вглядывался часами в ясные летние дни, ощущая плечом молчаливое присутствие отца, с удочкой в руке. Те самые воды, которые хлынули в горло Элли Дикон, жадно заполняя все уголки ее тела, пока в нем не осталось места для самой Элли.

Фальк попытался вздохнуть, но теплый, почти жидкий воздух, казалось, залепил ему гортань. Собственная наивность казалась ему теперь глупостью, граничащей с безумием. Как только он мог подумать, что свежая вода до сих пор течет среди этих полей, усеянных мертвым скотом? Как мог он тупо кивать при слове «засуха», не осознавая при этом, что река пересохла?

Он стоял на трясущихся ногах; перед глазами все плыло. Вокруг носились какаду и истошно орали в оранжевое, как угли, небо. Совсем один, стоя внутри кошмарной сухой раны, Фальк закрыл лицо руками и закричал.

Глава четырнадцатая

Фальк долго сидел на берегу, ощущая, как оцепенение мало-помалу овладевает его чувствами, пока тяжелое солнце медленно катилось к горизонту. В конце концов он заставил себя подняться на ноги. Становилось темно. Он знал, куда направится дальше, но не был уверен, что может найти нужное место в сумерках.

Повернувшись спиной к дорожке, ведущей на ферму Хэдлеров, он отправился в противоположном направлении. Двадцать лет назад вдоль реки шла узенькая тропка. Сейчас Фальку приходилось полагаться исключительно на свою память, пробираясь сквозь сухой бурьян, над обнажившимися древесными корнями.

Он шел, выискивая взглядом тропу, боясь сбиться с пути. Главный ориентир — полноводная река — также отсутствовал, и он несколько раз чуть не потерял тропинку. Местность совершенно изменилась, и знакомые вехи отсутствовали. Он уже начал беспокоиться, что забрался чересчур далеко, как вдруг понял, что дошел. Накатило облегчение. Это было совсем рядом с берегом, среди разросшихся зарослей. Пробираясь сквозь переплетенные ветви кустарника, он вдруг ощутил вспышку радости, и — в первый раз с тех пор, как он приехал в Кайверру, — что-то похожее на ностальгию. Он протянул руку. Оно было здесь, и оно ничуть не изменилось.

Дерево-скала.

— *Черт, куда они подевались?*

Элли Дикон, хмурясь, поворошила кучку опавших листьев мыском изящного сапожка.

— *Они где-то здесь, внизу. Я слышал, как они стукнули о землю.*

Аарон шарил вокруг дерева-скалы. Он присел на корточки, вороша засохшие листья в поисках ключей, оброненных Элли. Она наблюдала за ним из-под ресниц и без особого энтузиазма переворачивала мыском сапога мелкие камушки.

Фальк провел рукой по стволу дерева-скалы и по-настоящему улыбнулся — чуть ли не в первый раз за несколько дней. Ребенком он воспринимал это как некое чудо природы: огромный эвкалипт вырос рядом с гигантским валуном, так близко, что ствол обвивался вокруг камня,

заклячая валун в узловатые объяття.

Ребенком Фальк никак не мог взять в толк, почему другие не видят в дереве ничего необычного. Туристы с рюкзаками проходили мимо чуть не каждую неделю, едва задерживаясь взглядом, и даже для других ребят дерево было всего лишь еще одним — довольно странным — ориентиром. Но Фальк каждый раз думал о том, сколько лет понадобилось дереву, чтобы обрасти камень. Миллиметр за миллиметром. От этого возникало головокружительное ощущение, будто он — крошечная точка, парящая во времени. Ему это нравилось. Теперь, двадцать лет спустя, он смотрел на дерево-скалу и переживал заново то же самое чувство.

Аарон с Элли были совсем одни, и в шестнадцать лет это была ситуация, которой он одновременно жаждал и боялся. Он безостановочно что-то говорил и бесил этим даже самого себя.

Но разговор постоянно провисал, будто попадая то и дело в воздушные ямы. Раньше такого никогда не бывало, но теперь «ямы» появлялись в их беседах постоянно, как некая системная ошибка.

Теперь Аарон постоянно подыскивал слово, фразу, хоть что-нибудь, что вызвало бы какую-то иную реакцию, кроме кивка или поднятой брови. Иногда — редко — он попадал в точку: у нее чуть вздрагивал уголок губ.

Он любил эти моменты. Мысленно отмечал, что именно было сказано, откладывал в памяти, чтобы проанализировать на досуге. Пока, к сожалению, никакой закономерности не прослеживалось.

Большую часть времени после уроков они провели в тени дерева-скалы. Элли казалась еще более отстраненной, чем обычно. Уже дважды он спрашивал ее о чем-то, а она, казалось, даже не слышала. В конце концов, в ужасе от того, что он мог ей наскучить, он предложил пойти отыскать Люка или Гретчен. К его облегчению, она потрясла головой:

— Не думаю, что готова иметь дело с хаосом прямо сейчас, — сказала она. — Нам и вдвоем неплохо, да?

— Да, конечно! — Ему-то уж точно не было плохо. Стараясь говорить небрежным тоном, он спросил: — А что ты думаешь делать вечером?

Она скорчила рожицу.

— Я работаю. — В последний год она стала иногда подрабатывать в молочном баре. В основном это выражалось в том, что она стояла за прилавком со скучающим выражением на лице.

— Ты же вчера вроде тоже работала?

— Молочный бар открыт каждый вечер, Аарон.

— Я знаю, но... — Обычно она так много не работала. Ему вдруг подумалось, что, может, она ему лжет. Но он тут же понял, насколько это нелепо. Стала бы она напрягаться.

Он наблюдал, как она лениво подбрасывает и ловит связку ключей, сверкая на солнце фиолетовыми ногтями. Он набирался храбрости протянуть руку и выхватить из воздуха связку. Он бы слегка ее подразнил, так, как это сделал бы Люк. А потом... Аарон не был уверен, что потом. Так что для него стало чуть ли не облегчением, когда Элли подбросила ключи слишком высоко и они, пролетев над их головами, нырнули куда-то назад. Связка звякнула о валун, потом с глухим металлическим стуком упала на землю.

Фальк присел у дерева-скалы на корточки; ему несколько раз пришлось поменять положение, прежде чем он нашел правильное место. У него вырвалось сдавленное восклицание — удивление и радость, — когда, наконец, он увидел то, что искал.

Расщелину.

— ...Эй, ты только посмотри на это, — стоя на коленях, Аарон отклонился назад. Вперед. В самом сердце дерева-скалы то появлялась, то исчезала глубокая щель, стоило ему чуть изменить угол зрения. Единственное еле заметное место, где дерево чуть ослабевало свои тесные объятия вокруг камня. Раньше он никогда этого не замечал. Оптическая иллюзия: проем невозможно было заметить, кроме как с одного-единственного места.

Аарон заглянул внутрь. Там вполне хватило бы места, чтобы он мог просунуть руку, плечо и голову, если бы захотел. Вместо этого он увидел то, что искал, прямо у самого входа. Торжествуя, он сомкнул пальцы вокруг связки ключей.

Фальк заглянул в проем. Внутри ничего не было видно. Подобрал камешек, он бросил его внутрь и прислушался. Камешек стукнулся о стены, но из проема ничего не выскочило. И не выползло.

Поколебавшись, Фальк опустил рукав, натянув его как можно дальше, и погрузил руку в чернильную темноту. Кончиками пальцев наткнулся на какой-то предмет — маленький, прямоугольный, чересчур правильный — и сжал пальцы. Как раз в этот момент кто-то невидимый прошуршал по его запястью, и Фальк рывком выдернул руку. Выпрямился, смеясь бешеному стуку сердца.

Он раскрыл ладонь и тут же вспомнил. Это была маленькая металлическая зажигалка. Вся исцарапанная, тусклая от ржавчины, но до сих пор в рабочем состоянии. Ухмыльнувшись, Фальк перевернул зажигалку, уже зная, что найдет на другой стороне. Вот они, нацарапанные его собственным — давнишним — почерком, инициалы: А.Ф.

Заядлым курильщиком он не был никогда и зажигалку держал, скорее, так, чтобы казаться покруче. Однажды, почти уже в самом конце, он решил спрятать зажигалку здесь. Чтобы не рисковать, что ее обнаружит отец. Фальк откинул крышку, но высекать искру не рискнул. Не в этих условиях. Он потер пальцами потускневший металл, раздумывая, не сунуть ли зажигалку в карман. Но у него было стойкое ощущение, что ее место — здесь, в ином времени. Еще секунда, и он сунул зажигалку обратно, между деревом и скалой.

Элли присела, чуть пошатнувшись — горячая рука у него на плече, — и, сощурившись, заглянула внутрь. Их лица были настолько близко, что он видел каждую покрытую тушью ресницу. Протянув руку — ее плечо больно уткнулось ему в предплечье, — она осторожно ощупала отверстие, пытаясь определить его размеры.

— Надо же, круто, — сказала она без всякого выражения. Трудно было понять, насколько искренне.

— Нашел твои ключи, — сказал Аарон, помахивая связкой. Она повернулась к нему. Ему видны были крупинки туши в уголках ее глаз, там, где слегка размазался макияж. С выпивкой в последнее время она практически завязала, и даже вблизи ее кожа казалась свежей и гладкой.

— Действительно. Спасибо тебе, Аарон.

— На здоровье, Элли. — Он улыбнулся. Ее дыхание щекотало ему щеки. Он чуть склонил голову — или это ему показалось, — и ее лицо вдруг стало ближе, и вот она уже целует его, крепко, этими своими розовыми губами. Роскошно-липкими, с легким искусственным привкусом вишни. Это было лучше, чем он всегда себе представлял, и он жадно ответил, стремясь почувствовать больше, а в голове у него взрывались фейерверки ничем не замутненной радости.

Он поднял руку к ее блестящим черным волосам, нежно обхватил затылок, но тут она, не отрывая губ, вздрогнула и резко отстранилась. По инерции села прямо на землю; ее пальцы взлетели сперва к губам, потом к затылку. Аарон застыл, все еще сидя на корточках, с открытым ртом, все еще ощущая ее вкус на губах; его медленно затапливал ужас. Она смотрела на него снизу вверх.

— Прости, Элли, прости...

— Нет, это ты прости, я не имела в виду...

— ...пожалуйста. Это я виноват, я думал, тебе хотелось...

— Аарон, нет, честно, все в порядке. Просто...

— Что?

Вздых.

— Просто это застигло меня врасплох.

— А. — Потом: — Ты в порядке?

— Да. — Она открыла было рот, будто собираясь сказать что-то еще, но молчание тянулось дальше. На какой-то сокрушительный момент ему показалось, что у нее в глазах стоят слезы, но вот она моргнула, и ее глаза остались сухими.

Аарон поднялся и предложил ей руку, чтобы помочь встать. Какую-то страшную секунду казалось, что она отвергнет его помощь, но ее пальцы скользнули в его ладонь, и она рывком поднялась с земли. Он отступил на шаг, не желая ее стеснять.

— Прости, — повторил он.

— Пожалуйста, не говори так.

— Хорошо. У нас все хорошо?

К его удивлению, она сделала маленький шагжок вперед, к нему. Прежде, чем он успел понять, что происходит, ее губы на мгновение мягко прижались к его губам. Вкус вишни вернулся.

— У нас все хорошо. — Она отступила назад так же быстро, как до этого шагнула вперед. — Я же сказала тебе. Это застигло меня врасплох.

К тому времени, как Аарон начал понимать, что происходит, все уже закончилось. Она наклонилась, стряхивая с джинсов пыль.

— Мне пора идти. Но спасибо. — Взгляда она не подняла. — То есть что нашел ключи.

Он кивнул.

— Слушай, — произнесла Элли, когда он уже повернулся, чтобы уходить. — Давай не будем никому пока про это говорить. Пусть это будет только для нас.

— Что? Расщелина или...

Смешок.

— Расщелина. — Элли поглядела на него через плечо. — Но, может, и другое тоже. Пока, по крайней мере.

И на этом у нее чуть вздрогнули уголки губ. Оба.

Он не знал что и подумать, но ему казалось, что — если сложить все плюсы и минусы — это был хороший день.

О расщелине Фальк так никогда никому и не сказал. О поцелуе — тоже. И он был практически уверен, что Элли тоже молчала. Не то чтобы у нее было время что-то с кем-то обсуждать. Три недели спустя и двадцать метров ниже по течению туристы вытащили ее пропитанное водой тело из реки. Фальк так никогда сюда и не возвращался после того, как ее нашли. У него и возможностей особо не было, даже если бы желание появилось. Не прошло и месяца, как они с отцом были уже в Мельбурне, за пятьсот километров отсюда.

Его всегда радовало, что они с Элли нашли расщелину, когда были одни, вдвоем. Это запросто могло произойти в те времена, когда они постоянно болтались у дерева-скалы неразлучным трио: они и Люк. Но тогда их находка автоматически стала бы находкой Люка. И уж конечно, он заявил бы на нее полные права, когда их троица аккуратно распалась по половому признаку.

Никто из них не замечал, пока не стало слишком поздно. Элли мало-помалу затягивал в свою орбиту мир девочек, платьев, чистых рук и разговоров, от которых Аарон с Люком только и могли, что обмениваться ошеломленными взглядами. Это была медленная миграция, но в один прекрасный день Аарон вдруг заметил, что они с Люком вдвоем и что подобное положение вещей существует уже несколько месяцев. Они и глазом не моргнули. В конце концов, она была всего лишь девчонка. Может, и к лучшему, что она не таскается за ними повсюду.

Элли на удивление быстро исчезла из их сознания. Поразительно, но Фальк едва мог припомнить всего раз, когда он о ней подумал, за целых три года. Он наверняка видел ее здесь и там: это было неизбежно. Но когда Элли появилась в их жизни вновь, когда всем им было по пятнадцать, она была совершенно другой, будто родилась заново, уже взрослой; за ней, как шлейф, тянулся аромат очарования и тайны.

Для них с Люком это был очередной воскресный вечер. Они сидели на спинке скамейки в Сентинери-парке. Ноги у них были на сиденье, как у истинных бунтарей, а ушки на макушке, как у истинных деревенских парней, которым совершенно не хочется иметь дело с местным полицейским.

Шуршание гравия, легкая тень — и перед ними, словно ниоткуда, возникла Элли Дикон. Волосы у нее теперь были неестественно черными; поседевшие концы почти касались локтей. Черные пряди тускло поблескивали в оранжевом свете уличных фонарей. Она была одна.

Она подплыла поближе — джинсы в обтяжку, тяжелые, стильно потрепанные ботинки, из широкого ворота футболки выглядывает

кружевная бретелька лифчика. Обвела подведенными глазами двух ребят, которые глазели на нее, разинув рты. Слегка подняла бровь в сторону банки теплого пива, которую они делили между собой, и извлекла из «кожаной» сумочки почти полную бутылку водки.

— Сообразим на троих? — сказала она. Они чуть со скамейки не свалились, торопясь расчистить ей место. Года стремительно исчезали вместе с водкой, и к тому времени, как в бутылке убыло наполовину, троица восстала из пепла.

В их дружбе, однако, возникли нюансы, которые открывали совершенно новые перспективы. Разговоры обрели неожиданную остроту. Ребята иногда проводили время вдвоем, но Аарон иногда — неожиданно для себя — пускался на довольно сложные маневры, чтобы не дать Элли и Люку оказаться наедине. С Люком они это никогда не обсуждали, но процент неудач, которыми оканчивались его собственные попытки побыть с ней вдвоем, наводил на мысль, что Люк проводит схожие секретные операции.

Динамика внутри группы претерпела незаметные, но значительные изменения, но никто из них до сих пор не понимал, куда именно они ведут.

Элли так никогда и не объяснила, почему она вернулась в их компанию. Аарон как-то спросил ее, но она только завела глаза к небу.

— Да все эти сучки, — ответила она. — Если разговор не касается так или иначе их отражения в зеркале, им неинтересно. По крайней мере вам двоим плевать, если я порчу вам имидж.

Она зажгла сигарету и посмотрела ему прямо в глаза, будто это все объясняло. Может, так оно и было.

Их новая дружба, не успев еще окрепнуть, подверглась первому серьезному испытанию. Никто не ожидал, что удар будет нанесен яркорозовым каблучком Гретчен Сконер.

Даже в Кайверре существовала своего рода социальная иерархия, которой так или иначе придерживались. А Гретчен Сконер чаще всего видели в окружении воздыхателей, смеющуюся и встряхивающую золотыми волосами. Поэтому однажды вечером Аарон и Элли, разинув рот, наблюдали, как Люк небрежной походочкой движется к их скамейке, закинув руку на плечи той самой Гретчен.

За то лето Люк очень вымахал, обогнав на полголовы большинство одноклассников, и набрал массу в правильных местах, раздавшись в плечах и в груди. Тем вечером в парке, увидев Люка — волосы Гретчен золотым водопадом переливаются через рукав его куртки, походка враскачку, — Аарон в первый раз осознал, что его друг выглядит как взрослый мужчина.

Люк поймал его взгляд поверх головы Гретчен и — совершенно определенно — подмигнул. Аарон уважительно кивнул в ответ. В субботу вечером Гретчен Сконер могла быть в тысяче других мест, и все же вот она, тут, рядом с Люком.

До того у Аарона было мало случаев поговорить с Гретчен, и он был приятно удивлен. Она была очень милой и неожиданно остроумной. Она непринужденно болтала, и уже через минуту он смеялся вместе с ней. Неудивительно, что люди сбегались к ней стадами. Она просто излучала радостную энергию, в лучах которой хотелось купаться.

Элли за его спиной тихонько прочистила горло, и Аарон вдруг осознал, что он практически забыл о ее присутствии. Когда он повернулся, в ее взгляде была только снисходительная жалость, но ни малейшего удивления, будто они с Люком только то провалили некий тест, не обманув при этом ничьи ожидания. Его взгляд метнулся от улыбки Гретчен к лицу Элли, на котором застыло холодное выражение; в голове у него завывли сирены, но сигнализация сработала слишком поздно. Он глянул на Люка, ожидая увидеть у него на лице то же внезапное озарение. Вместо этого Люк явно забавлялся, с любопытством наблюдая за происходящим.

На мгновение в воздухе повисло напряженное молчание.

И вдруг Гретчен, послав Элли заговорщическую улыбку, отпустила на редкость стервозный комментарий в адрес одной из бывших подруг Элли. Повисла тяжелая пауза, потом Элли издала короткий смешок. Гретчен довершила дело, передав по кругу пачку сигарет. Они подвинулись, освобождая ей местечко на скамейке, и оно так и осталось за ней — в тот субботний вечер и во все последующие.

— Господи, это же просто человек-джакузи, — прошептала Элли на ухо Аарону позднее в тот же вечер, но улыбки сдержать не могла. Все они только что хохотали над историей Гретчен про то, как один парень постарше признался ей в любви, написав слова прямо на несжатом поле, загубив в процессе весь отцовский урожай. Теперь они с Люком сидели, глубоко погружившись в разговор; их головы почти соприкасались. Гретчен, опустив ресницы, хихикнула в ответ на реплику Люка, которую Аарон не разобрал. Он повернулся обратно к Элли.

— Мы с тобой можем пойти куда-нибудь еще, если она тебя бесит, — сказал Аарон. — Нам совсем не обязательно тут болтаться.

С минуту Элли взирала на него сквозь завесу дыма, потом потрясла головой.

— Нет. Она ничего, — сказала она. — Немного пустоголовая. Но безвредная.

— Это верно, — Аарон потихоньку вздохнул и взял протянутую ею сигарету. Отвернулся, чтобы прикурить, и заметил, как Люк, приобняв Гретчен за плечи, наклоняется к ней за быстрым поцелуем. Подняв голову, он бросил в их направлении быстрый взгляд. Элли, которая с отстраненным видом созерцала горящий кончик своей сигареты, никак не отреагировала.

Выражение на лице Люка промелькнуло очень быстро, но Аарон все же успел заметить, как тот нахмурился. И тут Аарон подумал, что не он один был слегка разочарован тем, как быстро поладили девушки.

Глава пятнадцатая

Фальк стоял, привалившись спиной к дереву-скале, и глядел на пыльную реку. Дорожка слева вела к дому Хэдлеров, где стояла его машина. Заросшая тропинка справа убегала прочь от реки, вглубь буша. За прошедшие двадцать лет от нее практически ничего не осталось, но для Фалька тропинка была все равно что вытатуирована в местном ландшафте. Он ходил по ней тысячу раз. Он еще долго стоял под деревом, споря сам с собой, и, наконец, решился. Тысяча раз. Тысяча и один. Какая разница.

До другого конца тропинки Фальк добрался всего за пару минут, но, когда он вышел на открытое место, небо уже приобрело оттенок глубокого индиго. На той стороне поля в сумерках серебристо отсвечивал старый дом. Фальк пустился напрямик через поле, как всегда делал это в детстве. Чем ближе он подходил, тем медленней делался его шаг, пока, наконец, он не замер метрах в двадцати от цели. Во все глаза он глядел на дом, в котором прошло его детство.

Входная дверь, когда-то желтая, была теперь невыразительного синего оттенка. Его это почему-то возмутило. Краска начала осыпаться, дверь вся была покрыта желтыми оспинами, будто прыщами. Ступеньки, на которых он, бывало, возился с игрушками и футбольными карточками, разохлись и просели с годами. Под лестницей в пожухшей траве уютно устроилась банка из-под пива.

Он подавил в себе внезапный импульс подобрать банку и отнести ее в мусор. Покрасить дверь. Починить ступеньки. Вместо этого он остался стоять, где стоял. Окна в доме все были темными, кроме одного, подсвеченного голубоватым мерцанием телевизора.

И тут Фальк ощутил острый укол тоски по тому, что могло бы быть, но не сбылось. На верху лестницы, за сетчатой дверью ему вдруг привиделся отец, как он, бывало, стоял вечерами: высокий силуэт в ореоле теплого, льющегося из дома света. Вот он зовет его — пора бросать игру и идти в дом. Пора ужинать, Аарон. Мыться, спать. Давай, сын, заходи. Пора домой. Отец редко заговаривал о его матери, но ребенком Аарон любил представлять, будто ощущает ее присутствие в доме. Он проводил рукой по предметам, которых она могла бы коснуться — краны на кухне, плита, занавески, — и представлял ее на своем месте.

Когда-то они были здесь счастливы, Фальк это знал. По крайней мере, они с отцом. Теперь он смотрел на дом, и перед ним был водораздел, межа, поделившая его жизнь на «до» и «после». Внезапно на него накатил гнев. В основном, на себя. Он вообще не понимал, зачем пришел сюда. Он сделал шаг назад. Просто еще один дом, которому нужен ремонт. Здесь не осталось ничего ни от отца, ни от него самого.

Он как раз поворачивался, чтобы уйти, как сетчатая дверь раскрылась с пронзительным скрипом. На крыльцо шагнула женщина; ее объемистая фигура была подсвечена сзади мерцанием телевизора. Тусклые каштановые волосы забраны в жидкий пучок на затылке; бока переваливаются через резинку штанов. Лицо у нее было того багрово-красного оттенка, какой бывает у женщин, когда социальный алкоголизм у них переходит в бытовой. Она зажгла сигарету и глубоко затянулась, не сводя с Фалька холодного взгляда.

— Чем могу помочь, приятель? — она выдохнула дым, враждебно сузив глаза.

— Нет, я... — Он замолчал, кляня себя последними словами. Ему нужно было заранее что-нибудь придумать. Какой-нибудь предлог, объясняющий, что он делает в темноте под окнами чужого дома. Он вгляделся ей в лицо, на котором было написано подозрение. Но никаких признаков узнавания. Она не знала, кто он. Это было неплохо. На секунду он задумался, не сказать ли ей правду, но тут же отмел эту мысль. Он всегда может продемонстрировать свой значок. Если понадобится, он так и сделает. Но Фальку-полицейскому было стыдно оказаться в подобной ситуации.

— Простите, — сказал он. — Я когда-то знал тех, кто тут жил.

Женщина ничего не сказала; затянулась еще раз. Завела за спину руку и задумчиво выдернула застрявшую между ягодиц складку штанов. Все это время она не сводила с Фалька суженных глаз.

— Кроме нас с мужем здесь никого нет. Уже пять лет здесь живем. А до того его мама жила здесь лет пятнадцать.

— Да, наверно, как раз около того и выходит, — сказал Фальк. — Люди, которые жили здесь до нее.

— Их здесь нет, — сказала она тоном человека, которого вынудили говорить очевидное. Потом, сложив вместе указательный и большой палец, сняла с языка табачную крошку.

— Я знаю.

— И?

Это был хороший вопрос. Фальк сам не был уверен, что знает ответ.

Женщина резко развернулась на звук, донесшийся изнутри дома. Чуть приоткрыв сетчатую дверь, она сунула голову внутрь.

— Да, милый, — услышал Фальк. — Я сейчас с этим разберусь. Все в порядке. Да никто. Иди обратно внутрь. Не, просто... Да иди уже внутрь, да?

Женщина подождала еще с минуту, потом высунула голову. Лицо у нее по-прежнему было красным. И злобным. Она повернулась к Фальку, спустилась с крыльца и сделала пару шагов к нему навстречу.

— Тебе бы лучше валить отсюда, прямо сейчас. Для твоего же блага. — Голос у нее был тихий, но враждебный. — Он уже пропустил пару стаканов и не особо обрадуется, если придется сюда спускаться, понял? Наша дело сторона; мы вообще не имеем отношения к той херне, которая тут происходила, понял? Вообще никакого. И его мама тоже. Так что забирай свое гребаное журналистское удостоверение, или баллончик с краской, или мешок собачьего дерьма, или что там у тебя, и вали, понял?

— Слушайте, извините, — Фальк отступил назад, демонстрируя пустые ладони, стараясь показать, что угрозы он не представляет. — Я совсем не хотел никого расстраивать. Никого из вас.

— Ага, да, но ты расстроил. Это наш дом, понятно? Куплен и оплачен. И, блин, я не позволю себя доставать. Двадцать лет прошло. И как вам, придурки, не надоело?

— Слушайте, вы, конечно, правы. Я уйду...

Она сделала шаг вперед, и, ткнув пальцем в сторону дома, продемонстрировала ему телефон, который держала в другой руке.

— Да, блин, уйдешь как миленький. Или я не копов вызову. Это ему я буду звонить, в дом, и его ребятам, а уж они-то только счастливы будут донести до тебя все, что тебе непонятно. Ты слышал меня? Пошел. Вон. — Она сделала вдох и заговорила громче: — И можешь сообщить это всем прочим. Мы к ним отношения не имеем, кто здесь раньше жил. Никакого отношения к этим уродам.

Последнее слово, казалось, раскатилось по полям. На секунду Фальк замер. Потом, не ответив ни слова, он повернулся и пошел прочь.

Назад он не посмотрел ни разу.

Глава шестнадцатая

Глядя, как в толпе, приближаясь, мелькает светловолосая головка, Фальк неожиданно ощутил прилив радости, что не поддался порыву отменить свидание.

Накануне вечером, повернувшись спиной к своему бывшему дому, он пошел напрямик к машине и долго стоял рядом, борясь с искушением плюнуть на все и уехать прямо сейчас. После бессонной ночи он провел весь день, разбирая стопку бумаг, которые забрал с фермы Хэдлеров. Ничего интересного обнаружить пока не удалось, но продолжал методично работать, время от времени делая пометки, когда что-нибудь привлекало его внимание. Терпенье и труд. Вниз он спускался только для того, чтобы чего-нибудь перехватить, и начисто игнорировал субботнее оживление на улице. Когда позвонил Джерри, он, чувствуя себя виноватым, перевел телефон в беззвучный режим. Фальк сделает то, что обещал. Но разговаривать об этом он не обязан.

Теперь он сидел внизу, в пабе, и в первый раз за весь день не ощущал желания убраться отсюда поскорее. Гретчен обнаружила его в дальнем углу, где он сидел, надвинув на глаза шляпу. Она опять была в черном, но в этот раз это было платье. Короткое, и, когда она шла, подол скользил по ее обнаженным ногам. Платье шло ей гораздо больше, чем траурный костюм. Несколько голов развернулось ей вслед. Не так много, как когда-то в старших классах, но достаточно.

— Ты здорово выглядишь, — сказал он.

Гретчен, кажется, довольна была это услышать и, когда он поднялся, чтобы принести им выпить, чмокнула его в щеку. Пахла она тоже хорошо. Что-то цветочное.

— Спасибо. Ты тоже. Мне нравится эта рубашка. Последний писк кайверрской моды. — Она кивнула на его последнее приобретение, и он ухмыльнулся.

Протиснувшись в угол, чтобы сесть, она сказала:

— Что, других столиков не было или ты скрываешься?

— Скрываюсь. Типа того. — Фальк невольно улыбнулся. — Я вчера вечером к нашему старому дому ходил.

Она подняла брови.

— И?

— Не совсем то, что я ожидал.

— А когда оно бывает иначе?

Он пошел к стойке, и бармен нацедил им пива и несколько подозрительного белого вина. Вернулся к их столику. Гретчен подняла свой бокал.

— Твое здоровье. Помнишь, как мы не могли дождаться, когда нас, наконец, начнут здесь обслуживать? Все эти вечера в парке, когда мы хлестали все, что только попадало нам в лапы? — Широко раскрыв синие глаза, она повела рукой вокруг. — А теперь, ты только посмотри. Мечты сбываются.

Фальк рассмеялся, и их глаза встретились, полные воспоминаний. Фальк знал, что длинноногая, розовогубая юность Гретчен дала ей больше, чем многим другим. Колодец радости, из которого черпать да черпать. Но теперь, глядя на нее в этом платье, он внезапно подумал, что те годы — до того, как погибла Элли и все изменилось, — были, должно быть, самыми для нее счастливыми. Он надеялся, что это не так. Надеялся, что у нее было нечто большее. Он невольно нахмурился, и момент был упущен.

Гретчен подалась вперед, опершись локтям о стол.

— Слушай, тебе это лучше знать. Кот выпущен из мешка. Весь город говорит о том, что вы разнюхиваете насчет убийства Хэдлеров. Ты и сержант.

— Это совершенно неофициально.

— И ты думаешь, это на что-то влияет?

Фальк кивнул. Справедливо.

— Так что говорят-то?

— Это зависит, кого спросить. Кое-кто считает, что давно пора. Остальные заявляют, что уж тебе-то не стоило совать нос в чужие дела, — она понизила голос. — И абсолютно все в страшном напряге, как все повернется, если их убил кто-то еще.

Фальк ощутил укол вины, вспомнив о серии непринятых вызовов от Джерри Хэдлера у себя в телефоне. Он решил позвонить ему первым делом с утра.

— А ты что об этом думаешь? — спросил Фальк. Ему стало любопытно.

— Я думаю, что тебе надо быть осторожнее. — Она крутила в пальцах ножку бокала. — Ты пойми меня правильно, я бы многое отдала, чтобы знать: Люк этого не делал.

— Ты думаешь, это он?

Она нахмурилась. Задумалась, прежде чем ответить.

— Не знаю. Я поверить не могла, когда услышала. Но понимаешь, мне, скорее, трудно было поверить, что такое вообще возможно. Из того, что нам рассказали, следовало, что дело было ясное. Знаешь, я даже и не задумалась как следует, мог Люк это сделать или нет.

— Как и много кто еще. И я тоже.

Она криво улыбнулась.

— Никому бы не сказала это, кроме тебя. Но Люк отчасти сам виноват, что он был такая задница.

Позади них в лунном свете серебрились поля; кое-где на светлом фоне темными пятнами проступали дома. Четверо сидели, болтая ногами, на краю скалистого выступа, которым оканчивалось поле. Люк первым перелез через изгородь, попутно пнув знак «ВХОД ВОСПРЕЩЕН» так, что табличка упала на землю. Да он нарочно не брился несколько дней, с раздражением подметил Фальк, и теперь подбородок Люка украшала темная тень щетины. Это было еще заметнее в лунном свете, когда он встал, раскинув руки, на краю обрыва, обозревая открывшийся перед ними вид.

При одном только взгляде на обрыв у Аарона ухнуло в желудке. Но он перемахнул через забор, даже не оглянувшись на остальных. Элли последовала за ним. Люк, красуясь, галантно подал Гретчен руку. Помощь ей была не нужна, но руку она приняла с улыбкой. Теперь они сидели, болтая и смеясь, согреваемые изнутри содержимым полупустой уже бутылки, которую они передавали по кругу. Одна только Элли, когда бутылка добралась до нее, потрясла головой. Серия взаимных подначек, и вот они по очереди наклоняются и глядят вниз, через край. В голове одна молодая дурь и полное отсутствие инстинкта самосохранения.

Фальк чуть приподнял брови, но возражать не стал.

— Быть задницей и быть убийцей — не одно и то же, — сказал он. Гретчен кивнула.

— И понимаешь, я не говорю, что он это сделал. Но был ли он на это способен? — Гретчен бросила взгляд вокруг, будто Люк мог материализоваться поблизости и услышать. — Это совершенно другой вопрос.

Краем глаза Аарон заметил, что рука Люка обвивает талию Гретчен. Склонив голову, он начал нашептывать ей что-то на ухо, и она лукаво опустила ресницы; на щеку легла голубоватая тень.

Аарон остро чувствовал присутствие Элли рядом с собой, но не

двигался. Они в первый раз увиделись как следует после того поцелуя под деревом-скалой, почти неделю назад. Никакой определенности. Она работала каждый вечер. Он позволил себе зайти в лавку всего один раз. Она помахала ему из-за прилавка, но это было не то место, где можно было спокойно поговорить.

По дороге к обрыву он немного отстал, надеясь каким-то образом выкроить пару минут с Элли наедине, но Люк тащился рядом, будто приклеенный. Элли не подавала ни малейших признаков, что она помнит о случившемся у дерева-скалы. К тому времени, как они добрались до подножья холма, он уже начал подозревать, что просто-напросто все себе вообразил.

Они топали вверх по тропе; Аарон вполуха слушал историю, которую громким голосом рассказывал Люк. И вдруг Элли повернулась и поймала его взгляд поверх Люковой головы. Она закатила глаза, скорчив страдальческую рожицу. А потом улыбнулась. Радостная, знающая, исполненная их общей тайны улыбка — только для него одного.

Черная уверенность в этом воспоминании, Аарон качнулся, собираясь придвинуться чуть поближе. Он повернулся было, но замер, даже не двинувшись. Света здесь, над обрывом, было маловато, но кое-что было видно предельно ясно. Среди прочего глаза Элли, то, как они глядели на Люка Хэдлера, пока тот продолжал шептать что-то на ухо Гретчен.

— Люк бывал иногда таким эгоистом, — сказала Гретчен. Она провела пальцем по влажному кольцу, оставленному на столе доньшком бокала, смазав четкий контур. — Он всегда был на первом месте, на втором и на третьем, и даже не сознавал этого. Правда? Это ведь не только мне казалось?

Она благодарно взглянула на Фалька, когда он кивнул.

— Прости, — сказала она. — Просто иногда мне трудно бывает отделить того Люка, которого я знала, — ну, или думала, что знала, — от того, что о нем говорят люди.

— Тогда, когда мы были моложе, я всегда думал, что он — честный парень, — сказал Фальк. — Он был очень открытый, что думал, то и говорил. Нравилось тебе это или нет. Но, по крайней мере, всегда было известно, чего от него ждать.

— А теперь?

— Не знаю. Его выходки иногда страшно бесили меня, но внутри я всегда чувствовал, что он — из хороших парней.

— Что ж. Будем надеяться, что так. — Гретчен фыркнула. — Противно

думать, что он того не стоил.

— Что ты имеешь в виду?

— Да так, ничего, — вид у нее был смущенный. — Глупости всякие. Я просто имела в виду вообще дружить с ним. И с тобой, и с Элли. Это многое для меня изменило. Люди, с которыми я раньше и водиться-то не стала, начали меня сторониться, будто я заразная или что еще. Но это все были пустяковые подростковые проблемы по сравнению со всем остальным. Ничего серьезного.

Полностью изгнать нотку сожаления из своего голоса ей не удалось. Фальк задумался о том, насколько бурной была ее социальная жизнь до того, как она стала частью их злосчастной четверки. Он вдруг осознал, что без него и без Элли золотоволосой Гретчен стало, наверное, довольно одиноко. Никогда раньше он об этом не задумывался. Потянувшись, он прикоснулся к ее руке.

— Прости, что не поддерживал связь. Это не значит, что мне было плевать, просто... — он осекся. — Я не подумал. Мне нужно было приложить хоть какие-то усилия.

Гретчен чуть улыбнулась.

— Да забудь об этом. Я-то была ничуть не лучше. Возраст, гормоны. Все мы тогда были такие глупые.

Люк встал и потянулся, явно напоказ.

— Пойду отолью, — объявил он. На погруженном в тень лице белым блеснули зубы. — Смотрите, не шалите тут без меня.

Он исчез в кустах, и оставшиеся трое сели плечом к плечу. Аарон и Гретчен то и дело передавали друг другу бутылку. Сидевшая с другой стороны Элли молча взирала на горизонт.

Спокойствие было нарушено треском, стуком и громким воплем. Звук все отдавался в тишине, а они трое глядели друг на друга — шок на залитых лунным светом лицах, — потом Аарон вскочил и побежал на звук на негнущихся водочных ногах. Девчонок он обогнал и слышал только чье-то испуганное, хрипкое дыхание за плечом. Он притормозил, подобравшись к краю пропасти. За край вела полоса поломанных и примятых кустов; тот, что рос на самом краю, были вырван с корнем.

— Люк! — рядом появилась Гретчен. Ее крик утонул в пустоте под ними, потом вернулся обратно. Ответа не было. Фальк упал на четвереньки и подполз к самому краю. Он глянул вниз, до тошноты боясь того, что может увидеть. До дна было больше ста метров. Оно исчезало во мраке.

— Люк! Дружище! Ты меня слышишь? — заорал он.

Гретчен рыдала; лицо у нее все было в слезах и в размазанной туши. Вслед за ней появилась Элли, осторожно пробиравшаяся меж кустов. Она не бежала, она шла. Собственное дыхание ревом отдавалось у Фалька в ушах. Элли трезвым взглядом пробежалась по примятым кустам. Потом она повернулась и обозрела буш за их спинами, внимательно вглядываясь в тени. Сделав шаг к обрыву, она бросила взгляд в бездну. Посмотрела прямо в глаза Аарону и слегка пожала плечами.

— Этот придурок над нами издевается.

Отвернулась и смахнула с ногтя что-то невидимое.

— Я, вообще-то, не раз задумывался, останетесь ли вы вместе, — сказал Фальк. — Он, конечно, был человек эгоцентричный, но к тебе всегда относился с нежностью.

Гретчен только горько рассмеялась в ответ.

— И все время быть на вторых ролях в «Шоу Люка», двадцать четыре часа подряд, семь дней в неделю? Нет уж, спасибо. — Она вздохнула и заговорила уже более спокойным тоном. — Мы пытались, еще пару лет, после того как ты уехал. В то время казалось, что все серьезно, но на самом деле это было детское. Мне кажется, где-то в душе мы оба пытались каким-то образом сохранить нашу четверку. Но все развалилось. Естественно.

— Вы плохо разошлись?

— О. Нет. — Она подняла взгляд, скованно улыбнулась. — Не так уж плохо. То есть не хуже, чем это обычно бывает. Мы просто выросли. Он женился, у меня появился Лэчи. Да и в любом случае он мне был не пара. Теперь я это знаю.

Она сморгнула.

— То есть еще до того, как все это случилось, с Карен и Билли.

Повисла неловкая пауза.

— Так, значит, Люк никогда не говорил обо мне? То есть после того, как ты уехал? — небрежный тон Гретчен не мог скрыть ее любопытства.

Фальк заколебался.

— Мы редко обсуждали Кайверру, то есть совсем не обсуждали, если могли этого избежать. Что-то вроде негласного договора. Я, конечно, спрашивал о тебе, и он отвечал, что у тебя все хорошо, что он иногда тебя видит. Ну, что-то в этом роде, но...

Он прервался, боясь задеть ее чувства. На деле Люк практически никогда даже не упоминал Гретчен, если его не спрашивали. Фалька удивило, что они, оказывается, продолжали потом встречаться дольше, чем

несколько месяцев. У Люка это всегда звучало так, будто их отношения развалились практически сразу.

— Я, честно, не ожидала, что Люк останется в Кайверре, — сказала Гретчен. — После того, как ты уехал, некоторое время он говорил об одном — как бы поскорее отсюда выбраться. У него планы были — уехать в Мельбурн и выучиться на инженера. Работать с большими проектами.

— Правда? — Это стало для него новостью. Люк никогда об этом не упоминал. Ни разу не попросил поддержать его, помочь устроиться на работу, пожить у него на квартире. — Почему же он не уехал?

Гретчен пожала плечами.

— Думаю, познакомился с Карен. Но с Люком всегда трудно было сказать, чего он на самом деле хочет. — Она помолчала. Передвинула свой бокал. — Знаешь, мне кажется, если бы Элли осталась в живых, они в конце концов были бы вместе. Она подходила ему больше, чем я. Может, даже больше, чем Карен, если уж на то пошло.

Фальк отхлебнул из своего стакана и задумался, сколько в этом было правды.

Гретчен была в истерике. Лицо у нее покраснелось, светлые волосы слиплись от пота. До Аарона дошло, что она была гораздо пьянее, чем казалось.

Его самого довольно сильно вело. Но он раз за разом подползал к краю и звал Люка.

— Не мог бы ты держаться оттуда подальше? — крикнула ему Элли, когда он чуть не оступился — в третий раз. — Если ты свалишься, вот тогда нам действительно будет о чем беспокоиться.

Аарон позавидовал ее спокойствию. Сначала он ощутил вспышку надежды, что она права и Люк действительно их дурачит. Но минуты шли, и его уверенность таяла. Люк, конечно, знал, как и что. Но скалы здесь постоянно осыпались. Им это говорили, предупреждали держаться подальше. И не раз. И все это бухло, которое они выпили вместе, — он чувствовал, как оно бултыхается у него в животе. Может, Элли и права, но что, если?... В мозгу сразу же всплыли лица Джерри и Барб, и додумать мысль до конца ему не удалось.

— Мы должны... Господи, Гретчен, помолчи секундочку... мы должны пойти, найти помощь, — сказал он.

Элли только пожала плечами. Она подошла к обрыву, аккуратно встав на самый край, и задумчиво заглянула вниз. Сделала шаг назад; слегка подняла подбородок.

— Слышал, Люк? — крикнула она ясным голосом. Эхо далеко разнесло его над обрывом, отразившись от скал. — Мы идем вниз. Уже наложили в штаны. Твой последний шанс.

Аарон ждал, затаив дыхание, но, казалось, над обрывом не шелохнулась даже травинка.

— Ладно, — крикнула Элли. — Ты решение принял. Надеюсь, ты счастлив.

Маленькая обвинительная речь эхом раскатилась по долине внизу.

Аарон посмотрел на нее, прямо в ее холодные глаза, потом схватил Гретчен за руку и потащил бегом вниз по тропе.

— Иногда у меня такое ощущение, что единственный человек, кому Люк был по-настоящему верен, — это ты, — сказала Гретчен. — Как он встал на твою сторону после смерти Элли. Ему тут нелегко пришлось после того, как ты уехал. Кто только не давил на него, чтобы он поменял показания, сдал тебя.

Она допила вино и, глядя на Фалька поверх бокала, добавила:

— Но он так этого и не сделал.

Фальк набрал в грудь воздуха. Наступил правильный момент, чтобы все ей рассказать. *Люк солгал. Ты солгал.*

— Слушай, Гретчен, насчет этого...

— Тебе очень повезло, — она прервала его, чуть понизив голос. — Повезло, что ты был с ним, для начала. На него тут такие бочки катили — честное слово, проще было бы прогнуться и поменять показания. Уверена, если бы не Люк, копы из Клайда повесили бы все на тебя, без вопросов.

— Да! Я знаю. Но послушай, Гретч...

Она покосилась вокруг. Несколько человек поспешно отвернулись.

— Слушай, Люк двадцать лет стоял на своем — прикрывал тебя, — сказала она еще тише. — Это, в общем-то, единственное, что стоит между тобой и кучей неприятностей здесь, в Кайверре. Так что я бы на твоём месте пела, как птичка, по тем же нотам. И погромче.

Они обогнули очередной скальный выступ у подножья, и — Аарон просто не мог в это поверить, а потом вдруг поверил, сразу — вот он, Люк. Удобно расположился на каком-то валуне, жив-здоров, с сигаретой в руке и ухмылкой на лице.

— Эй, — засмеялся он. — Чего это вы так долго, тормоза...

И тут Аарон на него бросился.

— Господи, Гретчен, я так и делаю, — сказал Фальк, шутливым, как он

надеялся, тоном. Но то, что она пыталась до него донести, было предельно ясно. Нет вопроса — нет и ответа. — Как может быть иначе?

Долгую секунду они глядели друг другу в глаза. Потом Гретчен откинулась на стуле и улыбнулась ему — по-настоящему.

— Конечно. Иначе и никак. Просто хотела убедиться, что ты правильно настроен. Так, на всякий случай.

Она подняла было бокал, заметила, что тот уже пуст, и поставила обратно на стол. Фальк залпом осушил свой и отправился к стойке за следующей порцией для них обоих.

— Если все были настолько уверены, что это был я, — сказал он, вернувшись к их столику, — то удивительно, как это они Люка тоже не выжили из города.

Гретчен подняла бокал; ее улыбка потускнела.

— Кое-кто пытался, знаешь ли. Поначалу, — сказала она. — Но ты же помнишь, каким он был. Где сядешь, там и слезешь. От него ни слова не добились. В конце концов, они вроде как сдались. Выбора особого не было.

Она опять оглядела паб. Теперь за ними наблюдало меньше народу.

— Знаешь, будь они честны сами с собой... В глубине души все тут знают, что Элли, скорее всего, покончила с собой. Ей было всего шестнадцать, и, совершенно очевидно, она нуждалась в помощи и поддержке, которых не получила. И да, нам всем должно быть из-за этого стыдно. Но людям, по большей части, не нравится чувствовать себя виноватыми. А в записке было твое имя. Объяснения этому так никогда и не нашлось... — Она замолчала, слегка приподняв бровь.

Фальк потряс головой. Он не мог объяснить этого тогда, не мог и сейчас. Много лет он ломал себе голову. Раз за разом проигрывал в уме последние разговоры с Элли, пытаясь расшифровать, что она пыталась этим сказать? Что сообщить? Для нее он всегда был Аароном, не Фальком. Что происходило у нее в голове, когда она это писала? Иногда он и сам не знал, что хуже: неприятности, которые причинила ему эта записка, или тот факт, что ее смысл так и остался непонятым.

— Ну, — сказала Гретчен, — какая, в общем-то, разница. Она думала о тебе, так или иначе, незадолго перед смертью, а для любителей бросаться камнями этого было достаточно. Нравится это кому или нет, Люк был большим человеком, многое делал для общины. Стал для этого городка своего рода лидером, а позволить себе бросаться такими людьми мы не можем. Думаю, в общем и целом, народ предпочел просто выкинуть это из головы.

Она пожала плечами.

— По тем же самым причинам все тут мирятся с такими придурками, как Доу и Дикон. Это Кайверра. Здесь трудно. Но мы все тут одной веревочкой повязаны. Ты уехал, Люк остался. Виноват, значит, ты.

Аарон бросился на Люка, и тот отступил.

— Эй, полегче, — буркнул он, когда Аарон схватил его за плечи. Они пошатнулись и грохнулись на землю. Люк выронил сигарету. Элли, шагнув вперед, втоптала ее в землю.

— Осторожно, искры. Напугать до полусмерти ты их уже сумел. Теперь постарайся нас всех тут не сжечь.

Аарон, придавивший плечи Люка к земле, ощутил, как тот дернулся от ее тона. Обычно она разговаривала так с животными на ферме.

— Господи, Элли, да что тебя в задницу укусило? Когда это ты перестала понимать шутки? — Изобразить веселую браваду у него не получилась, и он замолчал. Аарон чувствовал запах его пота. Алкоголь.

— Тебе что, никто не говорил? — резко сказала Элли. — Шутки — это когда смешно.

— Господи, да что с тобой не так в последнее время? Пити тебе неохота, смеяться тоже. Ты практически ни с кем не общаешься и постоянно работаешь в этой дурацкой лавке. Ты стала такая зануда, Элли, может, вам с Аароном сойтись, наконец, и покончить уже с этим. Идеальная будет пара.

Зануда. Фальку показалось, будто Люк ударил его под дых. Не в силах поверить, он глядел на друга во все глаза. Потом схватил его за рубашку и оттолкнул от себя с такой силой, что голова Люка глухо стукнула о землю. Фальк откатился прочь, тяжело дыша, и лежал так, не оглядываясь. Он себе не доверял.

Элли глядела вниз, на распростертого в пыли Люка, и на лице ее был написан не гнев, а хуже — жалость. Вокруг, казалось, все застыло.

— Так как ты думаешь? — Она подошла, встала над ним. — Ты думаешь, что твои друзья — зануды, только потому, что они тебе преданы? Потому, что они хоть иногда придерживаются здравого смысла? Единственный, кто здесь смешон, — это ты, Люк. Тот факт, что ты думаешь, будто это нормально — использовать людей для собственного развлечения.

— Пошла ты. Это не так.

— Это так, — продолжала Элли. — Ты делаешь это с нами со всеми. Со мной. С Аароном. Со своей девушкой — ты только посмотри на нее. Ты что, думаешь, это нормально — так пугать людей, которым ты

небезразличен? — Он покачала головой. — А для тебя все это просто игрушки. Вот что меня в тебе пугает.

Некоторое время никто ничего не говорил. Слова Элли висели в воздухе между ними; каждый избегал смотреть на других. Элли двинулась первой. Она резко повернулась и ушла не оглядываясь. Аарон все еще не мог заставить себя взглянуть на Люка.

— Сучка, — прошептал Люк Элли в спину. Аарон услышал.

— Эй. Ты ее так не называй, — сказал он резко.

Элли, шагнувшая вперед, не подала ни малейших признаков, будто что-то услышала. Она удалялась от них ровным шагом. Люк повернулся и небрежно обнял Гретчен, которая к тому времени перестала всхлипывать и погрузилась в ошеломленное молчание.

— Прости, я немного напугал тебя, детка. Ты ведь знала, что я просто хотел всех немного повеселить, да? — Он наклонил голову и прижался губами к ее щеке. Лицо у него блестело от пота и было ужасно красным. — Но вы правы, да. Может, это было немного слишком. Кое-что я точно ляпнул зря. Может, я должен перед вами извиниться.

— Что-то ты им должен, уж это точно, — долетел до них голос Элли.

Никто из них больше не упоминал об этом разговоре, но сказанные тогда слова висели в воздухе, как липкая жара. Элли разговаривала с Люком только тогда, когда это было необходимо, и всегда одним и тем же вежливым, но отстраненным тоном. Аарон, которого смущало присутствие Элли и бесило присутствие Люка, молчал еще больше, чем обычно. Гретчен обнаружила себя в роли посредника, а Люк просто притворялся, будто ничего не случилось.

Рано или поздно оно рванет, говорил себе Аарон, но на деле уверенности у него не было. Их дружба вдруг дала трещину, более глубокую, чем он тогда понимал. Он так никогда и не узнал, прав он был или нет. Элли оставалось жить всего две недели.

Потянувшись через стол, Гретчен чуть коснулась его пальцев. Шум голосов вокруг них вдруг будто стал тише. У нее были рабочие руки. Короткие чистые ногти, чуть шероховатые кончики пальцев — он чувствовал это своей гладкой от офисной работы кожей.

Элли была насчет нее неправа, Фальк это знал. Гретчен никогда не была пустышкой. Она была сделана из гораздо более качественного материала. Она осталась и встретила неприятности лицом. Она построила жизнь в городе, который разрушил многих других, не в последнюю

очередь его самого и, теперь, — Люка Хэдлера. Гретчен была стойким человеком. Она была бойцом. И она улыбалась ему.

— Знаю, тебе нелегко было сюда вернуться, но я ужасно рада тебя видеть, — сказала она. — Среди нас ты всегда был единственным, у кого была хоть капля здравого смысла. Хотелось бы мне...

Она замолчала. Пожала плечами: загорелая кожа под тонкими черными лямками.

— Хотелось бы мне, чтобы ты тогда не уехал. Может, все было бы по-другому.

Они смотрели друг другу в глаза, пока Фальк не почувствовал, как волна жара заливает ему грудь, карабкается вверх по шее. Он прочистил горло и все еще раздумывал над ответом, когда на стол перед ним упала тень.

Глава семнадцатая

Грант Доу со стуком поставил свой стакан с пивом между ними на стол. На нем были все те же шорты и футболка с рекламой балинезийского пива, что и накануне. Фальк чуть не застонал.

— Я думал, тебя здесь сегодня не обслуживают, — сказал он, прилагая все усилия к тому, чтобы его голос звучал нейтрально.

— Для меня это — пожелание, а не приказ.

Фальк глянул через плечо Доу в сторону стойки; бармен наблюдал за происходящим с отрешенным видом. Он явно умыл руки. Фальк поднял брови, но бармен только пожал плечами: мол, а что тут можно поделывать? Сидевшая напротив Гретчен поймала его взгляд и чуть качнула головой. Потом она заговорила, и ее голос звучал совершенно непринужденно.

— Что тебе нужно, Грант?

— Я скажу, что нужно тебе, Гретч. Тебе нужно поосторожнее выбирать себе мужчин.

Наглостью Доу живо напомнил Фальку своего дядю, но если у Мэла Дикона злость была холодной, как у рептилии, то Грант кипятился, как чайник.

Вблизи его опухшее лицо казалось покрытым сетью лопнувших кровяных сосудов. Явные проблемы с давлением.

— У девушек, которые с ним водятся, есть риск оказаться мертвыми.

За его спиной, секундой позже, чем нужно, раздалось ржание его приятелей. Фальк так и не смог понять, те ли это самые, которые были с Доу прошлым вечером, или нет. Рожи у них у всех были абсолютно одинаковые. Бармен, отставив временно свои обязанности, целиком посвятил себя наблюдению за происходящим.

— Спасибо, Грант. Но я уже большая девочка. И сама могу принимать решения, — сказала Гретчен. — Так что, если ты все сказал, может, продолжишь отдыхать? И другим дашь отдохнуть?

Доу заржал, дав окружающим возможность полюбоваться давно не чищенными зубами. На Фалька пахнуло пивом.

— Уж конечно, ты готова отдохнуть, Гретч, — сказал он, подмигнув, — Ты сегодня такая нарядная, если мне позволено будет сказать. Нас ты тут такими зрелищами балуешь нечасто.

Он воззрился на Фалька.

— Это платье — ради тебя, ты, придурок. Надеюсь, ты это ценишь.

Гретчен, покраснев, отвела взгляд. Фальк встал и шагнул в сторону Доу. Он ставил на то, что Доу не захочет связываться с возможным арестом, и это удержит его от рукоприкладства. Он надеялся, что рассчитал правильно. Фальк знал за собой немало умений, но пьяная драка в них не входила.

— Чего тебе надо, Грант? — спокойно спросил Фальк.

— Такое дело, — сказал Доу. — Думаю, мы вчера не с той ноги начали. Так что я пришел дать тебе шанс покаяться.

— В чем?

— Ты знаешь в чем.

Они смотрели друг другу в глаза. Грант всегда был старше, больше, сильнее. Он вечно был на грани взрыва, и люди, бывало, спешили перейти на другую сторону улицы, если он шел к ним навстречу. Теперь он постарел, потолстел, и его дыхание отдавало чем-то хронически нездоровым. От него буквально несло горечью и разочарованием.

— Это все? — спросил Фальк.

— Нет, блин, не все. Прими мой совет. И моего дяди тоже. Чего бы они сегодня ни стоили. Уезжай отсюда, — сказал Доу низким, хриплым голосом. — Этот мешок дерьма, Хэдлер, того не стоит. Не стоит он тех неприятностей, в которые ты вот-вот влипнешь, попомни мое слово.

Доу глянул через плечо на своих подлипал. Из окна паба не было видно ничего, кроме ночи. Фальк знал, что, за исключением главной улицы, город был совершенно пуст. *В этих местах силы у полицейского значка гораздо меньше, чем надо бы.*

Может, и так, но кое-что он все-таки значит.

— Я уеду, как только наступит ясность с убийством Хэдлеров, — сказал Фальк. — Не раньше.

— Тебя-то это как касается?

— Целая семья погибла в таком маленьком городе? Думаю, это касается каждого. И у тебя, похоже, есть какие-то соображения на этот счет, так, может, с тебя и начнем? Только давай официально. Как думаешь?

Фальк сунул руку в карман и извлек ручку и маленький блокнотик. Вверху страницы он написал: «*Допрос по делу Хэдлеров*». Ниже он написал имя Доу, крупными буквами, чтобы тому было виднее.

— Ладно, уймись, придурок, — Доу явно стало не по себе, как Фальк и ожидал. Когда человек видит свое имя на бумаге, он, как правило, настораживается.

— Адрес, пожалуйста.

— Я тебе мой адрес не дам.

— Да не проблема, — ничуть не смутился Фальк. — К счастью, мне он известен.

Ниже он написал точный адрес фермы Дикона. Потом посмотрел мимо Доу в сторону его соратников. Те сделали шаг назад.

— Имена твоих друзей я тоже могу записать. Если уж им так не терпится внести свой вклад.

Грант обернулся. Отсутствующее выражение на лицах его приятелей сменилось мрачными взглядами в его сторону.

— Ты че, дело мне тут пришить пытаешься? — сказал Доу. — Нашел себе козла отпущения?

— Грант, — сказал Фальк, подавляя импульс закатить глаза. — Ты сам подошел к нашему столу.

Доу обвел его мрачным взглядом. Казалось, он вот-вот взорвется. Сжав правый кулак, он явно прикидывал, стоит ли оно того. Кинул взгляд через плечо. Бармен по-прежнему наблюдал за ним, опершись руками о стойку. Он сурово поглядел Доу в глаза и кивнул в сторону двери. Сегодня им здесь больше явно не нальют.

Доу разжал кулак и небрежно отступил в сторону. Будто ему неохота было напрягаться.

— Сплошное вранье и понты, как обычно, — сказал он Фальку. — Ладно. Тебе все это здесь понадобится. Может, отбрешешься, кто знает. А может, и нет.

Он мотнул головой в сторону выхода, и его свита последовала за ним.

Шум голосов, слегка притихший во время их перепалки, постепенно достиг прежнего уровня.

Фальк сел обратно на свое место. Гретчен молча наблюдала за ним; рот у нее был слегка приоткрыт. Положив блокнот обратно в карман, он ухмыльнулся, но руку из кармана вынимать не спешил — ждал, когда она перестанет дрожать. Гретчен удивленно покачала головой.

— Господи. С возвращением, называется. А ты молодец. — Она подмигнула ему. — Права была я насчет твоего здравого смысла, а?

Она поднялась и отправилась к стойке за следующей порцией напитков.

Позднее, когда паб уже закрывался, Фальк проводил ее до машины. На улице было тихо. В свете фонарей волосы сияли вокруг головы Гретчен, как нимб. Они стояли на расстоянии шага друг от друга — каждое движение обречено на неловкость; повисла пауза. Наконец она рассмеялась, и, положив ему руки на плечи, чмокнула в щеку, слегка задев самый краешек губ. Его руки сомкнулись вокруг нее, и на секунду они

застыли в тесном объятии, подбавляя тепла в и так уже жаркий вечерний воздух.

Наконец она с легким вздохом высвободилась из его объятий, села в машину, улыбнулась, помахала рукой и исчезла.

Фальк стоял один под звездным водоворотом и думал о Гранте Доу. Человек наговорил много всякого разного, в этом сомневаться не приходилось. Но одна сказанная им вещь застряла у Фалька в мозгу, и теперь он поворачивал ее в уме так и сяк, пристально изучая, как коллекционер — найденную редкость.

Это платье — ради тебя, ты, придурок.

Всю дорогу обратно, до паба, он улыбался.

Фальк уже поставил одну ногу на лестницу, ведущую наверх, к нему в комнату, как услышал оклик бармена.

— Зайдешь на минутку, приятель? Если не торопишься.

Фальк вздохнул, не снимая руки с перил. С тоской посмотрел наверх. Дурно обрамленный портрет королевы безо всякого сочувствия воззрился на него в ответ. Он повернулся и поплелся обратно в бар, который был уже совершенно пуст. В воздухе витал ядреный аромат лимона — бармен протирает стойку.

— Тебе налить?

— Я думал, ты уже закрылся, — Фальк подтянул к стойке табурет и сел.

— Закрылся. Это за счет заведения. — Бармен поставил перед Фальком кружку пива, потом нацедил себе тоже. — В качестве благодарности.

— За что?

— Я много раз видел, как Грант Доу докапывается до человека, и, как правило, это заканчивается тем, что мне приходится оттирать с пола чью-то кровь. Поскольку сегодня был явно не тот случай, я могу расслабиться и позволить себе выпить с тобой кружку холодненького.

Он протянул Фальку руку:

— Дэвид Макмердо.

— Твое здоровье, — Фальк отпил глоток, который, к его удивлению, пошел очень легко. За эту неделю он выпил больше, чем за весь предыдущий месяц. — Прости, пожалуйста, что так вышло. Знаю, я обещал, что неприятностей не будет.

— Друг мой, если бы здешние неприятности всегда улаживались подобным образом, я был бы счастливым человеком, — сказал Макмердо, поглаживая бороду. — К сожалению, дело обычно кончается менее

элегантно.

— Сколько ты уже в этом городе?

— Скоро десять лет будет. И большинство тутошних до сих пор смотрят на меня, как на новичка. Либо ты здесь родился, вырос и все прочее, либо ты навсегда чужак, — видимо, такие уж в Кайверре традиции.

— Родиться, вырасти и все прочее тоже не всегда помогает, — сказал Фальк с мрачной улыбкой. — Каким ветром тебя вообще сюда занесло?

Макмердо помолчал. Провел языком по зубам.

— А ты почему из Кайверры уехал?

— Перспективы карьерного роста, — сухо ответил Фальк.

— Что ж. Скажем, что и у меня то же самое; на этом и остановимся. — Макмердо жестом обвел пустой бар и подмигнул. — И все же тебе это, похоже, пошло только на пользу. Честно говоря, твой приятель Люк мог бы взять у тебя пару уроков, как ладить с Доу. Теперь уже поздно, конечно.

— Они что, не ладили?

— Это мягко говоря, — сказал Макмердо. — У меня, бывало, сердце обрывалось, когда один сидел здесь — и вдруг заходил второй. Они были — я не знаю — как пара магнитов. Сиамские близнецы. Ревнивые разведенки. Что угодно. Просто не могли оставить друг друга в покое.

— Из-за чего же они ссорились?

Макмердо закатил глаза.

— Лучше спроси, из-за чего они не ссорились. Что угодно назови. Погоду. Крикет. Цвет носков, блин. Вечно друг к другу цеплялись. По любому поводу.

— И насколько это было серьезно? До кулаков доходило?

— Было дело, — сказал Макмердо. — Пару раз. Но в последнее время — нет. Уже несколько лет — одни только ссоры да скандалы. Не пойми меня неправильно, миром тут и не пахло. Но мне кажется, они оба получали от этого некое удовольствие. Помахать кулаками. Выпустить пар.

— Никогда этого не понимал.

— Я тоже. По мне, лучше стаканчик пропустить. Но кому-то это по душе. — Он обмахнул стойку тряпкой; санинспекции в ближайшем будущем здесь явно не ждали. — Но Доу тоже можно где-то понять. За этим его дядюшкой присматривать, наверное, не сахар.

Фальк вспомнил, как Мэл Дикон принял его за отца.

— Ты знаешь, что с ним не так?

— В последнее время котелок у него явно не варит. Может, это от выпивки, а может, что посерьезнее, — я не знаю. Но вести он себя стал потише, это точно. Забредает сюда иногда и сидит в обнимку со стаканом,

а то шляется по городу с этой своей собакой и рычит на всех подряд, но это, пожалуй, и все.

— Мне что-то трудно представить себе Гранта Доу в роли Флоренс Найтингейл. Он что, посвятил всего себя заботам о дядюшке?

Макмердо ухмыльнулся.

— Господи, нет. Он вроде разнорабочего. Делает кое-что по мелочам, трубы там проложить, ремонт. Главное, чтобы на пиво денег хватало. Но что с людьми надежда на наследство делает, а? Дикон ему ферму завещал, или, по крайней мере, так говорят. Неплохих денег может стоить, особенно со всеми этими азиатскими инвесторами, которые вечно вынюхивают, где можно купить землю. Засуха-то когда-нибудь кончится. Это очевидно.

Фальк сделал еще глоток. Интересно. Земля Хэдлеров граничила с фермой Дикона. Он понятия не имел, какая теперь рыночная цена на землю, но два соседних участка, выставленные на продажу вместе, должны были цениться выше — у правильного покупателя. Конечно, если бы ферма Хэдлеров продавалась. Маловероятный сценарий при живом Люке, который деятельно занимался своей фермой. Но теперь подобный план мог быть значительно ближе к воплощению. Фальк отложил пока эту мысль, чтобы обдумать как следует на досуге.

— Так, значит, это правда, что там языками плетут? Что ты пытаешься разобраться в смерти Хэдлеров? — спросил его в это время Макмердо.

— Это неофициально, — ответил Фальк, во второй раз за сегодняшний вечер.

— Ага, ну да, — ответил Макмердо с понимающей улыбкой. — Полюбому это лучший способ добиться чего-то в этих местах.

— Кстати, может, было что-то, о чем мне надо знать?

— Типа, была ли у них с Люком заварушка накануне того дня? И не заявлял ли Грант Доу перед всем честным народом, что пойдет и кокнет все его семейство?

— Это бы очень помогло расследованию.

— Жаль, что разочаровал тебя, приятель, — Макмердо обнажил в ухмылке впечатляющее количество желтоватых зубов.

— Джейми Салливан говорит, он был здесь с Люком вечером накануне убийства, — сказал Фальк. — Они договаривались кроликов пострелять.

— Очень может быть, да.

— А Доу тоже здесь был?

— Да, конечно. Он здесь практически каждый вечер, поэтому-то он и терпеть не может, когда я отказываю ему в обслуживании. Его это бесит, конечно, но особых неудобств не причиняет. Он знает, что с моей стороны

это, по большей части, пустые угрозы. Если я его выгоняю, он просто усаживается на крыльце с этими своими тупыми приятелями и горой пива в жестянках. Так что неприятности я огребаю по полной, а прибыли ноль, понимаешь? — Макмердо покачал головой. — Ну да ладно. Отвечаю на вопрос. Грант Доу был здесь тем вечером, когда Люк пришел сюда в последний раз. Как, впрочем, и все остальные. По телевизору шел крикетный матч, так что тут яблоку было негде упасть.

— Ты не видел, чтобы они с Люком разговаривали? Вообще как-либо взаимодействовали? Вызывающее поведение с любой из сторон?

— Ничего такого не припомню. Как я уже говорил, вечер был занятой. Я тогда совсем замотался.

Макмердо в задумчивости допил пиво и деликатно подавил отрыжку.

— Но разве с этими двумя можно сказать что-то наверняка? Каждый вечер, бывало, гадаешь, чем оно кончится. Я знаю, вы с Люком были приятели, а Доу — тот еще придурок, но во многом они были похожи. Оба здоровые мужики, знаешь, которым по жизни тесно, и заводятся оба с пол-оборота. Две стороны одной монеты, понимаешь?

Фальк кивнул. Он понимал. Макмердо собрал пустые стаканы, и Фальк понял, что ему пора. Он слез с высокого табурета, пожелал спокойной ночи и удалился. За его спиной бармен выключил свет, и паб погрузился в темноту. Шатаясь, Фальк потащился вверх по лестнице, и тут вспыхнул экран его телефона. Еще одно сообщение на автоответчике. Он поднялся в номер, заперся, рухнул на кровать и только тогда, еле попадая пальцами в кнопки, включил запись. Когда из трубки донесся знакомый голос, он прикрыл глаза.

— Аарон, подойди уже к телефону, наконец, — слова Джерри, как горох, стучали по барабанной перепонке. — Слушай, я тут много думал о том дне, когда умерла Элли.

Долгая пауза.

— Если сможешь, приезжай завтра на ферму. Есть кое-что, что тебе нужно знать.

Фальк распахнул глаза.

Глава восемнадцатая

На этот раз ферма Хэдлеров выглядела совсем по-другому. С двери исчезла потрепанная полицейская лента. Все окна распахнуты настежь, занавески отдернуты, жалюзи подняты.

Утреннее солнце уже пекло вовсю, и, прежде чем выйти из машины, Фальк потянулся за шляпой. Сунув коробку со школьными принадлежностями Карен и Билли под мышку, он зашагал вверх по дорожке, к дому. Входная дверь была открыта. Внутри все так же витал запах хлорки, но уже не так шибал в нос.

Фальк нашел Барб в главной спальне. Она плакала, сидя на кровати Люка и Карен. Содержимое тумбочки было рассыпано по бледно-зеленому покрывалу. Свернутые в комочки носки и мятые семейные трусы вперемешку с мелочью и колпачками от ручек. Слезы капали из глаз Барб прямо на кусочек цветного картона, который она держала в руке.

Фальк тихо постучал в дверь, и она подскочила. Он подошел к Барб и увидел, что в руках у нее была самодельная открытка ко Дню отца. Барб утерла слезы рукавом и помахала открыткой перед носом у Фалька.

— От хорошей уборки никакого секрета не утаишь, а? Оказывается, у Билли с грамматикой было не лучше, чем у его отца.

Она попыталась было рассмеяться, но голос сломался. Фальк сел рядом, обнял ее и почувствовал, как вздрагивают у нее плечи. В комнате стояла удушающая жара: из раскрытого окна волнами катился обжигающий воздух. Он ничего не сказал. То, что выходило из этого дома через раскрытые окна, было гораздо важнее, чем все, что они впускали внутрь.

— Джерри попросил меня зайти, — сказал Фальк, когда всхлипывания Барб немного утихли. Она шмыгнула носом.

— Да, дорогой. Он мне сказал. Думаю, он сейчас в амбаре разбирается.

— Он не сказал, чего он хотел? — спросил Фальк. Ему стало интересно, когда, наконец, Джерри сочтет нужным рассказать хоть о чем-то жене.

Барб потрясла головой.

— Нет. Может, он хотел отдать тебе какие-то вещи Люка. Не знаю. Это, вообще-то, была его идея тут разобраться. Говорит, пора нам это принять.

Последнюю фразу ему удалось разобрать с трудом, потому что она, взяв в руки носки Люка, заново разразилась слезами.

— Я тут пыталась понять, может, найдется что-то, что понравится

Шарлот. Она так страшно скучает. — Голос Барб звучал приглушенно из-за салфетки. — Что бы мы ни делали, ничего не помогает. Оставили ее с няней, но Джерри серьезно предлагал взять ее с собой. Посмотреть, может, привычная обстановка ее успокоит. Я такого, конечно, никогда бы не допустила. Так я ему и сказала. Никогда бы не взяла ее в этот дом, после того, что здесь случилось.

Фальк погладил Барб по спине. Он продолжала плакать, а он обвел комнату взглядом. Если не считать слоя пыли, все было аккуратно и чисто. Карен явно старалась держать домашний хаос под контролем, но комната не казалась голой — отдельные вещицы, разбросанные там и сям, придавали ей достаточно индивидуальности и уюта.

На комод стояли фотографии детишек в рамках. Комод был хорошего качества, но явно сменил уже не одни руки. Очевидно, все деньги, какие тут могли выделить на обстановку, шли на детские комнаты. Сквозь щель в гардеробе Фальку были видны ряды одежды, висевшей на пластиковых плечиках. Слева — простые женские топики и блузки, рабочие брюки, пара летних сарафанов. Справа в легком беспорядке теснились джинсы и футболки Люка.

Обе половины кровати выглядели вполне обжитыми. На тумбочке со стороны Карен был игрушечный кролик, тюбик ночного крема и — на стопке книг — пара очков для чтения. Со стороны Люка, рядом с грязной кружкой из-под кофе, из розетки торчала зарядка для телефона. Кружка была расписана вручную, а сбоку красовалась надпись «*Papa*», сделанная корявыми буквами. На подушках до сих пор видны были вмятины от голов. Чем бы Люк ни занимался в последние несколько дней перед тем, как они погибли, на диване он не спал. Это явно была комната для двоих.

В голове у Фалька промелькнул образ его собственной спальни. В последнее время он по большей части спал в середине кровати. Покрывало было все того же темно-синего оттенка, как во времена его юности. Если кто и видел его кровать за последние пару лет, они не успевали настолько освоиться, чтобы предложить нечто более гендерно-нейтральное. Дама из службы уборки, навещавшая квартиру два раза в неделю, с трудом находила себе занятие — он это понимал. Он не копил вещи, мало что держал из сентиментальных соображений и довольствовался той мебелью, которая была оставлена ему три года назад, когда квартира для двоих превратилась в обиталище одиночки.

— Ты для меня — закрытая книга, — сказала она еще один, последний раз, перед тем как уйти. Она много раз говорила это за те два года, что они были вместе. Сначала — заинтересованно, потом — озабоченно и,

наконец, — обвиняющим тоном. Почему он допускает ее до себя? Почему *не хочет* ее допускать? Он что, ей не доверяет? Или просто мало ее любит? Его ответ на последний вопрос прозвучал недостаточно быстро, но понял он это слишком поздно. Пауза в долю секунды, и обоим стало ясно, что колокол на этот раз прозвонил по ним. С тех пор на тумбочке у его кровати никогда не было ничего, кроме книг, будильника и, от случая к случаю, заваливавшейся упаковки презервативов.

Барб громко шмыгнула носом, и он вернулся обратно к реальности. Фальк забрал у нее с колен открытку ко Дню отца и оглянулся, думая, куда бы ее положить.

— Видишь. В этом-то и проблема, — сказала Барб, наблюдая за ним покрасневшими глазами. — Что, бога ради, я должна делать со всеми этими вещами? Их столько, а девать их совершенно некуда. К нам в дом все это просто не влезет, но взять и отдать их вещи, будто они ничего не значат, я просто не могу...

Голос у нее стал совсем тонкий, и она начала лихорадочно собирать вещи с кровати, прижимая их к груди. Семейные трусы, игрушечный робот, очки Карен. Она взяла с тумбочки книги и громко выругалась.

— О, Господи, да это чертовы библиотечные книги. Когда, интересно, их надо было отдать? — Она повернулась к Фальку, рассерженная, покрасневшая.

— Никто никогда не расскажет тебе, на что это похоже, правда ведь? Ну да, конечно, им так тебя жаль, все так и рвутся заехать к тебе, когда им это подходит, урвать свежий клочок сплетен. Но разве кто скажет тебе заранее, что придется рыться в шкафу у твоего мертвого сына или возвращать за него книги? Никто, никто не станет тебе рассказывать, как с этим быть.

Тут Фальк, ощутив укол совести, вспомнил о коробке с вещами Карен и Билли, которую оставил за дверью спальни. Он осторожно вынул книги из рук Барб, сунул их под мышку и твердой рукой выпроводил ее из спальни.

— Книги я беру на себя. Давай просто... — Он решительно провел ее мимо комнаты Билли и вот, к его облегчению, они уже на залитой солнцем кухне. Он подвел Барб к высокому кухонному табурету.

— Давай-ка сделаем тебе чашечку чаю, — сказал он, распахивая дверцы ближайшего шкафчика. У него не было ни малейшего представления, что он может там обнаружить, но на любой кухне должны быть чашки, даже на месте преступления.

Барб понаблюдала за ним с минуту, потом решительно высморкалась и слезла с табурета. Похлопала его по руке.

— Давай уж я. Я знаю, где что лежит.

В конце концов им пришлось довольствоваться растворимым кофе без молока. В холодильник никто не заглядывал уже больше двух недель.

— Я так никогда и не поблагодарила тебя, Аарон, — сказала Барб, пока они сидели и ждали, когда закипит чайник. — За то, что ты нам помогаешь. Что ты начал расследование.

— Барб, ничего подобного я не делал, — сказал Фальк. — Ты же понимаешь, то, что мы делаем с сержантом Рако, — это неофициально, правда? Мы просто задаем вопросы. Ни в какое дело это не идет.

— Да-да. Конечно же, я это понимаю, — сказала она таким тоном, что стало понятно — ничего она не понимает. — Но ты заставил людей задуматься. Это главное. Ты взбаламутил воду.

Образ Элли всплыл в голове Фалька, и он только мог надеяться, что Барб никогда об этом не пожалеет.

— Люк всегда был так благодарен тебе за дружбу, — сказала она, наливая кипяток в три кружки.

— Спасибо, — просто сказал он, но, расслышав что-то в его тоне, Барб подняла глаза.

— Это правда, — настойчиво сказала она. — Я знаю, он не слишком хорошо выражал это, но он всегда нуждался в ком-то вроде тебя. В ком-то надежном, спокойном, с головой на плечах. Мне всегда казалось, что именно это привлекло его в Карен. Он разглядел в ней похожие качества.

Не задумываясь, она протянула руку, открыла нужный ящик и достала ложку.

— Ты был знаком с Карен?

Фальк потряс головой.

— Жалость какая, я думаю, она пришлась бы тебе по душе. Она мне очень во многом напоминает — напоминала — тебя. Иногда я даже беспокоилась, что она, даже не знаю... немного скучная, что ли. Что она была единственным, что стояло между Люком и его великими идеями. Но нет, я была не права. Она была такая спокойная и такая умная девочка. Именно то, что ему было нужно. Когда мой сын витал в облаках, она была ему опорой. Она и ты. — Склонив голову набок, Барб окинула Фалька долгим, печальным взглядом. — Нужно было тебе приехать на свадьбу. Или еще когда. Нам тебя не хватало.

— Я... — Он хотел было сказать, что его не пускала работа, но лицо у Барб было такое, что слова замерли у него на языке. — Если честно, я не был уверен, что мне будут рады.

Барб Хэдлер в два шага пересекла кухню, которая когда-то

принадлежала ей, и крепко обняла Фалька. Она сжимала его в объятьях, пока он не почувствовал, как где-то глубоко внутри него что-то начало расслабляться.

— Тебе, Аарон, в моей семье будут рады всегда, — сказала Барб. — Никогда не позволяй себе думать иначе.

Она отступила и на мгновение вдруг стала прежней Барб. Сунула ему в руки две дымящиеся кружки с кофе, а библиотечные книги — под мышку, и кивнула в сторону задней двери с решительным видом заправского мatriарха.

— Давай-ка отнесем это моему мужу, и я скажу ему — хочешь разобрать этот дом, придется тебе прекратить прятаться в амбаре и сделать это самому.

Фальк вышел вслед за Барб на ослепительное полуденное солнце. Чуть не обварился кофе, переступая через валяющуюся на земле детскую крикетную битку.

Так вот какой могла бы быть моя жизнь, подумал вдруг Фальк. Детские крикетные биты и кофе на деревенской кухне?

Он попытался это себе представить. Работа в полях бок о бок с отцом в ожидании момента, когда тот, пожав ему руку, передаст ему бразды правления. Субботние вечера во «Флисе» в компании Люка, проводимые в наблюдениях за женской половиной населения, пока, наконец, взгляд не остановится на одном-единственном лице. Скромная, но красивая деревенская свадьба; девять месяцев спустя — первый ребенок. Еще через год — второй. Роль отца вряд ли далась бы ему легко, он это знал, но он бы старался. Со своими, говорят, все иначе.

Его детишки дружили бы с сыном Люка, без вариантов. Да, им всем пришлось бы пытаться удачи в этой богом забытой сельской школе. Зато в их распоряжении были бы акры и акры земли, где они резвились бы на просторе сколько душе угодно.

Дни в полях тянулись бы долго, конечно, но домашние вечера были бы полны тепла и шума, хаоса и смеха. И любви. Кто-то ждал бы его за порогом, и светилось бы окно на кухне. Кто бы это мог быть? — подумал он. Элли? И тут же сотканный им образ начал тускнеть. Если бы она осталась в живых. Если бы он не уехал. Если бы все было по-другому. Сплошные фантазии. Упущено слишком много шансов, чтобы у этой картинки была хоть какая-то реальная основа.

Фальк выбрал жизнь в Мельбурне. И это счастливая жизнь, подумал он. Ему нравилось гулять по улицам среди людей и знать, что ни одна живая душа его не узнает. Нравилась работа, где нужно напрягать мозги, а не

спину.

Где-то теряешь, где-то находишь. Такова жизнь. Может, каждый вечер его и ждала только пустая, темная квартира, зато ничьи любопытные глаза не наблюдали за каждым его шагом. Его соседи не обсуждали его жизнь, не распускали слухов о его семье и не угрожали ему самому. Не оставляли мертвых животных у него на пороге — они оставляли его в покое.

Он знал об этой своей привычке держать людей на расстоянии. Редко кто переходил из разряда знакомых в разряд друзей. Это, наверное, к лучшему, а то вдруг еще кто из них вдруг всплывет, белый и раздувшийся, на расстоянии броска камня от его родного дома. И да, каждый день он тащился на работу в общественном транспорте и проводил большую часть времени под искусственным светом офисных ламп. Но, по крайней мере, его жизнь не зависела полностью от капризов погоды. По крайней мере, пустые небеса не способны толкнуть его за грань отчаяния, когда ружье для отстрела кроликов вдруг начинает казаться ответом на все вопросы. Может, Люка и ждал вечерами свет в окошке, но через эти самые окна что-то проникло в его дом, что-то, порожденное этим злосчастным, отчаявшимся местом. Что-то настолько темное и страшное, что оно навсегда погасило этот свет.

Когда они обнаружили Джерри у одного из амбаров, настроение у Фалька было хуже некуда. Джерри просто неподвижно стоял, опершись о метлу. Заметив их, он явно удивился. Бросил нервный взгляд в сторону жены.

— Не знал, что ты приехал, — сказал он Фальку, когда тот вручил ему одну из кружек.

— Он помогал мне там, в доме, — ответствовала Барб.

— А. Ну да. Спасибо, — голос у Джерри был какой-то неуверенный.

— Дел там еще полно, если ты вдруг решишь перестать валять дурака здесь, — Барб чуть улыбнулась. — Ты тут, похоже, продвинулся еще меньше, чем я.

— Я знаю, прости. Оказалось, это тяжелее, чем я думал. — Джерри повернулся к Фальку. — Я подумал, пора нам это принять.

Он посмотрел в сторону дома.

— Слушай, может, там есть что-то, что тебе нравится? Фотографии? Что угодно? Мы будем рады.

Фальк и вообразить не мог, как можно захотеть забрать что-либо из этого кошмарного дома в свою собственную жизнь. Он потряс головой.

— У меня и так все есть. Спасибо, Джерри.

Второпях он отпил огромный глоток кофе и чуть не поперхнулся. Ему

отчаянно хотелось убраться подальше от этого места. Скорее бы уже Барб ушла и оставила их с Джерри вдвоем.

Вместо этого они все втроем молча пили кофе, глядя на горизонт. В отдалении виднелась ферма Дикона, приземистое строение, уродливо расплзшееся по склону холма. Он вспомнил замечание бармена относительно того, что ферма должна перейти к его племяннику.

— Что вы собираетесь делать с этим местом? — спросил Фальк.

Джерри и Барб взглянули друг на друга.

— Мы, в общем-то, пока не решили, — сказал Джерри. — Нам придется его продать, наверное. Если получится. Положим деньги в банк, для Шарлот. Может, придется снести дом и продать одну только землю.

Барб издала тихий протестующий звук, и Джерри посмотрел на нее.

— Да, я знаю, дорогая, — в его тоне прозвучала нотка обреченности. — Но я просто не знаю, кому из местных захочется тут жить, после всего-то, а ты? На чужаков тоже рассчитывать не приходится — я что-то не вижу очереди из желающих сюда переехать.

— А Дикон или Доу, случайно, не предлагали объединить силы? — спросил Фальк. — Выставить оба участка единым лотом в расчете на азиатских инвесторов?

Барб повернулась к нему; на ее лице было написано отвращение:

— Этой парочке мы бы и пятидолларовую купюру за десятку не продали, а уж сговариваться с ними и вовсе не собираемся. Правда ведь, Джерри?

Ее муж потряс головой, но Фальк заподозрил, что у него были более реалистичные представления о состоянии рынка собственности в Кайверре.

— Тридцать лет мы не видали от них ничего хорошего, кроме плохого, — голос Барб постепенно повышался. — Соседи, называется! Ты знал, что Мэл по ночам, бывало, изгородь передвигал втихаря? Будто мы слишком тупы, чтобы заметить. Тащил все, что плохо лежит. И я знаю, это он сбил тогда собаку Люка, сколько бы он это ни отрицал. Ты помнишь?

Фальк кивнул. Люк очень любил ту собаку. Ему было четырнадцать, и он, не скрываясь, плакал у тогда дороги, держа на руках обмякшее тельце.

— А когда он был помоложе, дом у него вечно был полон молодых отморозков из города, в любое время дня и ночи, помнишь, Джерри? Пили и разъезжали повсюду, грохоча, на своих пикапах. И еще музыку делали погромче, а ведь знали, что нам с утра вставать в самую рань, иначе на ферме никак.

— С тех пор много воды утекло, дорогая, — сказал Джерри, и Барб повернулась к нему.

— Ты что, его защищаешь?

— Нет, Господи, нет. Просто говорю как есть. На большие пакости он давно уже не способен, верно? Ты это знаешь.

Фальк подумал о том странном разговоре, который состоялся у них с Диконом в пабе.

— Такое ощущение, что у него что-то вроде малярии.

Барб фыркнула.

— Так это у них теперь называется? По мне, так это «зря прожитая жизнь бьет по голове злобного старого пропойцу».

Она отпила из кружки еще глоток и опять кинула взгляд в сторону фермы Дикона. Когда она заговорила вновь, в ее голосе звучала грусть.

— Кого мне было жаль, так это Элли. Мы-то, по крайней мере, могли захлопнуть дверь у него перед носом, а бедняжке приходилось с ним жить. Думаю, он любил ее на свой лад, но какой же он все-таки был злой. Помнишь верхнее поле, Джерри?

— Мы так и не смогли доказать, что это он.

— Нет, но так оно и было. Кто еще, кроме него? — Барб повернулась к Фальку. — Это было, когда вам, ребятам, было лет по одиннадцать, вскоре после того, как мама Элли сбежала — и я ее не виню, нет. Бедная девчушка была тогда в ужасном состоянии, помнишь, Джерри? Худенькая такая стала, не ела как следует. И взгляд такой. Будто настал конец света. В конце концов я пошла к ним, сказать Мэлу, что с ней не все в порядке и ему нужно что-то с этим делать, пока она не заболела от всего этого беспокойства.

— И что он сказал?

— Ну, стоило мне открыть рот, как он указал мне на дверь, чего, наверное, и следовало ожидать. Но неделю спустя наше верхнее поле погибло. Вот так, сразу, а еще накануне — ни малейших признаков, что что-то не так. Мы провели тесты, и оказалось, что кислотность почвы совершенно неправильная.

Джерри вздохнул.

— Да, такое иногда случается...

— Но оно случится гораздо быстрее, если сосед подсыплет вам на поле химикатов, — сказала Барб. — В тот год мы потеряли тысячи. Еле удержались на плаву. И поле так никогда полностью и не восстановилось.

Фальк припомнил это поле, припомнил и напряженные разговоры, которые велись в тот год за столом у Хэдлеров.

— Почему ему всегда все сходит с рук? — спросил он.

— Не было никаких доказательств, что это он, — вновь начал Джерри. — Но...

Он поднял руку, когда Барб открыла рот, чтобы его прервать.

— Но ты знаешь, как тут обстоят дела, дружище. От здешних нелегко добиться, чтобы они встали и начали раскачивать лодку. Так было тогда, да и теперь то же самое. Мы все нужны друг другу, чтобы выжить. Мэл Дикон вел дела со многими из нас, и все мы вели дела с ним. И он всегда был готов тебя уважить, забыть небольшой должок, так что все больше народу начинало от него зависеть. И если вдруг кто не поладил с Диконом, это не только с ним ты переставал ладить. Вести дела, да и просто выпить спокойно кружечку пива в твоём родном городе вдруг становится непросто. А жизнь тут и так нелегкая.

Барб не сводила с него взгляда.

— Девчужка была настолько несчастной, что пошла и утопилась, Джерри. — Она собрала пустые кружки, глухо стукнувшие друг о друга. — Да пошли они, дела; и пиво туда же. Нам всем надо было сделать больше. Я пошла. Увидимся в доме. Там ещё тысяча дел ждут, когда ты будешь готов.

Она повернулась и быстро пошла к дому, вытирая лицо рукавом.

— Она права, — сказал Джерри, наблюдая за тем, как она уходит. — Что бы там ни случилось, Элли заслуживала гораздо лучшего.

Он повернулся к Фальку, и глаза его были пусты, будто за последние пару недель он израсходовал весь запас эмоций, отпущенных ему на целую жизнь.

— Спасибо, что задержался. Мы слышали, ты расспрашиваешь людей о Люке.

— Только начал.

— Можно спросить, что ты думаешь? Это Люк убил Карен и Билли?

— Я думаю, — осторожно ответил Фальк. — Есть вероятность, что он этого не делал.

— Господи, ты уверен?

— Нет. Я сказал, есть такая вероятность.

— Но ты думаешь, что здесь мог быть замешан кто-то ещё.

— Может быть, да.

— Это как-то связано с тем, что случилось с Элли?

— Честно, я не знаю, Джерри.

— Но может быть?

— Может быть.

Молчание.

— Господи. Слушай, есть кое-что, о чем мне нужно было рассказать тебе с самого начала.

Джерри Хэдлеру было жарко, но это ничуть его не расстраивало. Кончиками пальцев он выстукивал на руле нехитрый ритм, насвистывая себе под нос. Он катил по совершенно пустой дороге, и вечернее солнце пекло ему сквозь стекло локоть. В том году у них были приличные дожди, и то, что он видел в полях, ему нравилось.

Джерри покосился на бутылку игристого, лежавшую на пассажирском сиденье. Он ездил в город кое-что купить и по наитию заглянул в винный магазин. Бутылку он вез домой в качестве сюрприза для Барб, которая, как он надеялся, готовила в этот момент жаркое из баранины — как всегда по пятницам. Джерри включил радио. Песню он не узнал, но ему всегда нравились раздумчивые джазовые ритмы. Кивая головой в такт, он нажал на тормоз — впереди показался перекресток.

— Я знал, что в тот день, когда умерла Элли Дикон, вы с Люком солгали насчет алиби, — голос Джерри звучал так тихо, что Фальку приходилось напрягать слух. — Дело в другом. Мне кажется, об этом знал кто-то еще.

Джерри все еще был в двадцати метрах от перекрестка, когда знакомая фигура на велосипеде перерезала ему путь. Его сын, пригнув голову, яростно крутил педали. С этого расстояния волосы Люка, казалось, блестели в свете луны и были будто прилизанные. Существенное отличие от его обычного лохматого стиля, подумал Джерри. Нельзя сказать, чтобы ему шло.

Люк пронесся через перекресток, едва поглядев в стороны. Джерри досадливо прищелкнул языком. Надо бы поговорить с мальчишкой. Конечно, дороги обычно пусты, но это не значит, что они совершенно безопасны. Если Люк будет проделывать такие штучки, рано или поздно его собьют.

— Он ехал с юга, от реки. Совсем не оттуда, где, как вы говорили, вы были. И ружья при нем не было.

— К югу там не только река, — сказал Фальк. — Там фермы есть, например. Или велосипедные маршруты.

Джерри потряс головой.

— Ни по какому велосипедному маршруту Люк не ездил. На нем была та серая рубашка, которую он так обожал в те времена. Ну, помнишь, такая ужасная блестящая штука на пуговицах, он ее всегда для особых случаев

приберегал. У меня тем вечером создалось впечатление, что он явно принарядился. Будто на свидание ходил или что-то вроде того. Я тогда себе сказал, что он решил попробовать новую прическу. — Джерри закрыл глаза рукой; помолчал. — Но я всегда знал, что волосы у него были мокрые.

Люк давно уже миновал перекресток, а Джерри только еще подъезжал. Как бы для того, чтобы доказать собственную правоту, Джерри притормозил до полной остановки и внимательно проверил оба направления. Видневшаяся справа фигура сына становилась все меньше, постепенно исчезая вдаль. Слева дорога была видна только до поворота. Все чисто. Джерри плавно нажал на газ и двинулся вперед. Проехав перекресток, он бросил взгляд в зеркало заднего вида.

Отражение мелькнуло и пропало в зеркале меньше чем за секунду. Исчезло чуть ли не быстрее, чем он его заметил: белый пикап, молнией промелькнувший через перекресток. Слева направо. Следуя в том же направлении, что и его сын.

Фальк долго молчал.

— И ты не видел, кто сидел за рулем? — Фальк внимательно взглянул на Джерри.

— Нет. Я не разобрал. Не успел обратить внимания: он проехал так быстро, что я не увидел. Но кто бы это ни был, Люка он уж точно видел. — Джерри явно не мог поднять на Фалька глаза. — Три дня спустя они вытащили тело девочки из реки, и это был худший день моей жизни.

Он издал странный смешок:

— Ну, до последнего времени. Это ее чертово фото было повсюду, ты помнишь?

Фальк кивнул. Казалось, изображение Элли — мозаика из пикселей — глядело пустыми глазами с газетных страниц на протяжении многих дней. Некоторые магазины вывесили ее портрет в витринах — они помогали собрать деньги на похороны.

— Двадцать лет я жил в страхе, что тот водитель вдруг решит объявиться. Постучит в дверь полицейского участка и скажет, что видел Люка в тот день, — сказал Джерри.

— Может, они его и не видели.

— Может быть, — Джерри взглянул на дом своего сына. — Или, может, когда они решили постучать в дверь, это был не полицейский участок.

Глава девятнадцатая

Фальк, съехав на обочину, сидел в машине, размышляя над тем, что сказал ему Джерри. Белых пикапов в Кайверре было как грязи, что тогда, что сейчас. Может, это ничего и не значило. Но если кто-то в тот день видел, как Люк едет от реки, то почему он молчал все это время? Кому могло быть выгодно хранить тайну на протяжении двадцати лет?

Одна мысль не давала ему покоя. Если водитель пикапа видел Люка, то, может быть, Люк тоже видел водителя? Что, если — идея казалась все более заслуживающей внимания, — что, если все было наоборот? Может, это Люк хранил чей-то секрет. И кто знает — может, по какой-то причине Люк решил, что с него достаточно.

Упершись невидящим взглядом в тоскливый пейзаж, Фальк поворачивал идею так и сяк у себя в мозгу. В конце концов он вздохнул и достал телефон. Когда Рако поднял трубку, Фальк явственно услышал шорох бумаг.

— Ты в участке? — спросил Фальк. Было воскресенье; погода стояла прекрасная. Ему стало интересно, что об этом думает жена Рако.

— Ага. — Вздох. — Проглядываю тут бумаги по делу Хэдлеров. Результатов пока никаких. А ты?

Фальк рассказал о том, что открыл ему Джерри.

— Дела, — вздохнул Рако. — Ты что думаешь?

— Не знаю. Может, за этим что-то и стоит. А может, и ничего. Ты пробудешь там еще немного?

— Я, к сожалению, пробуду здесь еще очень, очень много.

— Я сейчас подъеду.

Фальк едва успел отложить телефон, как он зажужжал опять. Он открыл смску, и хмурое выражение у него на лице сменилось улыбкой.

Занят? — писала Гретчен. — Голоден? Мы с Лэчи обедаем в Сентинери-парке.

Уже еду, — написал он. Потом, немного подумав, добавил: — Но надолго задержаться не получится.

Чувство вины это сгладить не помогло. Но ему было плевать.

Сентинери-парк был первым местом, увиденным Фальком в Кайверре, которое выглядело так, будто туда вложили хоть какие-то деньги. На

недавно разбитых клумбах красовались тщательно высаженные засухоустойчивые кактусы — сочная зелень, какой Фальк не видел уже несколько недель.

Фальк с грустью заметил, что скамейка, на которой они провели столько субботних вечеров, исчезла. На ее месте сверкала яркими красками исключительно затейливая детская площадка. Она так и кишела детьми, а стоявшие вокруг столики для пикников почти все были заняты. Детские коляски соперничали за место с сумками-холодильниками, а родители болтали друг с дружкой, отвлекаясь, только чтобы либо покормить, либо отругать своего отпрыска.

Фальк увидел Гретчен прежде, чем она увидела его, и на секунду остановился, просто глядя на нее. Она была за боковым столиком одна; сидела на скамейке, вытянув длинные ноги и опершись локтями на стол за спиной. Светлые волосы были собраны у нее на макушке в небрежный узел, увенчанный солнечными очками. Гретчен наблюдала за возней на детской площадке и явно забавлялась тем, что видела. Фалька захлестнула теплая волна узнавания. Издалека, при ярком свете солнца, ей почти можно было дать все те же шестнадцать.

Гретчен, должно быть, почувствовала его взгляд: внезапно она подняла глаза. Улыбнулась, помахала рукой. Он подошел, и она приветствовала его поцелуем в щеку и открытым таппервейровским контейнером.

— Съешь сэндвич. Лэчи их все никогда не одолеть.

Он выбрал сэндвич с ветчиной. Они сидели бок о бок на скамейке. Она опять вытянула ноги, коснувшись его теплым бедром. На ногах у нее были вьетнамки, и ногти блестели ярко-розовым лаком.

— Ну, это совершенно не похоже на то, что помнится мне. Просто потрясающе, — сказал Фальк, глядя, как детишки карабкаются по горке. — Откуда только деньги взялись на все эти роскоши?

— Знаю, знаю. Это была какая-то сельская благотворительная организация. Пару лет назад нам повезло получить плюшку от фонда каких-то богатых доброхотов. На самом деле, не стоит мне над ними смеяться, ведь это просто здорово, правда? Самое симпатичное место в городе. Тут всегда полно народу. Детей отсюда не утащишь. Я, конечно, рвала волосы над судьбой нашей скамейки, — она улыбнулась, глядя, как какой-то малыш закапывает приятеля в песочнице. — Но маленьким здесь хорошо. Богу известно, больше ничего для них тут особо не делается.

Фальк вспомнил облупившуюся краску и одинокое баскетбольное кольцо на школьном дворе.

— Своего рода компенсация за школу, так я понимаю. Она еще более

потрепанная, чем я помню.

— Да. Еще одна вещь, за которую нам стоит поблагодарить засуху. — Гретчен открыла бутылку воды и сделала глоток. Потом наклонила бутылку в его сторону тем же жестом, которым в свое время предлагала поделиться водкой. Непринужденная интимность. Он взял бутылку.

— Общественных денег, как таковых, тут нет. Все, что город получает от правительства, идет на фермерские субсидии. На детишек не остается ничего. Но нам повезло со Скоттом — он хороший директор. По крайней мере, ему не безразлично. Но есть предел тому, что ты можешь сделать, не имея на счету ровно ничего. И абсолютно невозможно хоть что-то попросить у родителей.

— А как насчет тех самых богатых доброхотов?

Она грустно улыбнулась.

— Вообще-то мы уже пытались. Думали, в этом году точно сорвем куш. Но это совсем другая тусовка, чем те, которые сделали площадку. Какая-то частная компания, «Образовательный траст Кроссли». Слышал о них?

— Нет, не думаю.

— Типичные филантропы, но наш случай был будто специально для них придуман. Они финансируют бедные сельские школы. Но, видимо, существуют другие школы, еще более бедные или еще более сельские, чем наша. Как ни трудно в это поверить. Помоги им Бог. Мы попали в шорт-лист, но дальше удача нам изменила. Мы немного осмотримся, попробуем еще раз на следующий год — так я думаю. Но до тех пор — кто знает? В общем... — тут она прервалась, чтобы помахать сыну, который стоял наверху горки, стараясь привлечь их внимание. Они посмотрели, как он съезжает. — Лэчи, по крайней мере, и здесь хорошо, а это уже кое-что.

Она потянулась за контейнером: подбежал ее мальчишка. Гретчен протянула ему сэндвич, но Лэчи проигнорировал ее, глядя во все глаза на Фалька.

— Привет, дружище, — Фальк протянул ему руку. — Меня зовут Аарон. Мы встречались пару дней назад, помнишь? Мы с твоей мамой дружили, когда были помладше.

Лэчи пожал ему руку; это явно было для него внове, и он разулыбался.

— Ты видел, как я съехал?

— Мы видели, — ответила Гретчен, но вопрос был адресован не ей. Фальк кивнул.

— Ты очень храбрый, приятель, — сказал Фальк. — Вон какая горка высокая.

— А я еще так могу. Смотри. — Лэчи понесся прочь. Гретчен наблюдала за ним со странным выражением лица. Убедившись, что Фальк смотрит, мальчишка съехал с горки. И сразу же побежал на второй круг. Фальк показал ему большой палец.

— Спасибо, — сказала Гретчен. — В последнее время ему очень важно одобрение взрослых, особенно мужчин. Думаю, он начал замечать, что у других детей есть папы и... ну, ты понимаешь. — Она пожала плечами, не поднимая взгляда на Фалька. — Что ж, это и значит — быть матерью, а? Адские муки совести на протяжении восемнадцати лет?

— А его отец совсем не принимает участия?... — Фальк расслышал в собственном голосе нотки любопытства.

Гретчен тоже их расслышала и понимающе улыбнулась.

— Нет. И все в порядке, вопросы задавать не возбраняется. Его папа уехал. Ты его не знаешь. Он не местный, просто рабочий, был тут проездом. Я и сама о нем особо много не знаю, кроме того, что он оставил мне этого удивительного ребенка. И да, я знаю, как это звучит.

— Да никак это не звучит! Звучит так, что Лэчи очень с тобой повезло, — сказал Фальк. Но, наблюдая за тем, как ребенок ловко карабкается вверх по перекладинам лестницы, он поймал себя на том, что гадает, каким был его отец.

— Спасибо. Но так бывает не всегда. Иногда мне кажется, может, стоит попытаться с кем-то познакомиться. Ради нас обоих постараться создать Лэчи хоть какую-то семью. Чтобы он понял, каково это — когда мама не измотана постоянно, как выжатый лимон. Как бы это ни выглядело. Уж не знаю... — тут она замолкла, и Фальк уже испугался, что она смутилась, но тут она широко ухмыльнулась. — Сам понимаешь, с кавалерами в Кайверре негусто. Скорее даже, совсем пусто.

Фальк рассмеялся.

— Значит, ты так никогда замужем и не побывала? — спросил он, и Гретчен помотала головой.

— Не-а. Никогда.

— Я тоже так и не женился.

Гретчен это заявление явно позабавило.

— Да, я в курсе.

Женщины, кажется, всегда были в курсе. Как это им удавалось, Фальку было невдомек.

Она оба покосились друг на друга и обменялись улыбками. Фальк попытался представить себе, каково Гретчен и Лэчи живет среди обширных полей на ферме Келлерманов, которую она купила. Ему

вспомнилось зловещее одиночество фермы Хэдлеров. Фальк ценил личное пространство больше, чем большинство людей. Но и ему хватало пары часов наедине с бескрайними полями, чтобы вновь начать стремиться к человеческому обществу.

— Тебе, наверное, одиноко на ферме, когда ты совсем одна, — сказал он, и чуть не прикусил себе язык. — Прости. Это был настоящий вопрос, а не дурацкая пикаперская фраза.

Гретчен рассмеялась.

— Я знаю. С подобными фразочками ты вписался бы в местное общество гораздо лучше, чем тебе кажется. — Но тут ее лицо омрачилось. — Но да. Бывает, если честно. Проблема не в одиночестве. Вот это ощущение полной отрезанности от мира — оно, правда, иногда немного достает. Интернета нормального нет, и даже телефон не везде принимает. Конечно, нельзя сказать, чтобы мне постоянно обрывали телефон.

Сжав губы, она помолчала.

— Ты в курсе, что я так ничего и не знала о том, что случилось с Люком, до следующего утра?

— Серьезно? — Фальк был в шоке.

— Ага. Ни один человек не подумал мне позвонить. Ни Джерри, ни Барб, никто. Несмотря на все, что нас связывало, я так понимаю, я... — тут она еле заметно пожала плечами, — ...не была в числе приоритетов. В тот день, когда это случилось, я забрала Лэчи из школы, мы поехали домой, поужинали. Он пошел спать, я посмотрела какой-то фильм. Обычный скучный вечер, но, понимаешь, это вроде как был вообще последний нормальный вечер. Ничего особенного, но я бы все отдала, чтобы его вернуть. И только на следующее утро я подъехала к воротам школы, и все, *все* говорят об этом. Такое было ощущение, что все, *все* они знали, — единственная слеза скатилась у нее с кончика носа, — и никто не позаботился мне позвонить. Я просто не могла поверить. То есть я *буквально* не могла в это поверить. Поехала было к нему на ферму, но добраться туда было невозможно. Дорога перегорожена, повсюду копы. Так что я поехала домой. К тому времени все уже было в новостях, конечно. Больше никаких шансов ничего пропустить.

— Мне ужасно жаль, Гретч, — сказал Фальк, кладя руку ей на плечо. — Если тебе от этого станет легче, мне тоже никто не позвонил. Я ничего не знал, пока не увидел его лицо на новостном сайте.

Фальк до сих пор ощущал тот шок, когда под кошмарным заголовком он увидел такое знакомое лицо.

Гретчен кивнула, потом явно заметила что-то за его плечом. Нахмурившись, она поспешно вытерла глаза.

— Поберегись, мы на мушке, — сказала она. — Мэнди Вэйзер. Помнишь ее? Она тогда была Мэнди Мантел. Господи, только этого мне сейчас не хватало.

Фальк повернулся. Та остроликая рыжая девчонка, которую он помнил как Мэнди Мантел, превратилась теперь в маленькую, компактную женщину с аккуратным медно-красным каре. На груди у нее висел младенец в слинге исключительно сложной конструкции, по одному виду которого было ясно, что он — «органический» и «сделан из натуральных волокон». Она направлялась к ним с решительным видом; черты лица у нее были все такие же острые.

— Она вышла за Тома Вэйзера. Он учился на класс или два старше нас, — шепнула ему Гретчен. — У нее двое детей, в нашей школе учатся. Плюс она сама себя назначила главой клуба озабоченных мамаш.

Мэнди остановилась прямо перед ними. Перевела взгляд с сэндвича, который Фальк держал в руке, на него самого, а потом обратно. Лицо ее приняло выражение крайнего отвращения.

— Привет, Мэнди, — сказал он. Она вежливо его проигнорировала, только прикрыла рукой голову своего младенца, как бы защищая его от нежелательных приветствий.

— Гретчен. Прости, что прерываю, — сожаления в ее голосе не было ни капли. — Не могла бы ты на минуту заглянуть за наш столик? Надо бы перемолвиться словечком.

Она быстро, со значением глянула на Фалька.

— Мэнди, — сказала Гретчен безо всякого энтузиазма. — Помнишь Аарона? Еще со школы? Он теперь в федеральной полиции.

Конец фразы она слегка подчеркнула.

Они с Мэнди как-то поцеловались, припомнил Фальк. Вроде бы это было на школьной дискотеке. Лет им было по четырнадцать, и она огорошила его тем, что засунула язычок ему прямо в рот, наполнив его привкусом дешевого лимонада. Фоном служили стены школьного спортзала, подсвеченные разноцветными лампочками, и музыка, рвущаяся из колонок в углу. Интересно, помнит ли она, подумал Фальк. Судя по тому, насколько тщательно она избегала его взгляда, так оно и было.

— Рад снова тебя увидеть, — Фальк протянул руку, но не потому, что ему так уж хотелось обменяться с ней рукопожатием. Ему просто хотелось посмотреть, как она вывернется. Она уставилась на его руку, и было видно, как непросто ей подавить автоматический вежливый ответный жест. Но

она справилась с собой и оставила его руку висеть в воздухе. Фальк даже почти ее зауважал.

— Гретчен. — Мэнди теряла терпение. — Можно тебя на минутку?

Гретчен посмотрела ей прямо в глаза. Она не сделала ни малейшего движения, чтобы куда-то идти.

— Чем скорее ты это скажешь, Мэнди, тем скорее я смогу ответить, что это не твое дело. И все мы сможем вернуться к нашим выходным.

Мэнди напряглась. Она глянула через плечо туда, где группа мамаш с похожими стрижками наблюдала за ними из-под солнечных очков.

— Ладно. Хорошо. Мне — *нам* — неприятно, когда Аар... — *твой друг* — находится рядом с нашими детьми. — Она посмотрела прямо на Фалька. — Мы хотели бы, чтобы вы ушли.

— Мы поняли, — сказала Гретчен.

— Значит, он уйдет?

— Нет, — хором ответили Гретчен и Фальк.

Вообще-то Фальк как раз подумывал, что пора бы уже отправиться в участок, найти Рако. Но он не собирался позволять какой-то Мэнди Мантел указывать ему, что делать. Глаза у Мэнди сузились. Подавшись вперед, она сказала:

— Слушайте. Сейчас мы с мамами вежливо вас просим. Но могут и папы попросить, без вежливости. Если так до вас лучше дойдет.

— Господи, Мэнди, — резко сказала Гретчен. — Он из полиции. Ты хоть слышала, что я говорю?

— Да. А еще все мы слышали, что он сделал с Элли Дикон. — По всей площадке головы родителей поворачивались в их направлении. — Нет, серьезно, Гретчен, неужели у тебя все настолько плохо? Что ты готова вот так подставлять *своего собственного сына*? Ты теперь мать. Начинай вести себя соответственно.

Фальк припомнил, что парень, который стал впоследствии мужем Мэнди, как-то написал и во всеуслышание зачитал стихи, посвященные Гретчен ко Дню святого Валентина. Неудивительно, что она теперь наслаждалась возможностью в кои-то веки отыграться.

— Если ты собираешься проводить время в обществе этого... человека, Гретчен, — продолжала Мэнди, — я почти готова сообщить в социальные службы. Ради Лэчи.

— Эй... — сказал Фальк, но Гретчен не дала ему договорить.

— Мэнди Вэйзер, — сказала она, и голос у нее был как сталь. — Думаешь, ты такая умная? Так хоть раз в жизни поступи соответственно. Повернись и уйди.

Та выпрямилась, не желая уступать.

— И Мэнди. Смотри, поосторожнее. Если из-за тебя мой сын потеряет хоть минуту сна, прольет хоть одну слезу...

Она говорила ледяным тоном, какого Фальк никогда прежде у нее не слышал. Она не закончила фразу, дав ей повиснуть в воздухе.

Глаза у Мэнди расширились.

— Ты что, мне угрожаешь? Это ведь все были угрозы. Просто поверить не могу. И это после всего, что выпало на долю этого города.

— Это ты мне угрожаешь! Социальные службы, на хрен.

— Я стараюсь сделать так, чтобы детям в Кайверре было безопасно. Я что, слишком многого прошу? Как будто мало того, что уже произошло! Я знаю, на Карен времени у тебя не было. Но могла бы хоть какое-то уважение проявить, Гретчен.

— Достаточно, Мэнди, — твердо сказал Фальк. — Бога ради, заткнись и оставь нас в покое.

— Нет. Это ты нас оставь. — Она резко развернулась и быстро пошла прочь. — Я звоню мужу.

Ее слова повисли в воздухе над площадкой.

Щеки у Гретчен горели. Она поднесла к губам бутылку с водой, и Фальк заметил, что руки у нее дрожат. Он потянулся было притронуться к ее плечу, но остановил себя, зная, что на них смотрят, и боясь сделать еще хуже.

— Прости, — сказал он. — Не нужно мне было здесь с тобой встречаться.

— Дело не в тебе, — ответила она. — Тут все на нервах. Жара только ухудшает дело. — Она сделала глубокий вдох и улыбнулась ему дрожащими губами. — Плюс Мэнди всегда была той еще сучкой.

Он кивнул.

— Это точно.

— И просто на всякий случай. Это неправда, что я недолюбливала Карен. Мы просто были не так уж близки. Мам в школе полно. Со всеми дружить просто невозможно. Как видишь. — Она кивнула в удаляющуюся спину Мэнди.

Фальк открыл было рот, чтобы ответить, но тут его телефон зажужжал. Он его проигнорировал. Гретчен улыбнулась.

— Да все в порядке. Ответь.

С виноватой гримасой он открыл сообщение. Не успев даже дочитать сообщение, он был уже на ногах.

Пять слов от Рако: *Джейми Салливан солгал. Приезжай сейчас.*

Глава двадцатая

— Он там.

Фальк бросил взгляд сквозь толстое стекло в двери единственной в участке комнаты для собеседований. Джейми Салливан сидел за столом, уставившись тоскливым взглядом в пустой бумажный стаканчик. Каким-то образом он казался ниже ростом, чем тогда, у себя в гостинной.

Фальк чувствовал себя ужасно виноватым, бросая Гретчен одну в парке. Она, глядя ему в глаза, твердо сказала, что все будет в порядке, но он все колебался. Он ей не верил. Так что она улыбнулась ему и подтолкнула к машине.

— Поезжай. Все хорошо. Звони.

И он уехал.

— Что ты обнаружил? — спросил Фальк у Рако. Сержант рассказал что, и Фальк уважительно кивнул.

— Все это время оно было на самом виду, — сказал Рако. — Просто никто не обратил внимания, учитывая, что произошло в тот же день.

— Да уж, непростой был день. Особенно, похоже, у Джейми Салливана.

Голова Салливана дернулась вверх, когда они вошли. В руках он все так же сжимал бумажный стаканчик.

— Что ж, Джейми. Хотелось бы с самого начала прояснить, что ты не арестован, — энергично начал Рако. — Но нам хотелось бы лучше понять кое-какие моменты. Ты уже знаком с федеральным агентом Фальком. Нам бы хотелось, чтобы он присутствовал при этой беседе, если ты не возражаешь?

Салливан сглотнул. Посмотрел на одного, на другого, явно не будучи уверен, какой ответ будет правильным.

— Ну, да, думаю. Он ведь для Джерри и Барб работает, верно?

— Неофициально, — ответил Рако.

— Мне понадобится мой адвокат?

— Если хочешь.

Молчание. Адвокат Салливана, даже если таковой у него имелся, наверняка проводил сорок недель в году, занимаясь земельными спорами и контрактами на поставку скота. Данная ситуация несколько выходила за рамки его привычного поля деятельности. Не говоря уж о почасовой

оплате его труда. Салливан, похоже, пришел к тому же заключению.

— Так я не арестован?

— Нет.

— Ладно, — сказал Салливан. — Тогда, черт, спрашивайте уже. Мне домой надо.

— Хорошо. Два дня назад мы к тебе заходили, Джейми, — начал Рако. — Поговорить о том дне, когда погибли Люк, Карен и Билли Хэдлеры.

— Да. — На верхней губе Салливана поблескивал пот.

— И во время этого визита ты сказал нам, что, когда Люк Хэдлер уехал с твоей фермы около 4:30 вечера, ты остался дома. Ты сказал... — тут он сверился со своими записями. — «Я остался на ферме. Работал. Поужинал с Ба».

Салливан ничего не сказал.

— Ты ничего не хочешь нам больше сообщить?

Взгляд Салливана метнулся между Фальком и Рако. Он потряс головой.

— Ладно, — сказал Рако. — Ты знаешь, что это такое?

Салливан облизнул пересохшие губы. Дважды.

— Это отчет пожарной службы, — сказал он.

— Да. Посмотри, дата на печати — день смерти Хэдлеров. Каждый раз, как пожарные принимают звонок, они заносят его сюда. В этом случае это был экстренный вызов. Вот запись об этом. — Рако указал на строки, напечатанные на листке. — А ниже — адрес, по которому они приехали. Тебе знаком этот адрес?

— Конечно. — Долгая пауза. — Это моя ферма.

— В соответствии с отчетом, — Рако поднял бумагу, — пожарная команда приняла вызов с фермы в 5:45 вечера. Вызов был отправлен автоматически, когда твоя бабушка активировала тревожную кнопку. Прибыв на место, они обнаружили твою бабушку одну дома и пылающую плиту. Здесь говорится, что они погасили огонь и успокоили ее. Попытались позвонить тебе, не дозвонились, потом ты вернулся домой. Это было в 6:05, судя, опять же, по отчету.

— Я в поле был.

— Это не так. Я позвонил парню, который составил отчет. Он помнит, что ты появился со стороны главной дороги.

Все уставились друг на друга. Салливан первым опустил глаза, упершись взглядом в стол, будто надеясь найти там какие-то ответы. Одинокая муха с нудным жужжанием наматывала круги над их головами.

— Сначала, когда Люк уехал, я был в поле, потом поехал немного

прокатиться, — сказал Салливан.

— Куда?

— Да, в общем, никуда. Просто поездил по округе.

— Поконкретнее, — сказал Фальк.

— На обзорную площадку. Но рядом с фермой Хэдлеров я не побывал.

Мне просто хотелось подумать на просторе.

Фальк посмотрел на него. Салливан сделал попытку не отводить глаза.

— Эта твоя ферма, — сказал Фальк. — Она какого размера?

— Какого размера ферма? — повторил Салливан, чуя ловушку. — Пара сотен акров.

— Значит, довольно большая.

— Да, достаточно.

— Так скажи мне, пожалуйста, почему человеку, который проводит по двенадцать часов в день, один, на двух сотнях акров, не хватает простора для размышлений?

Салливан отвел взгляд.

— Значит, ты говоришь, что проехал прокатиться. Один. И почему же раньше ты решил об этом умолчать? — сказал Рако.

Салливан глянул в потолок, прикидывая ответ, а потом явно передумал.

Потом, в первый раз поглядев им как следует в глаза, он развел руками и сказал:

— Я знал, как это будет звучать, а суматохи мне не хотелось. Если честно, я думал, что это не выплывет.

У Фалька в первый раз появилось ощущение, что он слышит правду. Из рапорта Рако ему было известно, что Салливану было двадцать пять, и что переехал он в Кайверру десять лет назад с бабушкой и дедушкой, который недавно умер. Больше чем через десять лет после того дня, когда утонула Элли. И все же.

— Имя Элли Дикон чего-нибудь тебе говорит? — спросил он. Салливан поднял на него глаза, но сразу же опустил их вновь, так что Фальк не успел разобрать мелькнувшее на его лице выражение.

— Знаю, что она умерла. Много лет назад. А еще знаю, что Люк и... и ты, — он кивнул в сторону Фалька, — были с ней друзьями. Вот, пожалуй, и все.

— Люк когда-нибудь о ней говорил?

Салливан потряс головой.

— Не со мной, нет. Он упомянул ее пару раз, что, дескать, у него была подруга, и она утонула. Но он вообще о прошлом мало разговаривал.

Фальк быстро пролистнул страницы отчета, и, наконец, нашел то, что

искал. Протянул фотографию через стол. Это было увеличенное изображение, деталь кузова того самого пикапа. Четыре горизонтальные полосы рядом с телом Люка.

— Не знаешь, что это может быть? — спросил Фальк, и Салливан взгляделся в изображение. Две пары полосок на внутренней стороне кузова. На расстоянии примерно метра друг от друга. Салливан не прикоснулся к снимку, но очень пристально его разглядывал, будто пытаясь что-то понять.

— Ржавчина? — предположил он.

— Ладно, — сказал Фальк, забирая фотографию.

— Слушайте, не убивал я их, — Салливан почти кричал. — Люк был моим другом. Хорошим другом.

— Так помоги нам, — сказал Рако. — Помоги Люку. Не заставляй нас тратить на тебя время, когда мы могли бы искать где-то еще.

Под мышками у Салливана расплылись круги пота, темно-синие на голубом фоне рубашки. Молчание затягивалось.

Фальк решил сделать ход наудачу.

— Джейми. Ее мужу знать необязательно.

Салливан поднял взгляд, и на секунду на его лице мелькнул призрак ухмылки.

— Ты думаешь, я сплю с чьей-то женой?

— Я думаю, если кто-то может подтвердить, где ты был, нам надо знать это прямо сейчас.

Салливан застыл. Они ждали. Потом фермер чуть качнул головой:

— Нет никого.

Значит, не попал, подумал Фальк. Но все же было ощущение, что он не совсем ошибся.

* * *

— Что может быть хуже, чем обвинение в тройном убийстве? — спросил Фальк полчаса спустя, пока они наблюдали, как Салливан садится в свой внедорожник и уезжает прочь. Беседа ходила кругами, пока Салливан, сложив руки на груди, не заявил, что не скажет больше ни единого слова, пока не проведает бабушку или не устроит так, что бы ее проведаль кто-то еще.

— Да, он чего-то боится, — сказал Рако. — Вопрос в том, чего именно?

— Мы за ним понаблюдаем, — сказал Фальк. — Я пока поеду обратно в паб, закончу с бумагами Хэдлеров.

«Если сомневаешься, погляди, что там с деньгами» — так когда-то учил

Фалька его инструктор. И это был хороший совет. Рако, зажав в зубах сигарету, проводил его до машины, припаркованной на клочке земли позади полицейского участка. Они завернули за угол, и Фальк резко остановился. Он стоял, смотрел и ждал, когда мозг переработает то, что видели глаза.

По дверям, по капоту раз за разом повторялась выцарапанная в краске надпись. На солнце серебром отсвечивали буквы:

МЫ ТЕБЯ УРОЕМ СУКА УБИЙЦА

Глава двадцать первая

Гретчен замерла на полуслове. Забыв закрыть рот, она смотрела, как Фальк въезжает на своей исцарапанной машине на стоянку у паба. Она разговаривала со Скоттом Уитлэмом, стоя на тротуаре, а Лэчи играл у ее ног. Паркуясь, Фальк видел в зеркало, как они смотрят на машину, не в силах отвести глаз.

— Хрена лысого, — выругался он себе под нос. От участка до паба было всего пара сотен метров, но поездка через центр города показалась ему очень долгой. Он вышел из машины и захлопнул дверцу. Буквы подмигнули ему серебром.

— Господи, боже мой! Когда это случилось? — Гретчен подбежала к нему вместе с Лэчи. Мальчонка помахал Фальку, а потом переключил внимание на машину. Любопытным пальчиком провел по выцарапанным в металле буквам и даже, к ужасу Фалька, начал зачитывать вслух первое слово, но тут Гретчен поспешно оттащила его прочь. Она отослала его поиграть на другую сторону стоянки, и он неохотно поплелся туда, тыкая по пути в мусор, собравшийся в водостоке.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Представления не имею, — ответил Фальк.

Уитлэм, медленно обойдя вокруг машины, сочувственно присвистнул.

— Кто-то явно слетел с катушек. Чем это они? Нож, отвертка или что?

— Я правда не знаю.

— Ублюдки чертовы, — сказал учитель. — Что за место! Да здесь иногда хуже, чем в Мельбурне.

— Ты в порядке? — Гретчен притронулась к его локтю.

— Да, — ответил Фальк. — В любом случае, машине хуже пришлось.

Он почувствовал укол гнева. Эта машина была у него вот уже больше шести лет. Ничего особенного, но с ней никогда не было никаких проблем. Бедняга просто не заслуживала, чтобы с ней вот так обошелся какой-то деревенский идиот.

МЫ ТЕБЯ УРОЕМ

Фальк обернулся к Уитлэму:

— Это связано с прошлым. Одна девушка, с которой мы дружили...

— Не нужно объяснять. — Уитлэм кивнул. — Историю я слышал.

Гретчен провела пальцем по царапинам.

— Слушай, Аарон, тебе надо быть поосторожнее.

— Да все со мной будет в порядке. Такое бесит, конечно, но...

— Нет. Все может быть гораздо хуже.

— Да уж, конечно. И что они могут мне сделать? Урыть?

Он помолчала.

— Не знаю. Посмотри, что случилось с Хэдлерами.

— Ну, это немного другое.

— Ты уверен? То есть наверняка-то это неизвестно?

Фальк повернулся к Уитлэму в поисках поддержки, но тот только пожал плечами.

— Мы все тут как угри на сковородке, дружище. Оглянуться не успеешь, а какую-то мелочь успели уже раздуть до невообразимых масштабов. Немного осторожности не помешает. В особенности учитывая, что эти две вещи случились одновременно.

Фальк уставился на него.

— Две вещи?

Уитлэм быстро взглянул на Гретчен, которой явно было неуютно.

— Прости, — сказал он. — Я думал, ты их уже видел.

— Что видел?

Уитлэм выудил из заднего кармана небольшой листочек бумаги и дал Фальку. Фальк его развернул. Пышущий жаром ветер пошевелил опавшие листья у его ног.

— Кто это видел?

Оба молчали.

— Ну? — спросил Фальк.

— Все видели. Бумажки — по всему городу.

Во «Флисе» было полно народу, но на фоне общего гама был отчетливо слышен кельтский говорок Макмердо. Фальк остановился в дверях за спиной Уитлэма.

— Я с тобой в дебаты вступать не собираюсь, мой друг, — говорил Макмердо кому-то из-за стойки. — Погляди вокруг. Это паб. Это не демократия.

В своей огромной лапше он сжимал несколько смятых листовок. Это были те же самые бумажки, как и та, что прожигала сейчас дыру в кармане у Фалька. Он с трудом подавил импульс вытащить ее и взглянуть еще раз. Это была плохая копия, переснятая, должно быть, раз пятьсот на занюханном ксероксе в городской библиотеке.

Заголовок, набранный крупными буквами, гласил: «Светлой памяти

Элли Дикон, погибшей в 16 лет». Под заголовком была фотография отца Фалька, немного за тридцать. Рядом был портрет Фалька, явно снятый на скорую руку, когда он выходил из паба. Взгляд искоса, лицо искажено случайной гримасой. Под фотографиями, шрифтом помельче, было написано: «Этих людей допрашивала полиция в связи с гибелью Элли Дикон. Необходимо дальнейшее расследование. Защитите наш город! Безопасность Кайверры под угрозой!»

Еще когда они были на стоянке, Гретчен обняла Фалька.

— Что за репоголовые придурки, — шепнула она ему на ухо. — Но ты уж поосторожнее, ладно?

Она подхватила на руки протестующего Лэчи и уехала. Уитлэм потащил Фалька в паб, невзирая на протесты.

— Они тут как акулы, дружище, — сказал Уитлэм. — Бросаются сразу, стоит им только кровь почуять. Лучшее, что ты можешь сделать, — посидеть здесь со мной за кружечкой пива. На что мы с тобой имеем священное право рожденных под Южным Крестом.

Теперь оба застыли в дверях. Здоровый мужик с багрово-красной физиономией — Фальк припомнил, как тот когда-то показал спину шедшему мимо Эрику Фальку, — препирался с Макмердо поверх барной стойки. Мужик, тыкая пальцем в стопку листовок, втолковывал что-то бармену. Слов было не разобрать. Бармен потряс головой.

— Даже не знаю, что тебе посоветовать, мой друг, — сказал Макмердо. — Хочешь заявить протест — пиши своему представителю в парламенте. Но здесь для этого не место.

Он повернулся, чтобы бросить листовки в корзину, и поймал взгляд Фалька с другой стороны комнаты. Чуть качнул головой.

— Уйдем, — сказал Фальк Уитлэму, отступая от входной двери. — Спасибо тебе, но сейчас это не слишком хорошая идея.

— Да, может, ты и прав. К сожалению. У нас тут иногда прямо как в «Избавлении»⁶¹, — сказал Уитлэм. — Что ты собираешься делать?

— Окопаюсь у себя в номере, наверное. Прогляжу пару бумаг. Будем надеяться, оно само рассосется.

— Да плюнь на это. Поехали ко мне, выпьем по маленькой.

— Не могу. Но спасибо тебе. Мне лучше пока не высовываться.

— Не, звучит ни разу не лучше. Ладно тебе, поехали. Но только на моей машине, хорошо? — Уитлэм, смеясь, выудил из кармана ключи от машины. — Жене это будет на пользу, с тобой познакомиться. Может, это ее немного успокоит.

Его улыбка слегка потускнела, но не надолго.

— В любом случае, мне нужно кое-что тебе показать.

Уже на ходу Уитлэм послал жене смс, и они в молчании поехали через город.

— Ты не беспокоишься, что меня увидят у тебя дома? — спросил, наконец, Фальк. Ему припомнилась сцена в парке. — Мамы твоих учеников будут не слишком довольны.

— Да пошли они, — отвечал Уитлэм. — Может, это их чему-нибудь научит. «Не судите, и не судимы будете кучкой безголовых идиотов», или как там. Ладно. Как ты думаешь, кто тут занимается распространением рекламных материалов в твою честь?

— Мэл Дикон, наверное. Или его племянник Грант.

Уитлэм нахмурился.

— Думаю, скорее Грант. У Дикона явно не все в порядке в последнее время. Я имею в виду с головой. Трудно, конечно, сказать наверняка. Я с этими двумя стараюсь особо не связываться. Себе дороже.

— В этом, может, ты и прав. — Фальк мрачно глядел в окно.

Он подумал о своей машине, о серебряных буквах, уродующих борта и капот.

— Но ни тот, ни другой сами пачкать руки не будут. — Уитлэм взглянул на Фалька, изучая его реакцию. Потом пожал плечами. Они свернули с главной улицы и теперь петляли по местам, которые в Кайверре сходили за пригород. Дома казались чересчур компактными и ухоженными после просторных ферм; кое-где даже зеленели лужайки. Лучший способ прорекламировать свой пластиковый газон, подумал Фальк. Уитлэм припарковался у аккуратного домика, на выложенной плиткой площадке.

— Славный дом, — сказал Фальк.

Уитлэм поморщился:

— Сельский пригород. Ни рыба ни мясо. Половина домов в округе пустует, что не слишком-то приятно. Небезопасно, понимаешь? Тут ребятам, бывает, делать нечего, и они пускаются во все тяжкие. Но все, кто занят в полях, живут у себя на фермах, а больше никого особо в городе нет. Незачем сюда ехать. — Он пожал плечами. — Но это место мы только снимаем. Так что еще поглядим.

Он провел Фалька на сияющую навороченную кухню, где его жена как раз делала кофе с помощью какого-то невероятно сложного агрегата. Кофе пах потрясающе. Сандра Уитлэм была хрупкой, бледненькой женщиной с большими зелеными глазами, которые придавали ей чуть испуганный вид. Уитлэм представил их, и она пожала Фальку руку с несколько подозрительным видом, но любезно предложила сесть на удобный

кухонный стул.

— Пива, дружище? — крикнул ему Уитлэм, открывая холодильник.

Сандра, которая как раз ставила на стол три чашки, замерла.

— Вы же вроде только что из паба? — Тон у нее был непринужденный, но оглядываться на мужа она не стала.

— Ну, понимаешь, мы внутрь, типа, так и не попали, — сказал Уитлэм и подмигнул Фальку. Сара плотно сжала губы.

— Мне, пожалуйста, кофе, Сандра, — сказал Фальк. — Чудесно пахнет.

Сандра выдала натянутую улыбку, а Уитлэм, пожав плечами, захлопнул холодильник. Она налила каждому по чашке, а потом молча засновала по кухне, собирая тарелку разнообразных сыров и крекеров. Фальк, попивая кофе, разглядывал семейную фотографию в рамке, которая стояла рядом с его локтем. На снимке четы Уитлэмов была еще маленькая светловолосая девочка.

— Ваша дочь? — Фальк сделал попытку заполнить тишину.

— Даниэль. — Уитлэм взял фотографию в руки. — Она должна быть где-то здесь.

Он глянул на жену, которая, услышав имя дочери, замерла у раковины на середине действия.

— Она телевизор смотрит в задней комнате, — сказала Сандра.

— У нее все в порядке?

Сандра только пожала плечами, а Уитлэм повернулся обратно к Фальку.

— Она, честно говоря, немного не в себе, — сказал он. — Я рассказывал тебе, они дружили с Билли Хэдлером. Но она не очень понимает, что произошло.

— И слава богу, — сказала Сандра, сворачивая кухонное полотенце еще и еще, пока оно не превратилось в маленький тугий квадратик. — Надеюсь, ей никогда не придется понять что-либо настолько ужасное. Что этот ублюдок сделал с собственной женой и ребенком. Надеюсь, он горит в аду.

Она повернулась к кухонной стойке и отрезала тоненький ломтик сыра, так, что нож с силой стукнул по разделочной доске.

Уитлэм деликатно кашлянул.

— Аарон раньше жил здесь, в городе. Он дружил с Люком Хэдлером, когда они были еще ребятами.

— Что ж. Может, тогда он был другим, — не смутилась Сандра. Она подняла брови в сторону Фалька: — Так вы выросли тут, в Кайверре? Непростое, наверное, было детство.

— Была пара моментов. Вам, значит, здесь не нравится?

Сандра издала натянутый смешок.

— Немного не то, что мы ожидали, когда ехали сюда, чтобы начать все сначала, — сказала она резко. — Ни Даниэль. Ни мы оба.

— Нет, конечно. Ну, не мне, конечно, защищать этот город, — сказал Фальк. — Но вы же и сами знаете, что такое случается, дай бог, раз в жизни.

— Может, это и так, — сказала Сандра. — Но вот чего я не понимаю, так это здешних настроений. Я слышала, как некоторые тут чуть ли не *сочувствуют* Люку. Говорят, вот, мол, как ему нелегко приходилось, и мне просто хочется взять и встряхнуть их как следует. Да какая разница, как там ему приходилось. Плевать! Вы хоть пробовали себе представить, какими были последние моменты Карен и Билли? Но почему-то тут возникает эта — я даже не знаю — *местечковая* жалость к нему. И... — Тут она ткнула наманикюренным пальцем в сторону Фалька. — Мне плевать, что он и себя тоже жизни лишил. Убить собственную жену и ребенка — нет преступления хуже. И точка.

Долгое время на кухне не было слышно ничего, кроме шипения кофеварки, исходившей паром на стерильно чистой кухонной стойке.

— Все в порядке, милая. Не ты одна так думаешь, — сказал Уитлэм. Потянувшись через стойку, он накрыл женину руку своей. Сандра быстро моргала; тушь слегка размазалась у нее в уголках глаз. На секунду задержав руку в руке мужа, она потянулась за салфеткой.

Уитлэм повернулся к Фальку.

— Это совершенно ужасно для всей нашей семьи. Я потерял ученика. Даниэль — своего маленького друга. Сандра, как видишь, переживает из-за Карен.

Сандра издала неопределенный горловой звук.

— Ты говорил, Билли должен был прийти к вам в гости в тот день, — сказал Фальк, припомнив разговор в школе.

— Да, — сказала Сандра. Она высморкалась и разлила всем еще по чашке. Она явно старалась взять себя в руки. — Он частенько у нас бывал. И наоборот, Даниэль часто ходила в гости к ним. Они были не разлей вода, прямо удивительно. Она очень по нему скучает. Просто не может понять, что он больше никогда не вернется.

— Так, значит, он бывал у вас регулярно?

— Не то чтобы регулярно, но ничего необычного в этом не было, — сказала Сандра. — На той неделе мы с Карен еще ни о чем не договаривались, но тут Даниэль откопала детский набор для бадминтона,

который мы подарили ей на прошлый день рождения. У них с Билли не особенно получалось, но им нравилось дурачиться с ракетками и воланчиком. Потом она это дело забросила, но тут вдруг вспомнила и прямо ни о чем другом и думать не может — ну, знаете, как это у детей бывает, — и ей тут же захотелось, чтобы Билли пришел в гости как можно скорее.

— А когда вы говорили с Карен насчет того, чтобы Билли пришел к вам? — спросил Фальк.

— Думаю, это накануне было, да? — Sandra бросила взгляд на мужа, но тот только пожал плечами. — Я думаю, что да. Потому что, помнишь, Даниэль все приставала к тебе, чтобы ты сетку в саду натянул? В общем, тем вечером я позвонила Карен и спросила, не хочет ли Билли после школы пойти прямо к нам. Она сказала: «Да, ОК»; вот, в общем-то, и все.

— Как она вам показалась по телефону?

Sandra нахмурилась, будто решая сложную задачу.

— Нормально, я думаю, — сказала она. — Вспоминается с трудом. Может, немного... рассеянной? Но, вообще-то, это был очень короткий разговор. И было уже поздно, так что особо болтать мы не стали. Я предложила, она согласилась, и на этом все.

— Но потом?...

— Но потом, на следующий день, она мне перезвонила. Сразу после обеда.

— *Говорит Sandra Уитлэм.*

— *Sandra, привет, это Карен.*

— *О, привет! Как ты там?*

Короткая пауза, а потом в трубке раздался тихий звук, вроде смешка.

— *Да, хороший вопрос. Слушай, Sandra, прости, пожалуйста, мне очень неловко, но Билли к вам сегодня не придет.*

— *Ой, жалость какая!* — сказала Sandra, еле сдержав стон. *Теперь ей или Скотту, а может, и обоим, придется провести по паре раундов в детский бадминтон. Она принялась лихорадочно соображать, кого можно позвать вместо Билли — да еще в последнюю минуту.*

— *У вас все в порядке?* — спросила она, на долю секунды позже, чем нужно.

— *Да. Просто...* — Трубка на секунду замолчала, и Sandra показалось даже, что их разъединили. — *Он последнее время какой-то кислый. Мне кажется, лучше будет, если сегодня он пойдет после школы прямо домой. Прости. Надеюсь, Даниэль не очень огорчится.*

Сандра почувствовала себя виноватой.

— Ой, ну что ты, глупости какие. Что ж поделаешь, если он немного не в форме. Наоборот, очень разумно, а вдруг Даниэль тоже заразится. Можно на другой день договориться.

Еще одно долгое молчание. Сандра покосилась на часы. Под ними на пробковой доске был приколот листок со списком сегодняшних дел.

— Да, — сказала, наконец, Карен. — Да, может быть.

У Сандры на кончике языка уже вертелись прощальные слова, когда она услышала вздох. Она заколебалась. Покажите ей мать школьника, которая обходится без регулярных вздохов, — и окажется, что в семье имеется няня. И все же любопытство взяло верх.

— Карен, у тебя точно все в порядке?

Молчание.

— Да, — долгая пауза. — А у тебя — все в порядке?

Сандра Уитлэм завела глаза к потолку, потом опять глянула на часы. Если отправиться в город прямо сейчас, она только-только успеет развесить белье и обзвонить всех, кого можно, в поисках замены Билли, прежде чем бежать в школу.

— Все хорошо, Карен. Спасибо, что дала знать насчет Билли. Надеюсь, ему скоро станет лучше. Потом еще поговорим, хорошо?

— ...Каждый божий день я ругаю себя из-за этого звонка, — сказала Сандра, нервной рукой — уже в который раз — наполняя им чашки. — Как я оборвала наш с ней разговор. Может, ей нужно было с кем-то поговорить, а я...

Тут у нее на глаза опять навернулись слезы, и фраза осталась неоконченной.

— Ты ни в чем не виновата, милая. Как ты могла знать, что такое случится? — Уитлэм встал и обнял жену. Сандра выпрямилась и, вытирая глаза очередной салфеткой, бросила на Фалька смущенный взгляд.

— Простите, — сказала она. — Просто она была такой милой. Из тех людей, знаете, которые делали сносною здешнюю жизнь. Все ее любили. Все школьные мамы. И некоторые папы, наверное, тоже.

Она было засмеялась, но тут же осеклась.

— О, Господи, нет, я не имела в виду... Карен никогда бы... Я просто имела в виду, что все к ней хорошо относились.

Фальк кивнул.

— Все в порядке. Я понимаю. Она была популярной личностью.

— Да. Именно!

Наступила тишина. Фальк допил свой кофе и встал.

— Пора мне идти, наверное. Вам тоже нужно отдохнуть.

Уитлэм проглотил остатки кофе из своей чашки.

— погоди, дружище, я отвезу тебя обратно через минутку, но сначала хочу кое-что тебе показать. Тебе понравится, пойдем.

Фальк попрощался с Сандрой, которая все еще всхлипывала, и последовал за Уитлэмом в уютный домашний офис. С другого конца коридора доносились звуки телевизора: там явно смотрели мультики. Обстановка в офисе была гораздо более мужской, чем в той части дома, которую он уже видел. Мебель тут стояла выдавая виды, но явно любимая хозяевами. От пола до потолка тянулись полки, на которых теснились книги — в основном посвященные спорту.

— Да у вас тут целая библиотека, — сказал Фальк, изучая содержимое полок. Все виды спорта, от крикета до рысистых бегов, все типы изданий от биографий до альманахов. — Вы явно большой любитель.

Уитлэм склонил голову в шутовском поклоне.

— Диссертация у меня была на тему современной истории, но, честно говоря, все мои исследования сосредоточились на истории спорта. Скачки, бокс, истоки договорных матчей и так далее. Все самое интересное. Но мне нравится думать, что я все еще знаю, как работать со старыми, пыльными рукописями.

Фальк улыбнулся.

— Должен признать, ваш образ плохо вяжется с пыльными старыми рукописями, — сказал он.

— Внешность обманчива! Я роюсь в архивах, что твой крот. Кстати говоря, — тут он вытащил из ящика письменного стола большой конверт и протянул Фальку. — Я подумал, тебе это может быть интересно.

Фальк открыл конверт и вынул оттуда ксерокопию группового снимка. Это была черно-белая фотография: юноши из крикетной сборной Кайверры 1948 года, облачившись в свою лучшую форму, выстроились перед камерой. Лица были чересчур мелкие, расплывчатые, выцветшие, и все же он сразу узнал знакомые черты — вот он, сидит в середине первого ряда. Его дед. Фальк почувствовал, как у него теплеет в груди, когда увидел в командном списке внизу, мелким шрифтом: *капитан: Фальк, Дж.*

— Это просто фантастика! Где ты это нашел?

— В библиотеке. Благодаря своим навыкам матерого архивариуса, — Уитлэм ухмыльнулся. — Я тут занимался понемногу расследованиями спортивной истории Кайверры. Чисто из личного интереса. И наткнулся на это. Подумал, тебе должно понравиться.

— Просто фантастика! Спасибо.

— Забирай. Это просто копия. Если хочешь, я как-нибудь покажу тебе, где можно найти оригинал. Там, наверное, должны быть еще фотографии примерно того же времени. Может, он где еще есть.

— Спасибо! Скотт, правда. Это просто потрясающая находка.

Уитлэм облокотился о стол. Достал из заднего кармана антифальковский флайер и смял его в комок. Бросил в корзину для бумаг. С легкостью попал.

— Ты уж прости насчет Сандры, — сказал он. — Ей и так приходилось тут нелегко. Идея сбежать из города к расслабленной деревенской жизни не сработала для нас обоих. А уж после этого кошмарного дела с Хэдлерами все стало только хуже. Мы-то думали, что уезжаем сюда от таких вот вещей. А такое ощущение, что попали из огня да в полымя.

— Но то, что случилось с Хэдлерами, — такая редкость, — сказал Фальк.

— Знаю, но... — Уитлэм бросил взгляд в сторону двери. Коридор был пуст. Он понизил голос.

— Она очень чувствительна к любого рода насилию. Между нами, на меня в Мельбурне как-то напали грабители, и кончилось это — ну, так себе.

Он опять глянул на дверь, но раз начав, явно почувствовал необходимость выговориться.

— Отмечали в пабе на Футскрее²⁷ день рождения другана, ему сорок стукнуло, и вот я решил срезать по переулкам до станции — ну, как все делают. Но в этот раз там были эти четверо парней. Совсем еще дети, правда, но у них были ножи. Они перегородили дорогу мне и еще одному человеку — я его не знал, просто еще один доходяга, который решил срезать путь, — и вот мы влипли. Все как по учебнику — деньги, телефоны гоните, — но в какой-то момент все пошло не так.

— Они перепугались, сорвались. Меня избили, пинали ногами, трещины в ребрах, все дела. Но другой парень получил нож в живот, истек кровью прямо на асфальте. — Уитлэм сглотнул. — Мне пришлось оставить его там, чтобы позвать на помощь, потому что те уроды забрали мой телефон. К тому времени, как я вернулся, скорая уже приехала, но было уже слишком поздно. Врачи сказали, что он уже умер.

Уитлэм опустил глаза. В пальцах он крутил скрепку для бумаг. Потом потряс головой, будто стараясь прочистить мозги.

— В общем, сначала то, а потом еще и это. Так что можно понять, почему Сандра не особо счастлива. — Он слабо улыбнулся. — Но,

наверное, такое сейчас можно сказать про любого в этом городе.

Фальк порылся в голове, пытаясь найти хоть одно исключение. У него не получилось.

Глава двадцать вторая

Вернувшись в номер, Фальк встал у окна, глядя вниз, на главную городскую улицу, которая была абсолютно пуста. Уитлэм подбросил его до самого паба и дружески помахал на прощанье, на глазах у всех. Фальк посмотрел ему вслед, потом двинулся на другую сторону стоянки, взглянуть, так ли плохо обстояли дела с его машиной, как ему помнилось. Дела обстояли гораздо хуже. Выцарапанные в краске слова ярко отсвечивали в угасающем свете дня. Вдобавок кто-то сунул пачку все тех же флайеров под дворник на лобовое стекло.

Он незамеченным проскользнул вверх по лестнице и остаток вечера провел, лежа в постели и проглядывая остатки бумаг с фермы Хэдлеров. Глаза у него слезились. Было уже поздно, но нервы у него все еще были, как натянутые канаты бесконечного кофепития у Сандры Уитлэм. Снаружи, светя фарами, проехала машина. Самка опоссума размером с небольшую кошку пробежала по проводам; на спине у нее висел детеныш. Потом все опять замерло. Сельская тишь.

Вот к чему никак не могли привыкнуть выходцы из больших городов, вроде Уитлэмов, подумал Фальк. Тишина. Ему понятно было их стремление к идиллической сельской жизни. Эта идея владела многими умами. В середине многочасовой пробки, в лишенной собственного сада квартире она могла показаться исключительно привлекательной. У всех у них в голове возникали одни и те же образы — вот они дышат свежим чистым воздухом, вот здороваются с соседями. Вот дети питаются овощами со своего огорода и начинают ценить простой сельский труд. Но вот они переехали, и грузовая фура скрылась за горизонтом. Они оглядываются и видят кругом только оглушающий простор чистого поля. Пространство — вот что доставало их в первую очередь. Его было слишком много. Его было столько, что в нем можно было утонуть. Когда ты глядишь в окно и вдруг понимаешь, что между тобой и горизонтом нет ни единой живой души, это может быть странным и пугающим переживанием.

А вскоре до них доходит, что овощи здесь растут совсем не так охотно, как укроп на подоконнике в их городской квартире. Что каждый зеленый росток приходится чуть не силой вытягивать из нещедрой земли, а соседи чересчур заняты, прodelывая то же самое в промышленных масштабах, и

им не до радостных приветствий. Нет никаких ежедневных поездок по пробкам на работу, но ездить вообще особо и некуда.

Фальк не винил Уитлэмов. Всегда одно и то же. Он такого навидался, еще когда был ребенком. Вновь прибывшие глядели кругом себя, видели всю эту пустоту, все эти чертовы просторы, эту неприветливую землю, и на их лицах всегда было написано одно и то же: *Мы и не думали, что оно будет так.*

Он отвернулся от окна, вспомнив детские рисунки в школе, — суровость здешней жизни проникла даже в них. Грустные рожицы и бурые пейзажи. Рисунки Билли Хэдлера были не такими печальными, подумал Фальк. Они несколько раз попадались ему на глаза, когда он был в доме Хэдлеров, — яркие цвета, жесткая от краски бумага. Самолетики, из которых выглядывают улыбающиеся люди. Множество вариаций на тему машинок. По крайней мере Билли не грустил, как многие другие ребята, подумал Фальк. И чуть не рассмеялся от абсурдности этой мысли. Билли был мертв, но, по крайней мере, ему не было грустно. Почти до самого конца. В конце, наверное, ему было очень, очень страшно.

Который раз Фальк попытался представить, как Люк нападает на собственного сына. Напрягая воображение, он мог примерно нарисовать себе эту сцену, но очень невнятно и как-то неубедительно. Фальк припомнил последнюю свою встречу с Люком. Это было пять лет назад, в ничем не приметный серенький мельбурнский день. Дождь тогда еще считался плохой погодой, а не благословением. К тому времени, если глядеть правде в глаза, Фальк едва знал человека, которым стал Люк.

Фальк сразу заметил Люка на другом конце бара на Федерейшн-сквер. Запыхавшийся, мокрый, сразу после работы — сам он ничем не выделялся в толпе. Просто еще один человек в костюме. Но Люк — несмотря на то, что он только что вышел с долгой и нудной конференции поставщиков — так и кипел энергией, которая притягивала к нему внимание. Он стоял, опершись спиной о колонну, с пивом в руке и, явно забавляясь, наблюдал за разномастной толпой на площади, состоявшей из британских бэкпекеров и томных юнцов, одетых в черное с ног до головы.

Люк приветствовал его хлопком по плечу и тут же вручил кружечку пива.

— Я бы ему с таким хайром овцу стричь не доверил, — сказал Люк, не понижая голоса. При этом он сделал жест кружкой в сторону костлявого парня с прихотливой формы ирокезом, явно недешево обошедшимся своему обладателю. Фальк улыбнулся в ответ, но про себя недоумевал, зачем

Люку нужно строить из себя деревенщину всякий раз, как они встречались. У него был собственный агробизнес с шестизначным капиталом в Кайверре, но всякий раз в Мельбурне он виртуозно валял дурака на тему «сами мы тут не местные».

И все же это был простой, непринужденный способ преодолеть разделяющий их разрыв. Который, казалось, становился глубже всякий раз, как они встречались. Фальк, в свою очередь, взял им по пиву и принялся расспрашивать, как там Барб, Джерри, Гретчен. У всех все явно было хорошо. Рассказывать не о чем.

Люк спросил, как там Фальк после смерти отца — тот ведь умер год назад? ОК, ответил Фальк, в равной степени испытывая удивление и благодарность, что Люк не забыл. И как там та девушка, с которой встречался Фальк? И снова сюрприз. Хорошо, спасибо. Она ко мне переезжает. Люк ухмыльнулся:

— О-о, до чего дело дошло! Смотри, поосторожнее — как положит свои подушки на твой диван, потом уже не выкуришь!

Оба рассмеялись, и лед был сломан.

Билли, сыну Люка, был теперь годик, и он быстро рос. Люк открыл фотоальбом на своем телефоне. С огромным количеством снимков. Фальк пролистал их с вежливым терпением бездетного мужчины. Послушал, как Люк живописует выходки коллег-поставщиков, людей, которых Фальк не встречал ни разу в жизни. Люк в ответ изображал интерес, слушая рассказы Фалька о работе — тот старался заострять внимание на интересных моментах, а не на бумажной волоките.

— Ну, ты молодец, — говорил всегда Люк. — Давай, прищучь уже этих доходяг.

Но в его словах всегда звучал деликатный намек, что, вообще-то, охота на людей в деловых костюмах — не дело для настоящего полицейского.

Но в этот раз Люку явно было интереснее его слушать. Это дело вышло за пределы офисных стен. Жена футболиста была найдена мертвой в квартире, а под кроватью в двух чемоданах лежало несколько десятков тысяч долларов наличными. Фалька попросили помочь расследованию — проследить происхождение банкнот. Странный был случай. Ее обнаружили в ванной. Она утонула.

Слово вылетело прежде, чем Фальк успел его поймать, и повисло в воздухе между ними. Фальк кашлянул.

— У тебя в последнее время в Кайверре не было никаких неприятностей? — Ему не нужно было уточнять, каких именно

неприятностей.

Люк решительно потряс головой.

— Нет, дружище. Уже много лет. Я же говорил тебе в прошлый раз.

Автоматическое «спасибо» уже было прыгнуло Фальку на язык. Но по какой-то причине выговорить это он так и не смог. Не в этот раз. Вместо этого он молча глядел на друга, который невидящими глазами смотрел куда-то мимо него.

Он и сам не знал, почему именно в этот раз ему захотелось добиться ответа, но вдруг он почувствовал вспышку раздражения. Может, просто неудачный день на работе. Он был голодным и уставшим. Хотел поскорее домой. Или, может, его просто задолбило быть вечно благодарным этому человеку. У Фалька было чувство, что при любом раскладе козыри, как обычно, все равно будут у Люка. И все же спросил:

— Ты когда-нибудь скажешь мне, где ты на самом деле был в тот день?

Люк медленно перевел на него отсутствующий взгляд.

— Дружище, я же тебе говорил, — ответил он. — Тысячу раз. Я кроликов стрелял.

— Ну да. Ладно, — ответил Фальк, едва удержавшись, чтобы не закатить глаза к потолку. Ответ всегда был один и тот же, с тех пор, как Фальк спросил в первый раз несколько лет назад. И правдивым он не казался никогда. Люк редко ходил на охоту один. И Фальк помнил, какое было у Люка лицо все эти годы назад, когда он заглянул той ночью к нему в окно. Его воспоминания были, конечно, окрашены страхом и облегчением, но даже тогда история Люка казалась ему взятой с потолка. Люк пристально за ним наблюдал.

— Может, мне тоже тебя спросить, где ты был? — сказал Люк нарочито непринужденным тоном. — Если уж мы опять решили к этому вернуться.

Фальк глядел на него во все глаза.

— Ты знаешь, где я был. Я рыбачил.

— На реке.

— Вверх по течению, спасибо.

— Но один.

Фальк не ответил.

— Так что, видишь ли, я должен верить тебе на слово, — сказал Люк и отпил глоток, не спуская с Фалька глаз. — К счастью, твое слово для меня — кремень, дружище. Но, куда ни кинь, лучше нам с тобой придерживаться официальной версии, как ты думаешь?

Двое мужчин глядели друг другу в глаза, а вокруг то тише, то громче шумел паб. Фальк поразмыслил над тем, какие у него есть варианты. Потом отпил пива и заткнулся.

В конце концов оба отыскивали предлоги, чтобы поскорее свалить — одному скоро на поезд, другому завтра рано вставать. Они пожали друг другу руки — как выяснилось впоследствии, в последний раз, — и Фальк поймал себя на том, что пытается вспомнить, в который уже раз, почему они до сих пор называются друзьями.

Фальк забрался в кровать и погасил свет. Долго лежал, не двигаясь. Тарантул появился опять; теперь он тенью примостился над дверью в ванную. С улицы не доносилось ни звука. Фальк знал, что ему надо бы хоть немного поспать, но обрывки разговоров, давних и недавних, непрестанно вертелись в мозгу. Плюс остатки кофеина, до сих пор бродившего по кровеносной системе, не давали закрыть глаза.

Он перекатился на бок и зажег лампу в изголовье кровати. Библиотечные книги, которые он забрал сегодня у Барб, лежали на кресле, под шляпой. Завтра он занесет их в библиотеку. Он взял в руки ту, что лежала сверху. Практическое руководство: экологичный сад из суккулентов. От одного только заголовка на него напала зевота. Такое точно должно было подействовать, но у него просто рука не поднималась. Следующая книга была детективом в потрепанной бумажной обложке. Женщина, таинственная фигура, рыщущая в тени, указано количество трупов. Все как полагается. Не совсем в его вкусе, но вряд ли он пошел бы на эту работу, если бы детективы были ему совсем уж противны. Он оперся спиной на подушку и принялся читать.

Начало было вполне стандартным, ничего выдающегося, и странице на тридцатой глаза у Фалька начали закрываться. Он решил добратся все же до конца главы, и, когда он перевернул очередную страницу, из книги выпала тонкая полоска бумаги и, покружившись, легла ему прямо на лицо.

Он подцепил бумажку пальцами и, сощурившись, взглянул. Это был отпечатанная на принтере библиотечная квитанция, согласно которой книга была выдана Карен Хэдлер в понедельник, 19 февраля. За четыре дня до ее смерти, подумал Фальк. Она использовала квитанцию в качестве закладки. Тут до него дошло, что этот посредственный триллер, должно быть, был последним, что она читала в жизни. Почему-то от этого ему сделалось ужасно грустно. Скомкав бумажку, Фальк собирался было уже ее выкинуть, и тут заметил, что на обороте что-то написано.

Из любопытства он расправил бумажку и взгляделся в написанное. Он

ожидал чего-то вроде списка покупок. Вместо этого сердце бухнуло у него в груди. Он тщательно разгладил складки и повернулся к лампе, чтобы получше рассмотреть буквы, выведенные беглым почерком Карен.

В какой-то момент между тем, как Карен взяла в библиотеке книгу, и тем, как ее застрелили на пороге собственного дома, она успела набросать две строчки на обороте библиотечной квитанции. Первая состояла из одного-единственного слова, явно написанного в спешке, неаккуратно. Слово было подчеркнуто три раза.

Грант??

Фальк попытался сосредоточиться, но тут его взгляд упал на десятизначный телефонный номер, написанный ниже. Он таращился на номер, пока у него не заслезились глаза, а цифры не начали дрожать и расплываться под его взглядом. Кровь с оглушительным ревом стучала висках. Он крепко зажмурился, потом вновь открыл глаза. Цифры упрямо оставались теми же самыми.

Фальк ни секунды не размышлял над тем, кому мог принадлежать этот номер. Зачем? Эти цифры он знал наизусть. Это был его собственный номер.

Глава двадцать третья

На следующее утро они обнаружили Гранта Доу под раковиной у какой-то дамы. В руке у него был гаечный ключ; «эффект водопроводчика» тоже был, что называется, налицо.

— Эй, а обратно-то он вернется? — спросила хозяйка, когда Доу вздернули на ноги.

— Я бы на это не рассчитывал, — отвечал Рако.

Хозяйские дети с удивлением и восторгом наблюдали, как Доу был препровожден и усажен в настоящую полицейскую машину. Примерно такое же выражение было у Рако, когда двумя часами раньше Фальк предъявил ему квитанцию. Рако расхаживал по участку, чуть не подпрыгивая на поворотах. Его распирали адреналин.

— *Твой номер?* — все повторял он. — С какой стати Карен Хэдлер хотела поговорить с тобой? О Гранте?

Фальк, который большую часть ночи задавал себе тот же самый вопрос, мог только покачать головой.

— Не знаю. Даже если она и звонила, сообщения точно не оставила. Я прошерстил весь журнал пропущенных вызовов. Ни одного совпадения с домашним, рабочим или мобильным номером Карен. И я знаю, что никогда с ней не разговаривал. Не просто за последнее время. Вообще никогда. Ни разу за всю ее жизнь.

— Но она все же знала, кто ты такой, верно? Люк наверняка о тебе говорил. Барб с Джерри видели тебя по телевизору с месяц назад. Но почему именно ты?

Рако снял трубку с городского телефона и набрал десять цифр с квитанции. Приложив трубку к уху, он смотрел на Фалька. Мобильник зазвонил у Фалька в руке. Сообщение, которое начал проигрывать автоответчик, он слышать не мог, но точно знал, что там говорится. Он имел достаточно возможностей наслушаться собственного голоса накануне ночью, когда, не в силах поверить, раз за разом набирал собственный номер.

«Вы позвонили федеральному агенту Аарону Фальку. Пожалуйста, оставьте сообщение».

Рако повесил трубку и уставился на Фалька.

— Думай.

— Думал уже.

— Думай еще. Грант Доу не слишком ладил с Люком, мы это уже знаем. Но если и у Карен были с ним проблемы, почему она не позвонила сюда, в участок?

— А ты уверен, что она даже не попыталась?

— Ни с одного из телефонов Хэдлеров не было сделано ни одного звонка ни в полицию, ни в одну из экстренных служб. В течение недели до их гибели, — как по бумажке ответил Рако. — Мы подняли записи в тот же день, как были найдены тела.

Он взял детектив и повертел в руках, разглядывая обложку. Еще раз пролистнул страницы. Больше никаких застрявших бумажек в книге не обнаружилось.

— О чем книга?

— Женщина-детектив расследует цепочку смертей среди учеников в американском колледже, — сказал Фальк, который большую часть ночи провел, заглатывая страницу за страницей в надежде поскорее добраться до конца. — Она думает, что это какой-то обнищавший тип из местных охотится за богатенькими студентами.

— Звучит погано. И что, это действительно был он?

— Э-э, нет. Все не так, как кажется. На самом деле это была мать одной из девушек из общаги сестричества ^[8].

— Мать одной из?... Господи, дай мне сил. — Рако потер переносицу. Решительно захлопнул книгу. — Так что мы думаем? Есть хоть какой-то смысл в этой чертовой книге или нет?

— Понятия не имею. Мне кажется, Карен добралась до конца, чего бы это ни значило. И я справился в библиотеке этим утром, как только они открылись. Сказали, что она довольно часто брала подобные вещи.

Рако сел, уставился в бумажку невидящими глазами, потом опять вскочил.

— Ты уверен, что она тебе не звонила?

— На сто процентов.

— Ладно. Тогда поехали. — Он подхватил с письменного стола ключи от машины. — Ты ничего нам сказать не можешь, Карен не может, Люк не может. Так давай обратимся к единственному человеку, который может объяснить, почему его гребаное имя стоит на бумаге, найденной в комнате убитой женщины.

Они на час оставили Доу помариноваться в комнате для собеседований.

— Позвонил в Клайд, — сказал Рако. Он успел немного успокоиться. — Сказал им, что какая-то задница из отдела финансовых расследований в Мельбурне заявила сюда, чтобы помочь разобраться в бумагах Хэдлеров. Сообщил, что у тебя есть пара вопросов насчет одного документа, найденного в доме, и не хотят ли они приехать приглядеть за тобой, раз уж ты спросил? Удивительно, но они отказались. Так что, считай, у нас зеленый свет.

— О. Классная работа, — сказал удивленный Фальк. Только сейчас до него дошло, что в этот раз он даже не подумал позвонить в Клайд. — Так что нам известно?

— На ферме не было найдено ни одного отпечатка Доу.

— Это еще ничего не значит. Для этого и существуют перчатки. А что у него насчет алиби в день убийств?

Рако помотал головой.

— Железное, но и подозрительное одновременно. Он копал канаву посреди поля с двумя своими приятелями. Мы, конечно, все проверим, но можешь быть уверен — они мамой поклянутся, что он там был.

— Ладно, давай посмотрим, что он нам скажет.

Доу сидел, откинувшись на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Ну наконец-то, — проговорил он. — Кое-кому из нас деньги зарабатывать надо.

— Хочешь вызвать своего адвоката? — спросил Рако, придвигая стул. — Такая возможность у тебя есть.

Доу нахмурился. Его адвокат, понятное дело, был из той же гипотетической конторы, что и у Салливана. Земельные споры и контракты на поставку скота. Пятьдесят недель в году. Доу помотал головой.

— Мне скрывать нечего. Так что давайте, валяйте уже. Вперед.

Фальк с интересом подметил, что вид у Доу был скорее злобный, чем нервный.

Фальк положил на стол свою папку. Помолчал. Потом сказал:

— Опиши свои отношения с Карен Хэдлер.

— Мастурбация.

— Что-то еще? Учитывая, что ее застрелили?

Доу пожал плечами. Смутить его было нелегко.

— Не-а.

— Но ты находил ее привлекательной, — сказал Фальк.

— А ты ее видел? До того, как она откинула копыта, конечно.

И Фальк, и Рако промолчали в ответ. Доу закатил глаза к потолку.

— Понимаете, она была ничего себе. По местным стандартам, по

крайней мере.

— Когда ты говорил с ней в последний раз?

Доу пожал плечами.

— Не помню.

— Что насчет понедельника перед тем, как она погибла? Девятнадцатое февраля. Или в следующие два дня?

— Правда, ничего вам сказать не могу. — Доу переменял позу, и стул закрипел под его весом. — Слушайте, вы уверены, что я должен быть здесь? На законных основаниях? У меня дел до хранища.

— Тогда, может, приступим? — сказал Фальк. — Ты сможешь нам объяснить, почему Карен написала твое имя, «Грант», на этой квитанции, за неделю до того, как ее убили?

Он положил на стол ксерокопию записки.

Доу молча пялился на бумагу. В комнате было совершенно тихо, только жужжали над головой лампы дневного света. Вдруг, без всякого предупреждения, он грохнул ладонью о стол.

Они подпрыгнули.

— Вы это на меня не повесите! — заорал Доу, веером обдав стол слюной.

— Повесим на тебя что, Грант? — спросил Рако очень ровным голосом.

— Эту гребаную семейку! Люк берет и вышибает мозги своим жене и пацану — так это его дело, — он ткнул своим толстым пальцем в их сторону. — Но хрена лысого это имеет отношение ко мне, слышите?

— Где ты был в тот день после полудня, когда их застрелили? — спросил Фальк. Доу покачал головой, продолжая глядеть ему прямо в глаза. Воротник рубахи у него был весь мокрый от пота. — Приятель, а не пошел бы ты? Ты и так уже принес достаточно вреда с Элли. До нас с дядей тебе не добраться. Это охота на ведьм, вот что это такое.

Прежде чем Фальк успел что-либо ответить, Рако прочистил горло:

— Ладно, Грант, — его голос был совершенно спокоен. — Мы тут просто пытаемся кое-что понять. Так что давайте сделаем так, чтобы всем было проще. Ты сказал полицейским из Клайда, что ты тогда копал канаву вдоль Иствэя с двумя своими коллегами, имена которых ты назвал. Все так?

— Так. Весь день там провозились.

— И, конечно, они это подтвердят?

— Уж лучше бы подтвердили. Поскольку это правда. — Говоря это, Доу упорно не сводил с них взгляда. Муха продолжала наматывать круги над их головами. Молчание затягивалось.

— Скажи, Грант, а что ты собираешься делать с фермой, когда дядя умрет? — спросил Фальк.

Перемена темы явно застала Доу врасплох.

— Э?

— Я слышал, тебе наследство гарантировано.

— И что? Я это заслужил, — резко ответил Доу.

— За что? За то, что позволяешь дяде жить в его собственном доме, когда он стал старым и больным? Да, настоящее великодушие.

На самом деле Фальк не видел никаких причин, почему бы Доу не наследовать ферму. Но его слова, похоже, попали в больное место.

— Да уж чуток побольше этого, ты, умник. — Доу открыл рот, собираясь добавить что-то еще, но передумал. Помолчал и добавил: — И вообще, почему бы и нет? Я ему родня.

— Единственный, кто остался после смерти Элли, а? — продолжил Фальк, и Доу от ярости втянул воздух сквозь зубы. — Так значит, землю ты продашь, как только сможешь?

— Уж конечно, продам. Горбатиться на ферме я не собираюсь. Я же не дурак. Когда все эти китаезы из кожи вон лезут, только бы купить здесь землю. Даже такую хреновую, как эта.

— И как земля Хедлеров?

Пауза.

— Ну да, как я понимаю.

— Шарлот, будучи младенцем, тоже вряд ли будет ворочать мешки с удобрениями. Два соседних участка. — Фальк пожал плечами. — Гораздо привлекательнее для инвесторов из-за моря. Что интересно само по себе. Но становится еще интереснее, если одного из владельцев приканчивают выстрелом в голову.

Впервые Доу не нашелся что ответить, и Фальк понял, что он пришел к тому же самому выводу.

— Давай вернемся к Карен. — Фальк решил воспользоваться преимуществом и попробовать подойти с другой стороны. — Ты когда-нибудь к ней подкатывал?

— Че?

— В романтическом плане? Сексуальном?

Доу фыркнул.

— Сделай мне одолжение. Настоящая ледышка. Дело того не стоило.

— Ты думал, она бы тебя послала, — сказал Фальк. — Неприятно, наверное.

— У меня с этим проблем нет, спасибо, приятель. Ты бы о себе

позаботился. Судя по тому, как ты, распутив слюни, бегаешь по всему городу за Гретчен, тебе есть о чем беспокоиться.

Фальк это замечание проигнорировал.

— Что, Карен задела твое самолюбие? Вы о чем-то поспорили? И дело зашло чересчур далеко?

— Что? Нет! — Глаза Доу забегали из стороны в сторону.

— Но с мужем ее ты не ладил. Причем постоянно, как мы слышали, — сказал Рако.

— И че? Всегда из-за ерунды. Просто Люк постоянно ко мне цеплялся. Какое отношение это имеет к его хозяйке?

Опять молчание. Когда Фальк заговорил вновь, его голос был совершенно спокоен.

— Грант, мы собираемся проверить все твои передвижения в тот день, и, может, твои приятели тебя поддержат. Штука в том, что некоторые алиби — как та штукатурка, с которой ты работаешь. Немного давления, и все летит к чертям.

Доу опустил взгляд. Когда он вновь поднял голову, его выражение совершенно переменялось. Он улыбался. Широкая, расчетливая улыбка до самых ушей.

— Типа твоего алиби, да? Когда моя сестра написала твое гребаное имя, а потом погибла?

Над столом повисло натянутое молчание. Три пары глаз опустились на ксерокопию записки, лежавшую на столе. Вид у Доу был не слишком потрясенный, во всяком случае, Фальк в свое время в подобной ситуации переживал гораздо больше. Он раздумывал, что бы это могло значить, когда Доу издал лающий смешок.

— Хорошо, что я-то живу в каменном доме, не в стеклянном? Валяй, проверяй на здоровье. Не пойми меня неправильно. Да у меня времени на Хэдлеров не было. И да, я продам дядину ферму при первом удобном случае. Но я их не убивал, и на ферме у них не бывал, и если ты хочешь меня засадить, то дело тебе придется стряпать самому. И знаешь что? — Он грохнул по столу кулаком. — Думаю, для этого у тебя кишка тонка.

— Если ты там был, Грант, мы это докажем.

Тот ухмыльнулся.

— Погляжу я, как вы это, на хрен, сделаете.

Глава двадцать четвертая

— Повезло вам, что видео сохранилось. Мы обычно стираем все через месяц.

Сидя за своим компьютером, Скотт Уитлэм прокрутил вниз список файлов и, наконец, нашел то, что искал. Откинулся на спинку стула, чтобы Фальку и Рако был виден монитор. Был понедельник; за приоткрытой дверью директорского кабинета привычно шумела школа.

— ОК, вот оно. Это с камеры над главным входом, — сказал Уитлэм. Он кликнул мышкой, и на экране пошло видео. Камера висела прямо над широкими дверями школы и была направлена на ступени, чтобы каждый посетитель обязательно попадал в кадр.

— Извините — качество так себе.

— Ничего страшного. Получше, чем с камеры на ферме Хэдлеров, — сказал Рако.

— В любом случае камеры полезны постольку, поскольку они чего-то видят, — сказал Фальк. — Что тут у вас еще есть?

Уитлэм опять кликнул мышкой, и вид с камеры поменялся.

— Вторая камера — над служебной стоянкой.

Это видео, тоже снятое с высокой точки, показывало неровный ряд автомобилей.

— Больше в школе камер нет? — спросил Рако.

— Да, боюсь, что так. — Уитлэм потер указательный и большой палец — универсальный жест, обозначающий деньги. — Их было бы больше, если бы мы могли себе это позволить.

— Можно попробовать найти Карен в ее последний день? — спросил Фальк, хотя в первую очередь они искали не Карен. Им нужен был Грант Доу. Верные своему слову, Фальк и Рако несколько часов трясли дружков Доу насчет его алиби. Но те упорно держались за свои показания. Ничего другого Фальк и не ожидал, но все равно настроение у него было испорчено.

Уитлэм увеличил изображение, так что оно заполнило весь экран.

— Карен обычно оставляла машину на стоянке, так что, наверное, она будет здесь.

Он нашел нужную запись и прокрутил до времени окончания уроков. Они смотрели, как школьники расходятся парочками и тройками,

беззвучно смеясь и болтая, наслаждаясь свободой. В кадр вошел тощий лысоватый мужчина. Подошел к одной из машин, открыл багажник. Извлек оттуда объемистую сумку, забросил не без труда на плечо и исчез в том же направлении, откуда появился.

— Это наш сторож-разнорабочий, — сказал Уитлэм.

— А что в сумке?

Уитлэм потряс головой.

— Насколько я знаю, у него есть свой набор инструментов. Думаю, это они и есть.

— Он давно здесь работает?

— Лет около пяти, кажется. Вроде хороший мужик.

Фальк не ответил. Еще десять минут, ручеек школьников обмелел, и на стоянке стало пусто. Как раз когда Фальк уже почти потерял надежду, появилась Карен.

У Фалька перехватило дыхание. Она была хороша собой при жизни, эта мертвая женщина. Он смотрел, как она идет на экране, как светлые волосы развеваются у нее за спиной. Изображение было такого качества, что выражения лица было не разобрать. Роста она была невысокого, но двигалась с грацией танцовщицы. Она шла скорым шагом, явно из яслей, толкая перед собой коляску с Шарлот.

Вот за ней появился Билли, отставший от матери на три шага. Фалька пробрал холодок при виде крупного темноволосого мальчишки, так похожего на своего отца. Рядом с ним Рако пошевелился на стуле, кашлянул. Рако довелось собственными глазами увидеть тот кошмар, который ждал мальчика.

Билли плелся нога за ногу, увлеченный какой-то игрушкой, которую сжимал в руке. Карен повернулась и беззвучно позвала его через плечо, и он потрусил следом, догоняя мать. Карен усадила обоих детей в машину, пристегнула ремни, захлопнула дверь. Двигалась она быстро и эффективно. Она торопилась? Фальк не был уверен.

Карен на экране выпрямилась и секунду стояла совершенно неподвижно, положив руку на крышу машины, спиной к камере. Чуть склонила голову и поднесла руку к лицу. Еле заметное движение рукой. Потом второе.

— Господи, она плачет? — сказал Фальк. — Ну-ка перемотайте, быстро.

Никто не сказал ни слова, когда они смотрели все тот же кусок во второй раз. И в третий. В четвертый. Опущенная голова, два взмаха рукой.

— Сложно понять, — сказал Рако. — Может, и плачет. Но с тем же

успехом она могла чесать себе нос.

В этот раз они не стали останавливать видео. Карен подняла голову, сделала глубокий вдох, потом открыла дверь и села в машину. Дала задний ход и уехала. Стоянка вновь опустела. Цифры таймера в углу экрана показывали, что жить ей и ее сыну оставалось меньше восьмидесяти минут. Они смотрели в экран, перематывая те места, где никто не появлялся и не уходил. Школьный секретарь пришла на стоянку десятью минутами позже Карен, потом еще сорок минут не происходило ничего. В конце концов по одному начали появляться учителя, направляясь к своим машинам. Уитлэм называл каждого. Возвратился сторож, положил сумку обратно в багажник и уехал почти ровно в 4:30.

В конце концов на стоянке осталась одна машина Уитлэма. Они опять включили перемотку. В самом начале восьмого появился и сам Уитлэм. Шел он медленно, широкие плечи поникли, голова опущена. Сидевший рядом с Фальком директор вздохнул. Он вглядывался в экран, и на скулах у него ходили желваки.

— Очень трудно на это смотреть, — сказал он. — К тому времени мне уже позвонили из полиции Клайда и сказали, что Билли и Карен мертвы.

Они продолжали смотреть, как Уитлэм медленно садится в машину и уезжает. Подождали на всякий случай еще десять минут. Грант Доу так и не появился.

* * *

— Ну, я пошла, — крикнула Дебора от приемной стойки, уже с сумочкой наперевес. Она подождала секунду, но ответом ей было только неопределенное ворчание. Фальк поднял голову и улыбнулся. Ее манеры по отношению к нему несколько смягчились за прошедшие несколько дней. Он даже чувствовал, что у них был своего рода прорыв, когда она принесла ему кофе наравне со всеми. У него было подозрение, что Рако с ней переговорил. Рако и констебль Барнс не отреагировали, когда за ней захлопнулась дверь участка. Все трое сидели, каждый за своим столом, уставившись в мониторы, где прокручивались зернистые, черно-белые записи видеонаблюдения. Первым делом они сгрузили все, что можно, с двух школьных камер. Потом отправились в город.

На главной улице Кайверры стоят три камеры наблюдения, сказал Рако Фальку. Одна рядом с пабом, одна у здания муниципалитета и одна над дверью аптекарского склада. Они собрали записи со всех трех.

Барнс зевнул и потянулся, раскинув мясистые руки. Фальк подобрался в ожидании воркотни, но Барнс спокойно вернулся к работе. Как он

признался Фальку, Карен или Люка он лично не знал, но всего за две недели до их смерти он приходил в класс к Билли Хэдлеру рассказать о безопасности на дорогах. У него на столе до сих пор стояла открытка, которую детишки из класса сделали для него в качестве «спасибо» — там была и подпись Билли, нацарапанная цветными мелками.

Фальк и сам подавил зевок. Они сидели так уже четыре часа подряд. Фальк сосредоточился на записях из школы. За это время ему попала пара любопытных моментов. Ученик, втихаря пускающий струйку на колесо директорской машины. Учительница, нечаянно зацепив машину коллеги, торопливо уезжает прочь со стоянки. Но ни малейших признаков Гранта Доу.

Вместо этого Фальк раз за разом просматривал кадры с Карен. На той неделе она приезжала и уезжала три раза — каждый день, кроме вторника, когда у нее был выходной, и пятницы, когда она была уже мертва. Каждый день повторялось одно и то же. Около 8:30 ее машина въезжала на стоянку. Она помогала детям выбраться из машины, доставала рюкзаки и шляпы от солнца, а потом исчезала из поля зрения камеры в направлении школы. Вскоре после 3:30 процесс повторялся вновь, в обратном порядке. Фальк пристально наблюдал за тем, как она двигается. Как она наклоняется к Билли, чтобы сказать ему что-то, положив ему руку на плечо. Лица было не разобрать, но он представил, как она улыбается сыну. Он смотрел, как нежно она обращается с дочерью, когда перекладывает Шарлот из коляски в детское сиденье автомобиля. Карен Хэдлер была хорошим человеком — до того, как ее прикончили выстрелом в живот. И в смысле детей, и в смысле денег. У Фалька появилась уверенность, что Барб была права. Карен бы ему понравилась.

Как одержимый, он раз за разом просматривал кадры, отснятые в четверг, в день, когда Карен и ее сын были убиты. Он просматривал ролик еще и еще, перематывал и просматривал опять, анализируя каждый кадр. Ему показалось или она чуть заколебалась, когда шла к машине? Может, увидела что-то в кустах? И не сжимала ли она крепче обычного ручку Билли? Фальк подозревал, что он гоняется за призраками, но продолжал смотреть — снова и снова. Впиваясь глазами в изображение жены своего мертвого друга, он мысленно кричал ей — возьми телефон и набери номер, который написала на обороте библиотечной квитанции. Кричал самому себе, в прошлом: подними трубку! Но ни то, ни другое так и не произошло. Сценарий оставался неизменным.

Фальк уже подумывал на сегодня закончить, когда Барнс выронил ручку, которую крутил в пальцах, и выпрямился на стуле.

— Эй, поглядите-ка на это! — Барнс кликнул мышкой, отматывая назад зернистое изображение. Он прочесывал материал, отснятый камерой у аптеки. В кадре был исключительно интересный вид на тихий закоулок и дверь аптечного склада.

— Что там? Доу? — спросил Фальк. Они с Рако нависли над экраном.

— Не совсем, — ответил Барнс, запуская видео. Таймер в углу экрана показывал 4.41 вечера, четверг. Всего за час или чуть больше до того момента, когда Карен и Билли были застрелены насмерть. Внезапно мимо проскочил внедорожник. Промелькнул меньше чем за секунду.

Барнс опять перемотал запись и включил замедленное воспроизведение. Когда появилась машина, он остановил кадр. Изображение было размазанным, да и ракурс не слишком удачным, но это было не важно. Сквозь ветровое стекло на них глядел Джейми Салливан.

* * *

К тому времени, как Фальк и Рако приехали в переулок за аптекой, уже темнело. Но рассматривать там было особенно нечего. Барнса они отпустили домой — он хорошо поработал. Фальк встал под камерой наблюдения и огляделся. Узенький переулок шел параллельно главной улице Кайверры. На одну его сторону выходили задами риелторская контора, парикмахерская, клиника и аптека. На другой стороне нарезанный разметкой пустырь был превращен в импровизированную стоянку. Там было совершенно пусто.

Фальк и Рако прошлись по переулку из конца в конец. Много времени это не заняло. На улочку можно было заехать на машине с любого конца; ее концы упирались в дороги, ведущие из города на восток и на запад. Это был бы идеальный способ миновать заторы на главной улице в час пик. Но это Кайверра, подумал Фальк, никакого часа пик тут нет.

— Так зачем нашему другу Джейми Салливану понадобилось, чтобы его не видели в городе за двадцать минут до того, как были убиты Хэдлеры? — голос Фалька эхом отразился от кирпичных стен.

— На ум приходят несколько причин. И все они сомнительны, — отозвался Рако.

Фальк взглянул вверх, в объектив камеры наблюдения.

— По крайней мере теперь мы представляем, где он на самом деле был, — сказал Фальк. — До фермы Хэдлеров он бы успел добраться, верно?

— Да, без проблем.

Фальк привалился спиной к стене, запрокинул голову. Кирпичи еще

дышали дневной жарой. Он страшно устал. Он прикрыл глаза. Казалось, туда песку насыпали.

— Итак, теперь у нас есть Джейми Салливан, который уверяет, будто они с Люком были закадычными приятелями. Он врет насчет того, где был, и втихаря ездит по городу за час до того, как его друг получил пулю в голову, — проговорил Рако. — Потом у нас имеется Грант Доу, который признает, что терпеть не мог Люка. Железобетонное алиби плюс его имя, написанное убитой.

Фальк приоткрыл один глаз и взглянул на Рако.

— Не забудь, пожалуйста, о водителе загадочного белого пикапа, который мог — или не мог — видеть Люка Хэдлера двадцать лет назад, когда тот ехал на велосипеде прочь от реки, — сказал он.

— И это тоже.

Они еще долго стояли так, в молчании, упершись взглядами в кирпичную стену, будто ответ был зашифрован в немногочисленных граффити.

— К черту, — сказал Фальк, отрывая себя от стены, что потребовало некоторых усилий. — Давай-ка действовать методически. Сначала еще раз притащим Салливана в участок и спросим его, какого хрена он светился на камере в этом переулке. Проблем достаточно и без того, чтобы нас водил за нос этот чудило.

— Сейчас? — спросил Рако. Глаза у него были обведены красным. Выглядел он примерно так, как чувствовал себя сам Фальк.

— Завтра.

Они уже шли по узенькому проулку назад, к главной дороге, когда у Рако зазвонил телефон. Притормозив, он выудил его из кармана.

— Жена. Прости, придется ответить. — Он прижал телефон к уху. — Привет, красавица.

Они остановились у молочного бара. Фальк качнул головой в сторону магазинчика и жестом изобразил, как пьет из стакана. Рако благодарно кивнул.

Внутри магазина было прохладно и тихо. Технически это было все то же самое заведение, где когда-то вечерами работала Элли, пробивая на кассе молоко и сигареты. Они тогда вывесили в витрину постеры с ее фотографией — собирали деньги на похоронный венок.

Внутренность магазинчика с тех пор изменилась до неузнаваемости. И все же Фальку вспомнилось, как он заходил сюда поболтать с ней через прилавок — всякий раз, как ему удавалось изобрести предлог. Сколько он

тогда перевел денег на ненужные ему молоко и сигареты.

На месте допотопных холодильников теперь стояли открытые витрины с охлаждением. Фальк завис у витрины, чувствуя, как с кожи испаряется дневная жара. И все же отделаться от пробравшего до костей пекла не получалось. Его словно лихорадило. Наконец, он взял две бутылки воды, нарезку подкопченной ветчины, сэндвич с сыром и закатанный в пластик маффин. Ужин.

Фальк повернулся, чтобы положить покупки на прилавок, и внутренне застонал, осознав, что видит за кассой еще одно знакомое лицо. Нынешнего владельца магазинчика он не видал с тех пор, как они пеклись за партами в одном и том же душном классе.

Волос у него теперь было поменьше, но тяжелые черты лица остались практически теми же. Он был одним из тех ребят, до которых все доходит как до жирафа, но разозлить их при этом можно в два счета. Фальку все это вспомнилось, пока он лихорадочно шарил в памяти в поисках имени. У него появилось неуютное ощущение, что бедняга бывал иногда мишенью Люковых шуточек, а сам он никогда не давал себе труда вмешаться. Нацепив на лицо улыбку, Фальк подошел к кассе и положил свои покупки на прилавок.

— Как у тебя теперь дела, Иэн? — спросил он, умудрившись в последний момент выудить из памяти имя, и вытащил кошелек. Иэн Какойто там. Виллис.

Виллис уставился на лежавшие перед ним товары, будто забыл, что с ними полагается делать.

— У меня все, спасибо, дружище, — сказал Фальк.

Тот не ничего не ответил. Поднял голову и посмотрел Фальку за плечо.

— Следующий, — произнес он отчетливым голосом.

Фальк оглянулся. Больше в магазине не было ни души. Он повернулся обратно. Виллис все еще целеустремленно пялился в пустоту. Фальк ощутил вспышку раздражения. И чего-то еще. Стыд?

— Ладно, дружище. Я совершенно не хочу причинять тебе никакого беспокойства. Куплю вот это вот и исчезну с твоего горизонта. — попробовал Фальк опять, придвигая свой ужин поближе кассе. — И я никому не скажу, что ты меня обслуживал, честное скаутское.

Тот продолжал глядеть мимо него.

— Следующий.

— Да ладно? — Фальк услышал гнев в собственном голосе. — Этот город погибает, а ты можешь позволить себе послать покупателя? Да?

Продавец отвел взгляд и перенес вес с ноги на ногу. Фальк уже думал

забрать покупки, оставив деньги на прилавке, когда Виллис заговорил.

— Слышал, что ты вернулся. Мэнди Вэйзер говорит, ты детишек в парке беспокоил.

Он пытался говорить с отвращением, но свое злобное удовольствие ему прикрыть не удалось.

— Да ты шутишь, — сказал Фальк.

Его бывший одноклассник потряс головой и вновь воззрился в пустоту.

— Так что тебя обсуживать я не заинтересован. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Фальк глядел на него в упор. Да этот мужик, наверное, двадцать лет ждал, чтобы ощутить свое превосходство над кем-то еще, и свой шанс упускать явно не собирался. Он было открыл рот, чтобы возразить, но передумал. Зря тратить порох — так, кажется, это называется.

— Ладно, забудь, — сказал Фальк. — Удачи тебе, Иэн. Она тебе тут понадобится.

Он оставил покупки на прилавке и вышел. За спиной звякнул дверной колокольчик, и улица встретила его волной жара.

Убрав телефон, Рако перевел взгляд с пустых рук Фалька на его лицо.

— Что случилось?

— Передумал.

Рако посмотрел в сторону магазина, потом опять на Фалька, и до него явно дошло.

— Хочешь, поговорю?

— Нет, пусть его. Но спасибо тебе. Увидимся завтра. Проработаем план насчет Салливана.

Фальк повернулся, чтобы уйти. То, что случилось в магазине, задело его гораздо больше, чем ему бы хотелось. Внезапно его охватило желание убраться отсюда поскорее, пусть даже его не ждало ничего, кроме долгого вечера в крошечной комнатке над пабом. Рако в последний раз пробуравил магазинчик взглядом: он явно боролся с искушением. Потом посмотрел на Фалька.

— Слушай. Приходи к нам на ужин. Часиков в девять, — сказал он. — Моя жена уже который день проедает мне плешь, чтобы я тебя пригласил.

— Нет, честно, да все в порядке...

— Дружище, либо я бодаюсь с тобой сейчас, либо бодаюсь с ней потом. С тобой, по крайней мере, у меня есть шанс на победу.

Глава двадцать пятая

Сорок минут спустя Рита Рако поставила перед Фальком дымящуюся тарелку спагетти. Чуть коснувшись его плеча, она исчезла в доме и вернулась опять с бутылкой вина в руках. Они сидели на улице, за маленьким сосновым столиком, накрытым цветастой скатертью, а небо над их головами приобретало все более густой оттенок индиго. Рако жили в бывшем магазине, переделанном под жилой дом, в самом конце главной улицы. До участка пешком можно дойти. В садике позади дома росли кустик лаванды и лимонное деревце, а на заборе мягко мерцали лампочки, придавая окружающему праздничный вид.

Из кухонных окон лился свет, и Фальк смотрел, как Рита снует в дом и обратно, чтобы принести то одно, то другое. Он вызвался было помочь, но она с улыбкой от него отмахнулась. Она была миниатюрная женщина с облаком блестящих темных волос, лежавшим на плечах; то и дело она бессознательно прикасалась к округлившемуся животу. Несмотря на беременность, Рита так и кипела энергией и с непринужденной легкостью успевала одновременно делать десять дел.

Когда она улыбалась — а улыбалась она часто, — на ее левой щеке появлялась ямочка, и к тому времени, как она поставила перед Фальком тарелку, ему уже было понятно, почему Рако в нее влюбился. А когда они начали есть — ароматная смесь из помидоров, баклажанов и острых колбасок, под вполне достойный шираз, — он и сам уже был в нее немного влюблен.

Ночь была теплой, но темнота, казалось, отняла у дневной жары силу. Рита, потягивая из стакана минералку, бросила шутливо-страдальческий взгляд в сторону шираза.

— Ох, что бы я не дала за один глоточек! Я уже и вкус забыла, — и рассмеялась над осуждающим выражением, появившимся на лице у мужа. Она потянулась к нему и принялась гладить по затылку, пока он не улыбнулся.

— Так волнуется из-за ребенка, — сказала она Фальку. — Настоящий папаша-наседка, а ведь она даже еще не родилась.

— А когда вы ждете?... — спросил Фальк. На его неопытный взгляд, выглядела она так, будто может родить прямо сейчас.

— Четыре недели, — она поймала взгляд мужа и улыбнулась. — Еще

целых четыре длиннющих недели.

За вкусной едой тем для разговора подыскивать не приходилось. Они болтали обо всем: политика, религия, футбол. Обо всем, кроме того, что происходило в Кайверре. Обо всем, кроме Хэдлеров. Только когда Рако, собрав тарелки, скрылся в доме, Рита, наконец, задала вопрос.

— Скажи мне, — обратилась она к Фальку. — Только честно, пожалуйста. Все будет в порядке?

Она бросила взгляд в сторону кухонной двери, и Фальк понял, что речь идет не только о деле Хэдлеров.

— Знаешь, это очень непросто — быть полицейским в маленьком городке, — сказал он. — Постоянно приходится лавировать, плюс каждый знает все обо всех остальных. Но ваш муж справляется просто превосходно. Правда. Он умный. По-настоящему предан делу. Там, наверху, они такое сразу распознают. Он далеко пойдет.

— О, — тут Рита небрежно помахала рукой. — Об этом-то он не так уж и беспокоится. Его отец всю свою жизнь возглавлял участок в таком вот маленьком городке. Крошечная точка на карте, на самой границе Южной Австралии.

Ее взгляд вновь переместился на дверь.

— Но он был исключительно уважаемым человеком, насколько я понимаю. Правил городом, как суровый, но справедливый патриарх, и они его за это любили. До самой пенсии, да и потом тоже.

Она помолчала. Потом потянулась за бутылкой и разделила остатки поровну между собой и Фальком.

— Шшш, — сказала она, приложив палец к губам и подняла бокал. Фальк улыбнулся.

— Так это там вы познакомились? В Южной Австралии?

— Да, но не в его городе. Туда никто никогда не ездит, — сказала она, как нечто само собой разумеющееся. — В ресторане моих родителей в Аделаиде. Он работал поблизости. Его первая работа в полиции, и он был таким *правильным*. Так старался, чтобы отец мог им гордиться. — Она улыбнулась воспоминаниям и осушила бокал. — Но ему было одиноко, и он постоянно сидел у нас ресторане, пока я над ним не сжалилась и не позволила пригласить меня на свидание.

Она потеряла живот.

— Он ждал, пока я не получу диплом, а потом мы сразу же поженились. Это было два года назад.

— А какая у вас специальность?

— Фармакология.

Фальк запнулся. Он не мог придумать, как сформулировать вопрос, который вертелся у него на языке.

Рита пришла ему на помощь.

— Знаю, знаю, — сказала она с улыбкой. — Так чего я тут делаю, босая и беременная, тут, в глуши, когда я могла бы применять полученные знания где-то еще?

Она пожала плечами.

— Это ради мужа, и это не навсегда. Понимаешь, амбиции у него не совсем обычные. Отец для него — высший авторитет, он младший из трех мальчишек. И мне кажется, у него такое чувство — совершенно, на мой взгляд, неоправданное, — что ему всегда приходилось соревноваться с остальными за внимание отца. Так что мы переехали в этот городок, и он так надеялся, что все будет как у папы, но практически сразу же все пошло... — Она заколебалась. — Не так. На него так сильно давит ответственность. Это он нашел того мальчонку, он вам рассказывал?

Фальк кивнул.

Рита вздрогнула, несмотря на жару.

— Я ему говорю, все время повторяю: то, что здесь произошло, — не твоя вина. Это совершенно другое место. Не такое, как городок твоего папы.

Рита, подняв брови, посмотрела на Фалька, и тот кивнул. Она покачала головой; на щеке чуть наметилась ямочка.

— И все же. Что еще я могу поделать? Логика тут ни при чем, правда? Отношения мужчины с отцом — слишком сложная штука.

Пока она говорила, Рако появился на пороге. В руках он держал три кружки кофе.

— Замочил там кастрюльки. О чем разговариваете?

— Я говорю, что ты чересчур много на себя взваливаешь, чтобы соответствовать отцовским стандартам, — сказала Рита и потянулась пригладить его торчавшие во все стороны волосы. — И вот этот твой коллега со мной согласен.

Фальк, который своего мнения пока не высказывал, подумал, что Рита, должно быть, права. Рако слегка покраснел, но при этом наклонил голову навстречу ее руке.

— Это не совсем так.

— Да все в порядке, милый. Фальк понимает. — Она отпила кофе, посмотрев на Фалька поверх кружки. — Правда ведь? То есть отчасти вы здесь поэтому? Из-за вашего отца.

Последовало озадаченное молчание.

— Мой отец умер.

— Ох, мне очень жаль, — Рита взглянула на него с сочувствием. — Но смерть ведь на эти вещи никак не влияет, верно? Смерть редко меняет наши чувства по отношению к человеку. Если только усиливает.

— Милая, ты о чем? — сказал Рако. Он по-дружески толкнул ее плечом, взяв со стола пустую бутылку. — Знал я, что тебе этого давать нельзя.

Рита чуть нахмурилась. Перевела взгляд с Фалька на мужа и обратно. Поколебавшись, она сказала:

— Простите. Может, я не так все поняла. Просто — конечно, до меня доходили все эти слухи про вашу подругу, которая погибла. Говорят, ваш отец пострадал, ему даже обвинение пытались пришить, и ему пришлось уехать, забрать вас с собой. Это, наверное, было... нелегко. И даже сейчас — эти кошмарные листовки, которые разбрасывают по всему городу, с его фотографией... — она замолчала. — Прошу прощения. Не обращайтесь на меня внимания. Вечно я придумываю.

На долгую секунду между ними повисло молчание.

— Нет, Рита, — сказал, наконец, Фальк. — Думаю, в этот раз ты придумала совершенно правильно.

Белый пикап Мэла Дикона маячил в зеркале заднего обзора вот уже больше ста километров. Отец Фалька вел машину, глядя в зеркало одним глазом и сцепившись в руль обеими руками.

Аарон молча сидел на переднем сиденье, взбудораженный после торопливого прощания с Люком и Гретчен. Сзади стучало и брнчало добро Фальков — все, что они сумели втиснуть в машину. Далеко позади оставался их дом, запертый на все, какие только можно, замки. Отару поделили между соседями, всеми, кто был готов принять лишнюю овцу. Аарон боялся спросить, на время это или навсегда.

Всего один раз, вскоре после того, как они выехали, Эрик притормозил, давая Дикону возможность проехать мимо. Будто это был обычный день и обычная поездка. Вместо этого грязный белый пикап неторопливо нагнал их и как следует поддал в бампер — голова у Аарона так и дернулась вперед. Больше Эрик не останавливался.

Прошел чуть ли не час, и вдруг Дикон нажал на гудок. И не отпуская. Он прибавил скорость, и его машина вдруг выросла, целиком заполнив все боковое зеркало. Густой, непрерывный звук звенел у Аарона в ушах, и он заранее уперся руками в бардачок, готовясь к неизбежному толчку сзади. Сидевший рядом отец сжал зубы. Секунда тянулась за секундой, и, когда

Аарону казалось, что больше он уже не вынесет, звук прекратился. Нахлынувшая внезапно тишина залепила уши.

В зеркало ему было видно, как Дикон опустил стекло и медленно высунул в окно руку, а потом разогнул на ней средний палец. Он так и держал руку, казалось, вечность, а потом — слава Богу — начал уменьшаться, пока вовсе не исчез из виду.

— Папа ненавидел Мельбурн, — сказал Фальк. — Так никогда там и не прижился. Нашел работу в офисе, организовывал поставки в аграрном бизнесе, но эта работа просто выжимала из него все соки.

Самому Фальку было указано в сторону ближайшей школы, где он мог бы закончить последний год обучения. Оглушенный, растерянный, он едва мог вспомнить, что надо то-то записывать, не говоря уж о том, чтобы поднимать руку. Пришла пора выпускных экзаменов, и пришел он в себя, когда все уже закончилось, с хорошими, но не выдающимися оценками.

— Я-то сумел приспособиться немного лучше. А вот ему тут было очень одиноко, — сказал он. — Хотя мы никогда об этом не говорили. Мы оба вроде как замкнулись в себе и справлялись, как могли. Не особо это помогало.

Рита и Рако молча смотрели на него. Потом Рита, потянувшись через стол, накрыла его руку своей.

— Уверена, на какие бы жертвы он ни пошел ради тебя, он ни разу не пожалел.

Фальк чуть склонил голову.

— Спасибо за добрые слова, но я не уверен, что он под ними бы подписался.

Они ехали дальше в молчании, и Аарон все смотрел в зеркало назад, на дорогу. Дикон больше не появлялся. Прошел час. Ничего. Тут отец резко затормозил, так, что ремень впился Аарону в грудь. Визжа шинами, машина свернула на обочину пустого шоссе.

Аарон подскочил, когда Эрик Фальк что есть сил грохнул ладонью по рулю. Отец выглядел бледнее обычного; его лоб блестел от пота. Эрик развернулся и одним быстрым движением схватил сына за грудки. Аарон ахнул, когда рука, которую отец никогда прежде на него не поднимал, скрутила ткань рубашки, подтаскивая его поближе.

— Я спрошу тебя только один раз, так что правду говори.

Никогда прежде Аарон не слышал, чтобы отец говорил таким тоном. Чуть ли не с отвращением.

— Ты это сделал или нет?

Шок от вопроса был почти физическим. Аарон почувствовал, что задыхается. Он вынудил себя сделать вдох, но легкие отказывались повиноваться. На секунду он потерял дар речи.

— Что? Пап...

— Говори.

— Нет!

— Ты имеешь какое-либо отношение к смерти девочки?

— Нет, пап, нет! Черт, конечно, не имею.

Аарону казалось, будто его собственное сердце бьется в отцовском кулаке. Он подумал о самом их ценном имуществе, трясущемся в куче на заднем сиденье, о поспешном прощании с Люком и Гретчен. Об Элли, которую он больше никогда не увидит, и о Диконе, которого он даже сейчас высматривал в зеркале заднего вида. Его охватил гнев, и он сделал попытку оттолкнуть отцовскую руку.

— Я этого не делал. Господи, да как ты вообще можешь меня об этом спрашивать?

Отец продолжал держать его за рубашку.

— Ты хоть знаешь, сколько народу спрашивало у меня о той записке, которую написала эта погибшая девочка? Друзья. Люди, которых я знал годами. Годами! Переходили на другую сторону дороги, когда меня видели. Все из-за этой записки. — Его рука сжалась сильнее. — Так что ты мне должен. Почему твое имя было в той записке?

Аарон Фальк подался вперед. Отец и сын, лицом к лицу.

— А твое почему?

— Так у нас по-старому никогда и не наладилось, — сказал Фальк. — Я потом еще пытался, несколько раз. Он, наверное, тоже, — на свой лад. Но какие-то вещи было уже не исправить. Мы вообще перестали об этом говорить, будто Кайверры и не существовало. И ничего из этого не произошло. Он терпел Мельбурн, терпел меня, а потом умер. Вот и все.

— Да как ты смеешь? — Глаза отца вспыхнули; выражение лица невозможно было передать словами. — Твоя мать похоронена в этом городе. Господи, да эту ферму построили твои дедушка с бабушкой! Мои друзья, моя жизнь — все осталось там. Даже не смей вешать это на меня!

Аарон ощутил, как кровь стучит у него в висках. Его друзья. Его мать. Он оставил позади не меньше.

— Так почему мы сбежали? — Он схватил отца за запястье и

отшвырнул его руку. В этот раз Эрик разжал пальцы. — Почему ты заставил нас бежать, поджав хвост? Выглядит так, будто мы виноваты!

— Нет, виноватыми мы выглядим из-за той записки. — Эрик уперся в сына тяжелым взглядом. — Скажи мне правду. Ты действительно был с Люком?

Аарон заставил себя глядеть отцу прямо в глаза.

— Да.

Эрик Фальк открыл рот. Потом закрыл его опять. Посмотрел на сына так, будто видит его впервые в жизни. Атмосфера в машине вдруг изменилась, сделалась тяжелой и гнетущей, будто случилось что-то нехорошее. Эрик покачал головой, потом повернулся, взялся за руль и завел мотор.

Остаток пути они проехали, не сказав друг другу ни слова. Аарон, который внутренне кипел от гнева, стыда и тысячи других разных вещей, всю дорогу глядел в боковое зеркало.

Где-то в глубине души он был разочарован, что Мэл Дикон так и не появился вновь.

Глава двадцать шестая

Единственное, чего хотелось Фальку, когда он шел пешком обратно в паб, — это вымыться. Прошое липло к коже, как неприятный запах. День был долгим, и вечер, казалось, запаздывал. Веселье в баре явно шло еще на полную катушку, когда он тихо проскользнул мимо к себе, вверх по лестнице.

В душе он заметил, что солнце Кайверры успело его пометить. Руки, шея, отчетливый треугольник на месте ворота рубашки. Бледная когда-то кожа приобрела ярко-красный оттенок.

Первые удары в дверь он еле расслышал из-за шума воды. Фальк прикрутил краны и застыл, прислушиваясь. Опять стук в дверь, теперь громче, отчаянней.

— Фальк! Скорее! — голос бармена приглушенно донесся до него из-за двери. Он опять стучал. — Ты вообще здесь?

Фальк схватил полотенце, чуть не поскользнувшись на мокром полу. Рванув на себя дверь, он обнаружил за ней запыхавшегося Макмердо, который уже поднял кулак, чтобы постучать еще раз.

— Вниз, — проговорил бармен, переводя дух. — Скорее.

И понесся вниз по лестнице, перешагивая через две ступеньки. Фальк, даже не вытершись полотенцем, живо натянул шорты, футболку и кроссовки и захлопнул за собой дверь.

В баре все было вверх дном. Перевернутые стулья валялись на полу, усыпанном битым стеклом. Кто-то скорчился в углу, зажав руками нос. Лицо у него было в крови. Макмердо стоял на коленях, пытаясь разнять двоих, которые, вцепившись друг в друга, катались по полу. Стоявшие вокруг поддатые мужики немедленно стерли с лиц ухмылочки и отступили, завидев Фалька, который в два шага очутился на середине комнаты.

Внезапная тишина несколько отвлекла дерущихся от их занятия, и Макмердо смог их растащить. Они лежали, распростершись, каждый в своем углу, и пытались перевести дух.

Левый глаз у Джейми Салливана потихоньку заплывал, принимая шарообразную форму. Нижняя губа у него была разбита, а на щеке виднелись следы ногтей.

Напротив него Грант Доу попробовал было ухмыльнуться, но ту же

поморщился, баюкая челюсть в ладони. Он, похоже, отделался полегче и явно об этом знал.

— Ладно. Ты и ты. — Фальк указал на двоих зевак, которые выглядели наименее пьяными. — Отведите Салливана в сортир и помогите ему оттереть с лица кровь. Потом притащите его сюда обратно. Понятно?

Они помогли Салливану подняться на ноги. Фальк повернулся к Доу.

— Ты. Сядь вот сюда и жди... нет. Заткнись. В твоих лучших интересах сейчас держать хлебало на замке. Ты слышал?

Фальк повернулся к Макмердо.

— Чистую тряпку, пожалуйста, и всем по стакану воды. В пластиковых стаканах.

Вооружившись тряпкой, Фальк подошел к человеку в углу, который, скорчившись, продолжал держаться за нос.

— Ну-ка, дружище, выпрямись, — сказал Фальк. — Так-то лучше. Вот. Держи.

Человек распрямился и убрал от лица руки. Фальк сморгнул — на него глядело окровавленное лицо Скотта Уитлэма.

— Господи, ты-то как умудрился в это впутаться? — Уитлэм попытался было пожать плечами и поморщился.

— Не в тоб бвесте, не в то бвемя, — ответил он, прижимая к носу принесенную Фальком тряпку.

Фальк повернулся и уперся взглядом в зевак.

— Мой вам совет — немедленно очистить помещение ко всем чертям, — сказал он.

Рако пробивался от двери навстречу потоку следовавших совету Фалька. На нем была та же футболка, в которой он был за ужином; курчавые волосы с одной стороны стояли дыбом, а глаза были красные.

— Макмердо позвонил. Я спал. «Скорая» понадобится? У меня тут доктор Ли наготове.

Фальк оглянулся. Салливан уже вернулся из туалета. При упоминании доктора он бросил на них встревоженный взгляд. Остальные двое сидели, сгорбившись, каждый на своем стуле.

— Нет. Не думаю, — сказал он. — Если, конечно, тебя не беспокоит отсутствие мозгов у этих двоих.

Он повернулся к Макмердо:

— Что произошло?

Бармен завел глаза к потолку.

— Наш друг мистер Доу вон там, похоже, склонен считать, что единственная причина, по которой ему сели на хвост насчет смерти

Хэдлеров, — это что у Джейми Салливана кишка тонка признаться самому. Он решил, что ему как раз представился случай побудить мистера Салливана это сделать.

Фальк подошел к Доу.

— Что здесь случилось?

— Недоразумение.

Фальк наклонился поближе, прямо к уху Доу, так, что в нос ему ударил застарелый запах алкоголя.

— Если мы заставляем тебя нервничать, Грант, все, что от тебя требуется, — назвать стоящую причину, почему она написала твое имя.

Доу издал горький смешок. Из рта у него воняло.

— Да это, на хрен, забавно, слышать такое от тебя. То есть стоящую причину вроде той, что ты так и не назвал? После той записки, которую оставила Элли? Нет. — Он потряс головой. — Мог бы назвать тебе тысячу причин, приятель, но ты ж все равно с меня не слезешь. Ты не успокоишься, пока не пришьешь убийство Хэдлеров либо мне, либо моему дядюшке.

Фальк разогнулся.

— Ты смотри. Поговори мне тут — и будешь задержан, подвергнут формальному допросу и вообще огребешь кучу неприятностей, понял? — Фальк протянул руку: — Ключи.

Грант взглянул на него, явно не веря собственным ушам.

— Без шансов.

— Можешь забрать их завтра в участке.

— Да мне до дома пять километров пѣхать! — возмутился Грант, баюкая ключи в ладони.

— Сочувствую. Хорошей прогулки, — сказал Фальк, выковыривая ключи у него из лапы и засовывая себе в карман. — А теперь вали.

Он перенес внимание на Салливана и Уитлэма, вокруг которых неумело хлопотали Макмердо и Рако.

— Не хочешь рассказать нам, что случилось, Джейми?

Салливан уставился в пол единственным здоровым глазом.

— Как он и сказал. Недоразумение.

— Я не имел в виду сегодня.

Ответа не было. Фальк дал молчанию повиснуть в воздухе.

— Лучше не будет. Чем дальше, тем будет только хуже, если дашь себе влипнуть.

Ничего.

— Ладно, — сказал Фальк. Одежда мерзко липла к мокрой после душа

коже, и его все задолбало. — Завтра в десять в участке. Нам по-любому надо с тобой побеседовать. И честно тебя предупреждаю, приятель: я бы на твоём месте как следует подумал, чем ты в тот день занимался.

Лицо у Салливана все сморщилось. Казалось, он вот-вот заплачет. Фальк обменялся взглядами с Рако.

— ...Я завезу тебя домой, Джейми, — сказал Рако. — А ну-ка, давай, встали.

Салливан дал увести себя из бара. Он ни на кого не смотрел. Фальк, наконец, обернулся к Уитлэму, который, сидя в своём углу, со смущенным видом выглядывал из-за своей тряпки.

— Мне кажется, кровотечение остановилось, — сказал Уитлэм, осторожно трогая себя за нос.

— Ну-ка, посмотрим. — Фальк осмотрел нос, пытаясь вызвать в памяти уроки первой помощи. — Ну, если в ближайшее время школа фотосессии не планируется, думаю, жить будешь.

— Ура.

— Тебя ведь завтра в участок нам вызывать не нужно, а?

— Только не меня, начальник. Я тут случайная жертва. Выходил из туалета, и тут они в меня врезались. Я их даже не видел. Потерял равновесие и — лицом прямо о стул.

— Ладно, — сказал Фальк, помогая Уитлэму подняться на ноги. — Но я не думаю, что тебе стоит садиться за руль.

— Да я на байке.

— На мотоцикле?

— Господи. Я же учитель. Велосипед, с педалями.

— Ладно. Пошли.

С некоторым трудом они умудрились все же втиснуть велосипед в багажник Фальковой машины, подвернув руль. В молчании они ехали по пустынным улицам.

— Удалось обнаружить что-нибудь на камерах наблюдения? — сказал, наконец, Уитлэм, закашлявшись — он попытался втянуть воздух носом.

— Мы все еще с этим разбираемся, — сказал Фальк. — Спасибо большое за помощь.

— Да не за что, — отвернувшись к окну, Уитлэм глядел в пустоту. Искажённое отражение его опухшего лица паялилось в ответ. — Господи, скорее бы все это кончилось. Это не место, а какой-то кошмар.

— Да все наладится, — автоматически ответил Фальк.

— Наладится? — сказал Уитлэм. Он вновь откинулся на сиденье,

осторожно ощупывая нос. — Что-то я не уверен. Помню, было время, когда я переживал из-за нормальных вещей. Футбольные матчи. Реалити-шоу. А теперь это школа, и вечный недостаток финансирования, и вот постоянно ищешь, чем заткнуть дыры. Детишек мертвыми находят, господи ты боже мой.

Уитлэм все смотрел в окно до самого своего дома. Они притормозили на подъездной дорожке, на которую падал приветливый свет из окон. На его лице отразилось облегчение. Дом.

Фальк, измотанный, в липнущей к телу одежде, вдруг ощутил острую вспышку тоски по собственной квартире.

— Спасибо, что подвез. Хочешь зайти выпить? — спросил Уитлэм, когда они вышли из машины. Фальк потряс головой.

— Я на боковую, спасибо. Долгий сегодня был день.

Фальк открыл багажник и вытащил оттуда велосипед, поворачивая руль и так, и сяк, пока не удалось его высвободить.

— Прости, если все тебе тут запачкал, — сказал Уитлэм, пытаюсь разглядеть что-то в темном багажнике.

— Не беспокойся об этом. Ты дальше-то как, нормально? С носом и со всем прочим?

Уитлэм развернул велосипед. Попытался улыбнуться.

— Да, жить буду. Извини, что расклеился. Считаю, это все парацетамол натворил.

— Вечно это не продлится. Тебе просто не повезло здесь оказаться.

— Но дело-то именно в этом, правда? Никто не может заранее рассчитать, чем такое может кончиться и кого затронет. — Голос у Уитлэма был каким-то тусклым, и Фальку показалось, что дело было не только в носе. — Это просто смешно. Вот стою я тут, жалею себя, но потом как подумаю о несчастном Билли. Вот это называется «не повезло». Говорю тебе, что бы ни происходило в этом доме — с Люком, с засухой, с фермой, — оно не должно было затронуть этого мальчонку.

В конце подъездной дорожки открылась дверь. Сандра стояла на пороге — четко очерченный силуэт на фоне льющегося из дома света. Она помахала рукой. Распрощавшись с Уитлэмом, Фальк смотрел, как тот катит велосипед по дорожке к дому. Походка у него все еще была слегка нетвердой. Когда Фальк сел обратно в машину, у него пискнул телефон. Это была смска от Рако. Фальк прочел и в восторге хлопнул ладонью по рулю.

Хочешь знать, почему Салливан был в том переулке? Звони.

Глава двадцать седьмая

Когда Фальк и Рако подъехали следующим утром, он уже ждал их возле участка.

— Доктор Ли. — Рако представил Фалька. — Спасибо, что приехали.

— Не за что. Только давайте покончим с этим поскорее, если вы не против. У меня в приемной полно народу. Плюс еще вызов на дом.

Рако ничего не ответил, только вежливо улыбнулся и отпер дверь участка. Фальк с любопытством взглянул на доктора. Раньше он главного — и единственного — городского медика не встречал, но имя было ему знакомо из полицейского отчета об убийстве Хэдлеров. Первый медик, оказавшийся на месте преступления. Лет ему было слегка за сорок, волосы густые, и вообще вид человека, который придерживается своих собственных советов в области здоровья.

— Я принес свои записи по Хэдлерам. — Доктор Ли положил папку на стол в комнате для собеседований. — Дело ведь в этом да? Как у вас, прогресс есть?

Он присел на предложенный ему стул, закинув ногу за ногу, в небрежной позе. Спина у него была прямая и безупречная осанка.

— Кое-какой, да. — В этот раз улыбка не коснулась глаз Рако. — Доктор Ли, не могли бы вы нам рассказать, где вы находились после полудня двадцать второго мая?

Джейми Салливан стоял посреди своего поля и смотрел, как пикап Люка Хэдлера исчезает вдаль. Потом он достал телефон и отправил одну-единственную смску. Подождал. Через две минуты телефон издал жужжание: пришел ответ. Салливан еле заметно кивнул и зашагал к собственной машине.

На лице доктора отразилось удивление. Потом — недоуменная улыбка.

— Вы знаете, где я был в тот день после полудня. С вами, на месте преступления на ферме Хэдлеров.

— А за два часа до этого?

Пауза.

— Я был в клинике.

— С пациентами?

— До этого — да. Потом я отдыхал в квартире над клиникой, пару

часов.

— Зачем?

— Что значит «зачем»? Обычное дело, если работать приходится сначала с раннего утра, а потом поздним вечером. Это дело утомительное, как вы, без сомнения, знаете и сами.

Рако никак не отреагировал на эту попытку найти между ними что-то общее.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Салливан быстро доехал до города. На сельских дорогах ему не встретился никто; в самом городе — всего пара машин. Не доезжая до главной улицы, он круто свернул направо, в узенький переулок позади ряда магазинов. Излишние предосторожности, конечно. Присутствие его машины в городе никого бы не удивило. Но потребность соблюдать тайну въелась у него в плоть и кровь, и подавить ее было невозможно. Камера на стене аптеки подмигнула ему красным огоньком, когда он проезжал мимо.

Доктор Ли, нахмурившись, подался вперед. Его длинные пальцы теребили уголок папки Хэдлеров: он явно не мог решить, нужно ли ее открывать.

— Серьезно — какого черта все это значит?

— Не могли бы вы ответить, — сказал Рако, — одни вы были или нет тем днем в квартире над клиникой?

Ли перевел взгляд с Рако на Фалька и обратно.

— Значит ли это, что мне нужно позвонить своему адвокату? Ей нужно быть здесь? — В его голосе звучал вызов.

— Это, — сказал Рако, — может быть разумным.

Салливан поставил машину в гараж, который всегда был пуст и всегда ждал его открытым. Он вышел из машины и опустил дверь гаража, чтобы спрятать ее от посторонних глаз. Поморщился от визга металла о металл. Подождал секунду. Переулок был пуст.

Салливан подошел к неприметной двери рядом со входом на склад клиники и позвонил. Секундой позже дверь отворилась. Доктор Ли встретил его с улыбкой. Только оказавшись внутри и надежно прикрыв за собой дверь, они, наконец, поцеловались.

Ли закрыл глаза и потер переносицу указательным пальцем. Он чуть ссутулился; безупречной его осанку назвать уже было нельзя.

— Ладно. Я так понимаю, что ситуация вам известна. Тем днем я был в квартире не один. Я был с Джейми Салливаном.

Рако издал звук, в котором удовлетворение смешалось с крайним раздражением, и рухнул обратно на стул. Недоуменно потряс головой.

— Ну наконец-то. Вы хоть представляете себе, сколько часов мы провели — потратили *впустую*, — гоняясь за вашими сказками?

— Я знаю. Правда. Мне очень жаль, — это, похоже, было сказано искренне.

— Вам жаль? Три человека погибли, приятель. Вы же были там со мной. Этот бедный мальчонка. Всего шесть лет, голова начисто отстрелена. Как вы могли позволить нам гоняться за собственным хвостом? Кто знает, насколько это уже навредило делу?

Доктор слегка покачнулся на стуле, будто слова Рако задели его физически.

— Вы правы, — сказал доктор Ли. Закусив палец, он раскачивался на стуле и, казалось, вот-вот расплачется. — Неужели вы думаете, что я не хотел сразу все вам рассказать? Как только узнал, что вы были у Джейми, задавали вопросы? Конечно, он должен был сказать вам еще тогда. Я должен был сказать вам еще тогда. Но мы, наверное, запаниковали. Поскольку сразу мы ничего не сказали, чем больше проходило времени, тем труднее мне — нам — было...

— Ну, надеюсь, это стоило того, что Джейми ушел вчера вечером из паба с разбитым лицом.

Ли резко поднял голову; на его лице был написан шок.

— О, вы не знали? — продолжил Рако. — Да, он один из зачинщиков драки. Это — единственная причина, по которой он мне что-то сказал. Голова у него пострадала явно сильнее, чем совесть. Вы могли бы избавить нас от кучи лишних хлопот еще несколько дней назад. Обоим должно быть стыдно.

Доктор прикрыл рукой глаза и сидел так долгую минуту. Фальк принес ему стакан воды, и тот с благодарностью его выпил. Они ждали.

— Так, значит, тогда вам казалось, что вы не можете нам сказать. Сейчас время настало, — мягко сказал Фальк.

Ли кивнул.

— Мы с Джейми вместе уже восемнадцать месяцев. В романтическом плане. Но — как вы уже, конечно, поняли — мы это не афишировали, — сказал он. — Все началось, когда он начал чаще привозить свою бабушку ко мне на осмотр. Ей становилось все хуже и хуже, и ему приходилось нелегко одному. Он нуждался в поддержке и чтобы было с кем поговорить, и из этого все и выросло. То есть я всегда подозревал, что он может быть геем, но в этих местах... — Ли, не договорив, покачал головой.

— В общем, прошу прощения, — все это не важно. В тот день, когда убили Хэдлеров, я работал в клинике до четырех, потом ушел на перерыв. Джейми послал мне смс, и я ответил ему, что бы он приходил. Ничего необычного в этом не было. Он приехал, мы немного поговорили. Выпили чего-то холодного. Потом пошли в постель.

Салливан стоял в крошечной ванной, вытираясь после душа, когда зазвонил телефон. Он услышал, как Ли поднял трубку. Разговор был короткий — явно что-то срочное, но слов он не разобрал. Доктор просунул голову в дверь ванной. Лицо у него было встревоженное.

— Мне надо идти. Там несчастный случай со стрельбой.

— О черт, серьезно?

— Да. Слушай, Джейми, ты должен знать — это произошло на ферме у Люка Хэдлера.

— Ты шутишь. Я же только что с ним расстался. С ним все в порядке?

— Подробности я не знаю. Я тебе позвоню. Ты тут уж дальше сам, ладно? Люблю тебя.

— Я тебя тоже.

И он ушел.

Салливан оделся, сдерживая дрожь в пальцах, и поспешил домой. Это был не первый в его жизни несчастный случай с огнестрельным оружием. Дело произошло с другом друга его отца. Но кислотная, с медным привкусом, вонь свежей крови еще много месяцев стояла у него в носу. Одного воспоминания было достаточно, чтобы его вновь начал преследовать этот мерзкий запах, и, подъезжая к дому, Джейми уже вовсю сморкался. И тут он увидел две пожарные машины, стоявшие возле дома. На пороге его, запыхавшегося, встретил пожарный в защитном костюме.

— Все в порядке, приятель, с твоей бабушкой все хорошо. Вот кухня, боюсь, — это дело другое.

— После того, как вы пришли к Джейми с вопросами, он испугался, позвонил мне, — сказал Ли. — Он сказал, что вы застали его врасплох и он солгал вам относительно того, где он был.

Ли посмотрел им обоим в глаза.

— Оправданий тут быть не может. Я это знаю, и он это знает. Но я прошу вас, пожалуйста, не судите его слишком строго. Когда так долго лжешь насчет чего-то, это становится частью тебя.

— Я не сужу вас за то, что вы геи, дружище. Я сужу вас за то, что вы

тратили наше время, когда погибла целая семья, — сказал Рако.

Доктор кивнул.

— Я знаю. Если бы я мог вернуться назад и сделать все по-другому, я бы это сделал, — сказал он. — А Джейми... Он постепенно к этому придет. Но в Кайверре немало народу, которые не захотят, чтобы их ребенка лечил педик. Или не станут сидеть рядом во «Флисе».

Ли взглянул на Фалька.

— Вам самому прекрасно известно, что происходит, когда ты тут чем-то выделяешься. Этого-то мы и пытались избежать. Всего лишь.

После того как они распрощались с доктором, Фальк на секунду задумался, а потом побежал за ним вдогонку.

— Эй, пока вы не ушли, я хотел спросить вас насчет Мэла Дикона. Насколько серьезно его состояние? У него ведь маразм?

Ли помолчал.

— Я не имею права это с вами обсуждать.

— Еще один секрет, а?

— Простите. Я очень хотел бы помочь. Но я правда не могу. Он мой пациент.

— Я же не спрашиваю ни о чем конкретном. В общих чертах вполне меня устроит. Что он способен вспомнить? Что было десять минут назад — да, а десять лет назад — нет? Или наоборот?

Ли заколебался, бросил взгляд назад, в сторону участка.

— Если совсем уж в общих чертах, — сказал он, — у пациентов в возрасте за семьдесят со сходными симптомами есть тенденция к быстрой деградации памяти. Отдаленное прошлое часто кажется более ясным, чем события недавнего прошлого, но воспоминания могут перемешиваться, становиться путанными. Положиться на них нельзя, если вы спрашиваете об этом. То есть в общих чертах.

— Это его прикончит? Последний вопрос, обещаю.

На Ли было больно смотреть. Он оглянулся. Улица была совершенно пуста. Он понизил голос.

— Не напрямую, нет. Но бывают осложнения, связанные с общим состоянием здоровья. Простейшие действия, связанные с заботой о себе, питание — все это страдает. По моим оценкам, у пациента на подобной стадии есть год или около того, может, немного больше. Может, меньше. Два-три стакана алкоголя в день на протяжении всей взрослой жизни положение дел никак не улучшают. В общих чертах, конечно.

Он кивнул, будто поставил в разговоре точку, и повернулся, чтобы уйти. Фальк не стал его задерживать.

— Им обоим надо бы выдвинуть обвинение, — сказал Рако, когда Фальк вернулся в участок.

— Нда. Надо бы.

Оба они знали, что этого не произойдет.

Рако откинулся на стуле и потер лицо обеими руками. Громко вздохнул.

— Господи. И какого хрена нам теперь делать?

Дабы отвлечь себя от мыслей о еще одном тупике, в котором они оказались, Фальк позвонил в Мельбурн. Спустя час у него был список всех пикапов светлой окраски, зарегистрированных в Кайверре в тот год, когда погибла Элли Дикон. Их было 109.

— Плюс кто-то из другого города мог просто проехать мимо, — угрюмо сказал Рако.

Фальк пробежался глазами по списку. В нем было полно знакомых имен. Бывшие соседи. Родители одноклассников. Мэл Дикон. Фальк долго смотрел на это имя. Но здесь были и чуть ли не все остальные. Сам Джерри Хэдлер, родители Гретчен, даже отец Фалька. В тот день на перекрестке дорог Джерри мог видеть чуть ли не половину города. Фальк закрыл файл. С него было достаточно.

— Пойду немного прогуляюсь.

Рако пробурчал что-то в ответ. Фальк был рад, что тот не спросил куда.

Глава двадцать восьмая

Кладбище было неподалеку от города — обширный участок земли, осененный эвкалиптами-призраками. По дороге Фальк проехал мимо того самого пожарного знака. Пожароопасность теперь достигла максимального уровня. Поднимался ветер.

На похоронах присутствовали только члены семьи, так что на могилах Хэдлеров он еще не бывал. Но найти их оказалось нетрудно.

Новенькие, блестящие полировкой надгробья напоминали, скорее, предметы интерьера, по случайности оставленные кем-то среди потрепанных погодой собратьев. Могилы были по щиколотку завалены полиэтиленом, мягкими игрушками и увядшими букетами. Даже за несколько футов в нос бил почти невыносимый аромат разлагающихся цветов.

Могилы Карен и Билли были завалены подношениями, могила Люка рядом с ними выглядела почти голой. Фальк задумался, придется ли Джерри и Барб наводить на могилах порядок, когда подарки окончательно перейдут в разряд мусора. У Барб и так хватало сложностей с фермой, чтобы еще ползать на коленях вокруг могил с мешком для мусора и, глотая слезы, рыться в полусгнивших букетах, пытаясь решить, что оставить, а что — выкинуть. Ну уж нет. Фальк мысленно взял на заметку проверить это дело.

Он немного посидел на иссохшей земле у могил, наплевав на липнувшую к брюкам пыль. Провел рукой по надписи на могильном камне, пытаясь стряхнуть чувство нереальности происходящего, которое преследовало его с самой панихиды. *Люк Хэдлер — в этом гробу, —* повторял он про себя. *— Люк Хэдлер — здесь, под этой землей.*

Где был Люк тем вечером, когда погибла Элли? Вопрос всплыл опять, как несмываемое пятно. Надо было Фальку добиться у него ответа, пока была такая возможность. Но он действительно верил, что Люк придумал этот обман ради него. Если бы он знал, что произойдет...

Тут он решительно прекратил эти размышления. Слишком много раз он слышал эти самые слова с тех пор, как вернулся в Кайверру. *Если бы я знал, я сделал бы все по-другому.* Слишком поздно. С чем-то просто приходится жить.

Фальк встал и, повернувшись к Хэдлерам спиной, пошел прочь. Он

направился в глубину кладбища и шел, оглядываясь, пока не нашел нужный ряд. Надгробья в этой части кладбища потеряли свой блеск долгие годы назад, но многие из них были знакомы ему, как старые друзья. На ходу он нежно провел рукой по одному, другому, и, наконец, вот он стоит перед выцветшим на солнце камнем. Цветов на этой могиле не было, и только тут ему пришло в голову, что их надо было принести с собой. Хороший сын так и поступил бы. Принес бы матери цветов.

Вместо этого, достав салфетку, он наклонился и счистил слой грязи и пыли с ее имени, вырезанного в камне. Потом — с даты ее смерти. Он никогда не нуждался в напоминаниях об этом дне. Сколько себя помнил, он всегда знал, что мать умерла в тот день, когда он родился. Осложнения после родов и потеря крови, неохотно отвечал ему отец, когда он достаточно подрос, чтобы задавать вопросы. А потом кидал на сына взгляд, от которого у Фалька появлялось ощущение, что оно — почти — того стоило.

Когда он стал постарше, у него появилось обыкновение ездить на велосипеде на кладбище и стоять часами над могилой матери в качестве искупления. В конце концов до него дошло, что никого не заботит, стоит он там или нет, и их отношения превратились в своего рода одностороннюю дружбу. Он очень старался ощутить хоть какую-то сыновнюю любовь, но даже тогда эти эмоции казались ему какими-то неестественными. Ему просто не удавалось пробудить в себе чувства по отношению к женщине, которую никогда не знал. Где-то глубоко внутри он постоянно чувствовал себя виноватым, что Барб Хэдлер значит для него гораздо больше.

Но навещать мать ему нравилось, а она оказалась прекрасным слушателем. Он начал приносить с собой еду, книги, уроки. Валяясь в траве рядом с ее надгробием, он болтал без умолку все, что в голову придет, — о том, что было сегодня и что будет завтра. О своей жизни.

Не успев осознать, что делает, Фальк лег на короткую жесткую траву у могилы. Вытянул ноги. Деревья над головой отбрасывали тень, и жара казалась чуть менее невыносимой. Устремив взгляд в небо, он еле слышно — почти шепотом — повел рассказ о Хэдлерах и о возвращении домой. О том, как вновь увидел Гретчен. Про тяжесть в груди, которая возникла, когда он увидел Мэнди в парке и Иэна в магазине. Поведал ей о своих страхах и о том, что, может, он так никогда и не узнает правды о Люке.

После того, как у него кончились слова, он закрыл глаза и просто лежал неподвижно рядом с матерью, а земля и воздух баюкали его, окутав теплом.

Когда Фальк проснулся, солнце было уже в другой стороне. Зевнув, он поднялся с травы и потянулся, разминая затекшие мышцы. Сколько он пролежал тут, было неясно. Он встряхнулся и зашагал обратно через кладбище к главным воротам. Но на полпути остановился. Была еще одна могила, которую ему следовало навестить.

Чтобы найти ее, потребовалось гораздо больше времени. Могилу он видел всего один раз, во время похорон, незадолго до того, как покинул Кайверру навсегда. В конце концов он наткнулся на нее чуть ли не случайно: небольшая плита, скромно притулившаяся среди других, более вычурных надгробий. Она совсем заросла сухой желтой травой. У плиты лежал единственный букет — связка иссохших стеблей в истрепанной полиэтиленовой обертке. Достав салфетку, Фальк наклонился, чтобы отчистить от грязи выгравированное на плите имя. Элеанор Дикон.

— А ну не трожь, ты, ублюдок!

Голос раздался из-за его спины, и Фальк подскочил. Он повернулся и увидел Мэла Дикона, который сидел в самой тени, у ног каменного ангела в соседнем ряду. В руке у него была бутылка пива, а у ног дрых его бурый мясистый пес. Собака проснулась и зевнула, показав язык цвета сырого мяса, когда Дикон не без усилия поднялся на ноги. Бутылку он оставил в ногах у ангела.

— Убери от нее лапы, пока я их не отрезал.

— Не нужно, Дикон. Я уже ухожу. — Фальк отступил. Дикон сощурился на него.

— Так ты тот парень, да?

— А?

— Ты парень Фалька. Не сам папаша.

Фальк взглянул стрику в лицо. Челюсть агрессивно выпячена, а глаза более ясные, чем когда он видел его в прошлый раз.

— Да. Я его парень. — Фальку вдруг стало грустно. Он повернулся, чтобы уйти.

— Да. Вали отсюда, надеюсь, теперь уже навсегда. — Дикон сделал шаг вслед. На ногах он держался нетвердо. Дикон дернул за поводок, и животное взвизгнуло.

— Пока нет. Осторожнее с собакой. — Фальк даже не остановился. Сзади послышались неровные шаги — Дикон явно пытался его догнать.

— Что, не можешь оставить ее в покое, да? Может, ты и ребенок, но точь-в-точь как папаша. Мерзость.

Фальк повернулся.

Со двора долетали отчетливые голоса. Один — громкий, другой — потише. Аарон, двенадцати лет, плюхнул школьную сумку на кухонный стол и подошел к окну. Отец стоял, скрестив руки на груди. На его лице было написано плохо скрываемое нетерпение. Перед ним стоял Мэл Дикон, который тыкал в него пальцем.

— Шесть голов пропало, — говорил Дикон. — Пара ярок, четыре барашка. Из тех самых, которых ты смотрел на прошлой неделе.

Эрик Фальк вздохнул.

— И я тебе говорю, что их здесь нет, приятель. Можешь пойти проверить, если времени не жалко. Я не против.

— Так, говоришь, это совпадение, да?

— Скорее это все дыры у тебя в изгороди, так я думаю. Если бы мне нужны были твои овцы, я бы их купил. Но, на мой взгляд, дело того не стоило.

— Овцы у меня в полном порядке. Скорее, зачем покупать, если можно просто у меня их спереть, да? Верно? — к концу фразы Дикон уже просто орал. — Не в первый раз ты прибираешь к рукам то, что принадлежит мне.

Эрик Фальк молча смотрел на него с секунду, потом с недоверием потряс головой.

— Тебе пора уходить, Мэл. — Он повернулся, чтобы уйти, но Мэл грубо схватил его за плечо.

— Она позвонила из Сиднея, сказала, что больше не вернется, знаешь ли. Что, доволен теперь? Небось гордишься, герой, да? Что подговорил ее свалить?

— Твою хозяйку я ни к чему не подговаривал, — сказал Эрик, смахивая его руку с плеча. — Я бы сказал, ты и сам с этим справился, с помощью кулаков и бухла, приятель. Удивляет только одно — что она выдержала так долго.

— Ой, да, ну прям рыцарь на белом коне, ты! Всегда рядом, готов подставить плечо, чтобы ей поплакаться, а может, и в постель заодно затащить, а?

Эрик Фальк вытаращил глаза. И расхохотался — взрыв чистого, ничем не сдерживаемого веселья.

— Мэл, я с твоей хозяйкой не спал, если ты об этом беспокоишься.

— Брехня.

— Нет, приятель, это совсем не брехня. Это правда. Ну хорошо, она заглядывала иногда выпить чашку чая и поплакать немного, когда дела шли совсем уж неважно. Ей нужно было иногда побыть одной, без тебя.

Но это было все. Не пойми меня неправильно, она женщина симпатичная, но насчет выпивки у нее слабость была, почти как у тебя. Может, если бы ты проявлял побольше заботы — об овцах своих, о жене, — они бы от тебя и не удирали. — Эрик потряс головой. — Честно, нет у меня времени с вами разбираться — ни с тобой, ни с хозяйкой твоей. Вот кого мне жаль по-настоящему, так это твою дочурку.

Кулак Мэла выскочил вперед, как пес из конуры, и попал Эрику аккурат в левую бровь. Эрик пошатнулся и завалился назад; было слышно, как голова глухо стукнула по земле.

Аарон с криком выбежал наружу и наклонился над отцом, который широко открытыми, ничего не понимающими глазами глядел в небо. Из рассеченной брови струйкой текла кровь. Аарон услышал за спиной смех Дикона и, повернувшись, бросился на него, врезавшись со всей силы ему в грудь. Дикон пошатнулся, сделал шаг назад, но преимущество в весе не дало ему упасть. Неуловимым движением Дикон крепко ухватил Аарона повыше локтя и, больно выкрутив руку, подтянул его так, что они были лицом к лицу.

— А ну, слушай сюда. Когда твой старик сможет подняться из грязи, в которой валяется, скажи ему, что это просто дружеский поцелуй в щечку по сравнению с тем, что я устрою ему, если он еще хоть раз позарится на мое.

Он толкнул Аарона на землю, потом повернулся и пошел по двору, насвистывая сквозь зубы.

— А он меня просил, умолял, знаешь? — сказал Дикон. — Твой папаша. После того, что ты сделал с моей Элли. Пришел ко мне. Не пытался даже вякнуть, что ты этого не делал. Что не мог этого сделать. Ничего подобного. Он хотел, чтобы я сказал всем остальным в городе отстать от вас, пока полиция не скажет свое слово. Да я ему даже отсосать бы не дал.

Фальк сделал глубокий вдох и повернулся, чтобы уйти.

— Ты ж знал это, верно? — долетел до него голос Дикона. — Что он думал, ты мог это сделать? Твой собственный папа. Конечно, ты знал. Кошмар какой, наверное, когда твой отец думает о тебе настолько плохо.

Фальк остановился. Он был уже почти за пределами слышимости. Продолжай идти, — сказал он себе. Вместо этого он оглянулся. Губы Дикона изогнулись в улыбке.

— Что? — крикнул Дикон. — Только не говори мне, что он купился на ту херню, которую вы состряпали с парнишкой Хэдлеров. Может, твой

папаша и был трусом и недотепой, но уж дураком-то он не был. Ну что, удалось тебе в конце концов прояснить ситуацию? Или он так и подозревал тебя до самой смерти?

Фальк не ответил.

— Так я и думал, — ухмыльнулся Дикон.

Нет, хотелось крикнуть Фальку в ответ, мы так никогда ничего и не прояснили. Он бросил на старика долгий взгляд, потом, почти с физическим усилием, вынудил себя отвернуться и уйти. Шаг, еще шаг, и вот он идет по дорожке, петляющей среди давно забытых могил. И слышит, как Мэл Дикон смеется у него за спиной, стоя обеими ногами на могиле своей дочери.

Глава двадцать девятая

Выстрел раскатился по дальним полям, эхо заставило вздрогнуть горячий воздух. Первый выстрел не успел еще отзвучать, когда грянул второй. Фальк замер, не успев захлопнуть дверцу машины, стоявшей на подъездной дорожке к ферме Гретчен.

Его мысли метнулись к выскобленной прихожей в доме Хедлеров, к пятну на ковре. Он представил себе светловолосую женщину, истекающую кровью на земле, только теперь это была не Карен. Это была Гретчен.

Прогремел еще один выстрел, и Фальк сорвался с места и понесся через поля в направлении, откуда шел звук. Но эхо, отразившееся от спекшейся земли, сбило его с толку. Он остановился, лихорадочно обшаривая взглядом горизонт. Глаза у него слезились от слепящего солнца, но он продолжал вглядываться в даль, ничего не видя.

Наконец, он заметил ее — шорты защитного цвета и желтая футболка практически сливались с выцветшими на солнце полями. Он резко остановился, почувствовав сначала прилив облегчения, но затем смутился. Гретчен повернула голову, кинула на него быстрый взгляд, потом забросила ружье за плечо и помахала рукой. Он очень надеялся, что она не заметила, как он бежал. Гретчен направилась к нему прямо через поле.

— Эй, быстро ты добрался! — крикнула она еще издалека. На шее у нее висели розовые наушники для стрельбы.

— Надеюсь, я не помешал? — Он позвонил прямо с кладбища. — Мне нужно было увидеть хоть одно дружеское лицо.

— Да все в порядке. Рада тебя видеть. У меня еще час до того, как нужно будет ехать забирать Лэчи из школы.

Фальк огляделся, надеясь урвать минуту, чтобы отдышаться.

— Хорошее у тебя тут местечко.

— Спасибо. Кролики, похоже, тоже так думают. — Она качнула головой в сторону поля. — Надо бы мне еще парочку сбить, для ровного счета. Пошли, можешь поработать наводчиком.

Он пошел следом за ней через поле туда, где она оставила оружейный кофр. Порывшись, она выудила из кофра еще пару противошумных наушников. Потом — коробку патронов. «Винчестеры». Не «ремингтоны», найденные в телах Хедлеров, автоматически отметил Фальк. Снова облегчение, а потом — укол чувства вины из-за того, что вообще об этом

подумал. Гретчен перезарядила ружье.

— Нора у них вон там. — Гретчен указала рукой направление, морщась от яркого солнца. — Как заметишь кролика, давай наводку.

Фальк натянул наушники, и внешний мир будто погрузился под воду. Эвкалипты-призраки беззвучно раскачивались на ветру. Звуки, раздававшиеся внутри черепа, наоборот, зазвучали громче: буханье крови в ушах. Стук зуба, задевшего о зуб.

Он не сводил взгляда со входа в нору. Долгое время ничего не двигалось, потом — земля будто дернулась. Он только собирался привлечь внимание Гретчен, но она уже подняла ружье к плечу, прищунив глаз. Прицелилась; дуло ружья описало плавную арку, следуя за кроликом. Последовал приглушенный выстрел, и с ближайшего эвкалипта вспорхнула стайка розовых какаду.

— Хорошо, кажется, мы его достали, — сказала она, стягивая наушники. Прошагав по полю, она склонилась к земле у норы и, выпрямившись, триумфально потрясла кроличьей тушкой.

— Прекрасный выстрел, — сказал он.

— Хочешь тоже попробовать?

Не то чтобы Фальку очень хотелось пострелять. На кроликов он не охотился с тех пор, как был еще подростком. Но она уже протягивала ему ружье, так что он только пожал плечами.

— Давай.

Ружье было еще теплым на ощупь.

— Ну, ты знаешь, что и как, — сказала Гретчен. Потом, привстав на цыпочки, надела ему наушники. Фальк повернулся к норе, все еще чувствуя шейей случайное прикосновение ее пальцев. Пригляделся, сощунив глаза. На земле все еще подсыхала кровь. Это напомнило ему о том пятне, которое осталось после Билли Хэдлера, и он почувствовал, как по позвоночнику пробежал холод. Ему вдруг совершенно расхотелось это делать. У норы опять что-то двинулось.

Гретчен, прикоснувшись к его плечу, указала направление. Он не отреагировал. Она опять тронула его за руку.

— Что-то не так? — он скорее угадал, чем услышал ее вопрос. — Вон он, прямо там.

Он опустил ружье и стянул с головы наушники.

— Прости, — сказал он. — Слишком много времени прошло, наверное.

С секунду она просто смотрела на него, потом кивнула.

— Это точно, — похлопав его по плечу, она забрала у него ружье. — Ты ведь понимаешь, что я все равно его пристрелю? Не могу оставить их

орудовать в поле.

Она подняла ружье, замерла на секунду и выстрелила. Фальк знал, что она не промахнулась, даже когда они только еще шли к норе.

* * *

Войдя в кухню, Гретчен собрала со стола аккуратно разложенные бумаги.

— Располагайся. Постарайся не обращать внимания на беспорядок, ладно? — Она поставила на расчищенное место кувшин воды со льдом. — Я тут заполняла заявки для школьного комитета — мы все стараемся раздобыть дополнительное финансирование. Фонды всякие и так далее. Вот думала попробовать опять траст Кроссли, хотя Скотт считает, что это пустая трата времени. Посмотрим, может, в этом году и выберемся из шорт-листа. Проблема в том, что, если кто-то дает тебе денег, ему надо знать абсолютно все.

— Похоже, тебе предстоит куча писанины.

— Просто кошмар. И не то чтобы я в этом была сильна — слава богу, раньше членам комитета этим заниматься не приходилось. — Она помолчала. — Поэтому не надо бы мне жаловаться. Это была работа Карен. В общем, понимаешь...

Фразы она не закончила.

Помогая Гретчен складывать бумаги на боковой столик, Фальк огляделся. Он и сам не знал, что ожидал увидеть. На кухне было чисто, но и мебель, и принадлежности явно знавали лучшие времена.

На почетном месте среди прочих памятных вещей стояла фотография Лэчи, сына Гретчен. Он взял ее в руки, пробежав пальцем по зубастой улыбке парнишки. Подумал опять о Билли, как он плелся за Карен через школьную стоянку на видео с камеры наблюдения. Всего за восемьдесят минут до конца его короткой жизни. Он поставил фотографию на место.

— Слушай, странный вопрос: а Карен когда-нибудь упоминала обо мне? — сказал он, и Гретчен в удивлении вскинула на него глаза.

— О тебе? Нет, не думаю. Но мы с ней мало разговаривали. А что? Вы с ней разве были знакомы?

Фальк пожал плечами. В тысячный раз задумался о номере телефона, записанном ее рукой.

— Нет, не думаю. Мне просто интересно, может, мое имя всплывало когда-нибудь в разговоре.

Гретчен внимательно смотрела на него своими ясными глазами.

— Я лично не слышала. Но, как я говорила, я не так уж хорошо знала

Карен.

Она чуть пожала плечами: тема закрыта. Последовало немного неловкое молчание, прерываемое только звоном льда. Налив им по бокалу, Гретчен подняла свой и сказала:

— Твое здоровье! Иногда — но не всегда — это вкуснее вина!

Запрокинув голову, она сделала долгий глоток; он смотрел, как вздрагивает ее горло.

— Как продвигаются дела с расследованием? — спросила Гретчен, закончив пить.

— Джейми Салливан, похоже, чист.

— Правда? Это хорошо, да ведь?

— Хорошо для него. Не уверен, что это сильно продвигает дело в целом.

Гретчен чуть склонила голову набок.

— Но ты останешься, пока вы не разберетесь?

Фальк пожал плечами.

— Судя по тому, как идут дела, — сомневаюсь. Мне нужно вернуться на работу на следующей неделе, — он помолчал. — Наткнулся тут сегодня на Мэла Дикона.

Он рассказал ей о встрече на кладбище.

— Только не давай ему себя зацепить. У него не все дома, — потянувшись через стол, Гретчен легонько коснулась пальцами его руки. — Двадцать лет прошло, а он все пытается свалить на тебя вину за то, что случилось с Элли. Он так никогда и не поверил, что вы с Люком в тот день были вместе.

— Гретчен, послушай...

— Если кто тут и виноват, так это сам Дикон, — продолжала она. — Он сам и довел дочь до того, что она утопилась. Да он годами искал, на кого бы это свалить.

— Так ты никогда не сомневалась, что это было самоубийство?

— Нет, — она удивленно взглянула на него. — Конечно, нет. Какие тут сомнения?

— Я просто спросил. Знаю, под конец она вела себя немного странно. Стала очень замкнутой. И уж конечно, жизнь с Диконом была, наверное, сущим кошмаром. Но я никогда не подозревал, что она была в таком отчаянии. Уж конечно, не настолько, чтобы наложить на себя руки.

Гретчен безрадостно рассмеялась.

— Господи, какие же вы, парни, были слепые. Элли Дикон была страшно несчастна.

Урок закончился, и Элли побросала учебники в сумку. Начала было списывать с доски домашнее задание, но остановилась, не донеся ручку до бумаги. Какой смысл? Она думала сегодня вообще школу пропустить, но, в конце концов, нехотя решила идти. Это только привлекло бы к ней внимание. А ей это совершенно не нужно. Лучше всего вести себя как обычно. Не высовываться и надеяться на — ну, если не на лучшее, то, по крайней мере, чтобы не стало хуже.

В коридоре было полно народу. Компания ребят болталась вокруг портативного радио, слушая трансляцию с крикетного матча. Австралия против ЮАР. Парни восторженно завопили: шестиочковый. Настроение у них явно было уже субботнее.

Элли попыталась припомнить, когда в последний раз ощущала что-то подобное. Она просто не могла вспомнить. Рабочие дни — это уже было достаточно плохо, но выходные были гораздо хуже. Они тянулись бесконечно, и каждый раз понедельник, казалось, еле маячил на горизонте.

Но не эти выходные. Она баюкала эту мысль у себя в груди, проталкиваясь по коридору. После этих выходных все будет по-другому. Конец у этих выходных будет вполне отчетливый.

Полностью погрузившись в свои мысли, Элли подскочила, когда кто-то поймал ее под локоть, прижав нечаянно свежий синяк. Элли поморщилась.

— Эй. Куда спешим? — На нее сверху вниз смотрел Люк Хэдлер.

— Что ты имеешь в виду? — Фальк посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Аарон, — ответила она. — Ты был там. Видел то же самое, что и я. Какая она была странная в эти последние дни. То есть когда она проводила с нами хоть какое-то время. Мы ж ее практически не видели. Вечно она была на этой дурацкой работе, или... или не знаю, где еще. Уж точно не в нашей компании. И она совершенно прекратила пить, ты это помнишь? Она говорила, это чтобы вес сбросить, но задним числом я почти уверена, что она нам лапшу на уши вешала.

Фальк медленно кивнул. Это он помнил. Он тогда еще удивился, потому что ее тянуло к выпивке, пожалуй, больше, чем любого из них. Удивляться особо нечему, учитывая ее наследственность.

— Ты думаешь, она и вправду завязала?

Гретчен грустно пожала плечами.

— Не знаю. Может, она не доверяла себе насчет алкоголя. Не знала, что способна натворить. И как мне ни неприятно это говорить, но Люк был кое в чем прав, когда мы все поссорились тогда на обрыве.

— Ты это о чем?

— Я не говорю, что он был прав, когда попытался нас вот так надуть, — поспешно сказала она. — Это была ужасная идея. Но он сказал тогда, что Элли совсем перестала понимать шутки. Зря он это сказал, конечно, но это была правда. Она правда перестала. Естественно, в том его идиотском розыгрыше совершенно не было ничего смешного. Но к тому времени она не смеялась ни над чем вообще. Всегда трезвая, всегда серьезная, и вечно исчезала куда-то сама по себе. Ты же помнишь.

Фальк молчал. Он помнил.

— И я думаю... — Гретчен осеклась.

— Думаю — что?

— Думаю, если посмотреть правде в глаза, — давно было понятно, что Элли Дикон у себя дома подвергалась насилию.

Элли высвободилась из хватки Люка и потеряла больное место. Он, похоже, ничего не заметил.

— *Куда торопишься? Хочешь, пойдём в город, выпьем по коле или чего там еще?*

Люк явно старался говорить небрежным тоном. Элли уже потеряла счет его попыткам остаться с ней наедине с той ссоры на обрыве. Каждый раз она его отбрасывала. Ей пришло было в голову, что, может, он собирается просить прощения, но у нее просто не было ни сил, ни желания это выяснять. Типичный Люк, подумала она. Чтобы он попросил прощения, тебе же самой приходится как-то напрягаться.

— *Я не могу. Не сейчас.*

Она намеренно не сказала «прости». На секунду она задумалась, может, стоит с ним помириться, ради прошлой дружбы. Они же знали друг друга чуть не с пеленок. Одних воспоминаний сколько. Но тут он напустил на себя мрачный, обиженный вид, и она поняла, что дело того не стоит. У Элли Дикон в жизни было достаточно мужчин, которые всегда готовы были брать, но не давать. Лучше забыть об этом. Люк Хэдлер был тем, кем он был, и это никогда не изменится.

Фальк опустил глаза. Сожаление и чувство вины теснились у него в груди. Гретчен тронула его за руку.

— Знаю, признать это непросто, — сказала она. — Но все признаки были налицо. Просто мы были чересчур молодыми и эгоцентричными, чтобы это понять.

— Почему же она ничего нам не сказала? — спросил Фальк.

— Может, боялась. Или даже стыдилась.

— Или ей казалось, что всем наплевать.

Гретчен взглянула на него.

— Она знала, что тебе не наплевать, Аарон. Вот поэтому-то ее тянуло к тебе, а не к Люку.

Фальк помотал головой, но Гретчен кивнула.

— Это правда. Ты был таким надежным. Она всегда могла на тебя положиться. Заговори она — ты бы ее выслушал. Ну ладно, да, Люк был более ярким, и язык у него был подвешен лучше, чем у тебя. Но это не всегда хорошо. Люк был звездой, но людям, по большей части, не слишком нравится играть роль второго плана в своей собственной жизни. С тобой было по-другому. Ты-то всегда беспокоился больше о других, чем о себе. Иначе тебя сейчас не было бы в Кайверре.

— Привет, Элли.

Она уже прошла полпути по коридору, когда услышала оклик из пустой классной комнаты. Заглянув внутрь, она увидела Аарона Фалька, который упаковывал какие-то комнатные растения в большую картонную коробку. Она улыбнулась про себя и зашла в класс.

— *Как прошла презентация? Опять лучший в классе?* — спросила она. *Подхватила побег папоротника, выбравшийся из коробки, свернула и уложила обратно. Аарон скромно пожал плечами.*

— *Не знаю. Нормально. Растения — это, в общем-то, не мое.*

Элли была уверена: он ни за что не признается, но, скорее всего, он справился на «отлично». Когда дело доходило до учебы, Аарону особо напрягаться не приходилось. Она в этом году тоже особо не напрягалась, но с совершенно другими результатами. Учителя уже успели махнуть на нее рукой.

Он закрыл коробку и неловко подхватил ее своими длинными руками.

— *И как я допру это до дома? Может, поможешь? А я тебя колой угощу.*

Тон у него был практически такой же небрежный, как и у Люка, но он слегка покраснел и избегал глядеть ей в глаза. После того поцелуя под деревом-скалой между ними повисла неловкость. И ссора на обрыве положение дел никак не улучшила. Ей вдруг захотелось рассказать, объяснить ему все, но она не могла подобрать слов. Вместо этого ей захотелось взять в руки его лицо, поцеловать опять и сказать, что он сделал все что мог.

Он все еще ждал, и она заколебалась. Она могла пойти с ним. Много времени бы это не заняло. Но она сказала себе: нет. Решение принято. Ей нужно было быть в другом месте.

— Не могу. Прости, — сказала она искренне.

— Да ничего страшного. — Он широко улыбнулся в ответ, и ей вдруг стало очень грустно. Аарон был хорошим парнем. Ей с ним всегда было спокойно.

Ты должна ему рассказать.

Эта идея сама собой прыгнула ей в голову. Она потрясла головой. Нет. Он только попытается ее остановить. Но потом, взглянув в его такое открытое лицо, она почувствовала, как у нее внутри все сжимается от страшного одиночества. И задумалась — может, это именно то, чего ей бы и хотелось.

— Бедная Элли, — произнес Фальк. — Господи, мы ведь были ее друзьями и так ее подвели.

Гретчен опустила взгляд на руки.

— Я знаю. Я тоже чувствую себя виноватой. Но постарайся не терзать себя слишком уж сильно. Другие тоже наверняка что-то подозревали, но предпочли закрыть на это глаза. Ты же ребенком был. Все, что ты мог, ты сделал, это точно. И ты всегда был к ней так внимателен.

— Значит, недостаточно внимателен. Что бы она ни чувствовала, что бы на нее ни свалилось, это происходило прямо у нас под носом, а мы даже ничего не замечали.

На кухне было так спокойно и уютно, и Фальку казалось, что у него никогда не хватит силы воли поднять усталое тело с дивана и уйти. Гретчен, чуть пожав плечами, вложила в его руку свою. Ладонь у нее была теплая.

— Мы все получили тяжелый урок. Много всего тогда происходило. И далеко не все вертелось вокруг Люка.

Элли взглянула на Аарона. Он улыбался ей. Скажи ему, прошептал голос у нее в голове, но она велела ему заткнуться. Стоп. Решение уже принято. Она не скажет никому.

— Мне пора. — Элли повернулась было, чтобы уйти, но остановилась. Мысль о том, что вскоре произойдет, омыла ее волной безрассудства. Не успев осознать, что она делает, Элли сделала шаг вперед, наклонилась над коробкой с растениями, которую Аарон все еще держал в руках, и легонько поцеловала его в губы. Они были сухими и теплыми. Потом она резко отступила, больно ударившись бедром об угол стола.

— Ладно. Увидимся. — Ей показалось, что это прозвучало ужасно фальшиво. Дождаться ответа она не стала.

Повернувшись к выходу, Элли чуть не подскочила от страха. Лениво

опершись о косяк, в дверях стоял Люк Хэдлер. Не издавая ни звука, он наблюдал за происходящим с непроницаемым выражением на лице.

— Пока, Люк, — сказала она, протиснувшись мимо него.

Ответной улыбки она не получила.

Глава тридцатая

Фальк сидел в номере у себя на кровати, на которой везде были разложены бумаги. Внизу, в пабе, было тихо. Последние посетители ушли несколько часов назад. Фальк молча пялился в собственные заметки по делу Хэдлеров. Соединял отдельные пункты так и сяк, пока схема не начала напоминать затейливую паутину. Одни тупики. Он взял свежий лист бумаги и начал заново. С тем же результатом. Он взял мобильник и набрал номер.

— Мне кажется, Элли Дикон подвергалась насилию в семье со стороны отца, — сказал он, когда Рако поднял трубку.

— Чего? Погоди-ка, — голос на другом конце линии звучал как-то сонно. Трубку явно прикрыли рукой, и Фальк разбирал только приглушенное бормотание двух голосов. Рита, наверное, подумал Фальк. Он посмотрел на часы. Было позднее, чем ему казалось.

Прошла минута, прежде чем Рако заговорил опять:

— Ты все еще здесь?

— Прости, времени не заметил.

— Да неважно. Что там насчет Элли.

— Да просто кое-что всплыло в разговоре с Гретчен сегодня. Насчет того, что Элли была несчастна. Не просто несчастна, а на грани отчаяния. Уверен, дома она подвергалась насилию.

— Физическому? Сексуальному?

— Не знаю. Может, и то, и то.

— Понятно, — сказал Рако.

Последовало молчание.

— У Дикона нет алиби на то время, когда были убиты Хэдлеры.

Из трубки донесся вздох Рако.

— Дружище, ему уже за семьдесят, и с головой проблемы. Может, он и ублюдок, но старый и довольно-таки хилый.

— И что? Ружье-то в руках он держать умеет.

— А то, — бросил Рако, — что, как мне кажется, на твои суждения влияет тот факт, что ты терпеть его не можешь после того, что случилось двадцать лет назад.

Фальк ничего не ответил.

— Прости, — сказал Рако. Он зевнул. — Что-то я устал. Поговорим

завтра.

Он на секунду умолк.

— Рита передает привет.

— И ей тоже привет. И мои извинения.

— Спокойной ночи.

И связь оборвалась.

Казалось, прошло всего несколько минут, и Фалька разбудила сверлящая, сухая трель городского телефона. С невероятным усилием он приоткрыл один глаз. Не было еще и семи. Он лежал, прикрыв локтем глаза, пытаясь наскрести в себе достаточно энергии, чтобы снять трубку. К счастью, звук был настолько невыносимым, что это придало ему сил. Он потянулся и взял трубку.

— Господи, наконец-то, — сказал Макмердо. — Я тебя разбудил?

— Да.

— Ладно, дружище, это не важно. Слушай, нужно, чтобы ты спустился. Прямо сейчас.

— Я не одет...

— Просто спускайся, — сказал Макмердо. — Встретимся сзади, на стоянке. Помогу, чем могу.

Машина Фалька вся была в дерьме. Оно потеками и разводами украшало кузов, образуя лужицы под дворниками на лобовом стекле и у колес. Все это уже успело немного подсохнуть в лучах утреннего солнца, успев схватиться в процарапанных в краске буквах. Надпись «МЫ ТЕБЯ УРОЕМ» больше не отсвечивала серебром. Теперь она была выполнена в дерьме.

Фальк подбежал к машине. Пришлось прикрыть лицо рубашкой, но запах все равно затекал в нос, в рот. Казалось, его можно было жевать. Мухи буквально сходили с ума. Они вились вокруг, садились ему на волосы, на лицо, и он с отвращением отмахивался от них рукой.

В салоне дела обстояли еще хуже. Фальк обычно не поднимал стекло до конца, чтобы дневной жар хоть немного выветривался за ночь. Кто-то умудрился просунуть в эту щель шланг, и теперь руль, радио, приборная доска все были заляпаны отвратительной жижей. На сиденьях, на полу растеклись мутные лужи. Все остальные машины на стоянке остались нетронутыми. Макмердо стоял в стороне, прикрыв лицо локтем. Он покачал головой.

— Что за адская хрень, дружище. Мне страшно жаль. Я тут помойку

выносил и увидел. Они, наверное, ночью это сделали. — Макмердо помолчал. — По крайней мере, это навоз. По большей части. Наверное.

Продолжая зажимать нос рубашкой, Фальк молча обошел вокруг машины. Бедный автомобиль. Сначала поцарапали, а теперь и вовсе прикончили. Задержав дыхание, он осторожно, стараясь не слишком приближаться, заглянул внутрь сквозь заляпанное окно. Под слоем грязи на сиденье было что-то еще. Он отступил, не решаясь раскрыть рот, чтобы заговорить.

На заднем сиденье, залитые и пропитанные дерьмом, были рассыпаны сотни листовок с призывом к дальнейшему расследованию смерти Элли Дикон.

Настроение в участке было унылое.

— Я, конечно, сделаю Доу и его дяде строгое предупреждение, дружище, — сказал Фальку Рако, снимая с телефона трубку. — Прикинешь стоимость машины? Может, будет какая-то компенсация.

Фальк в рассеянности пожал плечами. Он склонился над столом, вперив невидящий взгляд в бумаги по делу Хэдлеров. Рако на другой стороне комнаты повесил трубку и теперь сидел, подперев голову руками.

— Дикон, похоже, решил нанести предупреждающий удар, — сказал он Фальку. — Он подал жалобу. На тебя.

— Да ну, — Фальк скрестил на груди руки и поглядел в окно. — А я думал, это у меня машина покрыта дерьмом.

— Он сказал, ты проявил по отношению к нему агрессию. Делал что-то на могиле его дочери, я не понял. Едет сюда с адвокатом.

— Нда. — Фальк не стал оборачиваться.

— Должен ли я спросить?...

— Я ничего не делал, но свидетелей нет. Так что это будет его слово против моего. И мотив у меня, можно сказать, есть, так что... — Фальк пожал плечами.

— И тебя это не беспокоит? Это не пустяки, дружище. Мне придется принять жалобу, а потом оно пойдет дальше по инстанции. У тебя могут быть неприятности по работе.

Фальк повернулся.

— Конечно, это ж Дикон, верно? — Фальк говорил так тихо, что Рако подался вперед, чтобы его слышать. — Сеет хаос и разрушение, где бы он ни появился. Раньше он бил жену и дочь, возможно, тоже. Была у него определенная власть над людьми, и он использовал ее, чтобы выжить нас с отцом из города. Бог знает, что сделал его племянник, почему Карен

Хэдлер написала его имя за считанные дни до смерти. От этой парочки дурно пахнет. И никто никогда их на этом не ловит.

— Так что ты предлагаешь?

— Я ничего не предлагаю. Просто говорю, что Дикон заслуживает, чтобы его повесили за яйца. Обвинение в вандлизме будет значить, что он слишком легко отделался. Он совершенно точно замешан в чем-то похуже. Хэдлеры, его дочь. Что-то точно есть. Я знаю.

Хлопнула входная дверь. Прибыли Дикон с его адвокатом.

— Дружище, послушай, что я тебе скажу, — быстро сказал Рако. — Наверняка ты этого не знаешь. Если тебя поймут на подобных разговорах за пределами участка — от этой жалобы тебе уже не отделаться, так что следи за языком. Никакой связи между Диконом и убийством Хэдлеров не существует, как бы тебе ни хотелось, чтоб она была.

— Спроси его.

— Ты необъективен. Это опасная дорожка.

— Просто спроси.

Адвокат была молоденькой и вся кипела решимостью бороться за права своего клиента. Рако терпеливо слушал ее излияния, показывая посетителям дорогу в комнату для собеседований. Фальк проводил их взглядом, потом в бессильном раздражении откинулся на спинку стула. Дебора, выйдя из-за стойки, вручила ему бутылку холодной воды.

— Так себе, наверное, ждать тут, снаружи, пока Мэл Дикон сидит там, внутри, — сказала она.

— Да, — Фальк вздохнул. — Правила. Работают на тебя, пока не начинают работать против тебя.

— Знаете, что вам нужно? Занять себя чем-то, пока вы ждете, — она кивнула в сторону коридора. — Кладовка давно уже напрашивается на уборку.

Фальк взглянул на нее.

— Не думаю, что...

Дебора поглядела на него поверх очков.

— Идите-ка за мной.

Она отперла дверь кладовки и поманила его внутрь. В тесном помещении было пыльно; полки были завалены бумагами и офисными принадлежностями. Прижав палец к губам, она тронула себя за ухо. Из вентиляционной решетки над полками доносились приглушенные, но вполне различимые голоса.

— Для записи: я сержант Рако, присутствует также мой коллега

констебль Барнс. Пожалуйста, назовите свои имена.

— Сесилия Терджес, — звонким, четким голосом представилась адвокат.

— Малькольм Дикон.

Фальк обернулся к Деборе.

— Это необходимо исправить, — прошептал он, и она — он мог бы в этом поклясться — ему подмигнула.

— Я знаю. Но не прямо сейчас.

Она вышла, закрыв за собой дверь, а Фальк уселся на какую-то коробку и приготовился слушать.

Адвокат Дикона явно так и рвалась в бой.

— Мой клиент... — начала она и резко замолчала.

Фальк ясно представил себе, как Рако разворачивает навстречу словесному потоку ладонь, призывая к терпению.

— Мы получили от вас письменную копию жалобы на федерального агента Фалька. Спасибо большое, — голос Рако донесся из вентиляционного отверстия. — Как вам известно, технически он не находится на службе и не является членом этого подразделения. Поэтому жалоба будет направлена по инстанции его непосредственному руководству.

— Моему клиенту хотелось бы получить гарантии, что его оставят в покое и...

— Боюсь, подобного рода гарантий я вам дать не могу.

— Почему нет?

— Потому что ваш клиент живет по соседству с домом, где были застрелены насмерть три человека. И на данный момент алиби у него отсутствует, — сказал Рако. — Он также является подозреваемым в деле о вандализме по отношению к автомобилю, случившемся прошлой ночью. До этого мы еще доберемся.

Последовала тишина.

— Что касается смерти трех членов семейства Хэдлеров, мистер Дикон не может более ничего добавить...

В этот раз адвоката прервал Дикон.

— Хрена лысого я замешан в той пальбе, так и запишите, — послышался его хриплый голос.

— Мистер Дикон, мой вам совет... — вмешалась было адвокат.

— Ой, милая, да заткнись уже, а? — ядовито оборвал ее Дикон. — Да что ты понимаешь, как здесь дела делаются. Эти субчики пришьют мне дело, и глазом не моргнут, дай им только шанс. И мне не надо, чтобы ты

дала им меня натянуть.

— И все же ваш племянник попросил меня помочь вам...

— Не понял? Сиськи тебе не только думать, еще и слушать не дают?

Последовала долгая тишина. Фальк, сидя в кладовке один, не сдержал улыбки. Старый добрый сексизм — нет ничего лучше, чтобы отвергнуть хороший совет. Что ж, Дикон потом никак не сможет сказать, что его не предупреждали.

— Может, расскажешь нам о том дне, Мэл. Пожалуйста. — Голос у Рако был спокойный, но твердый. Сержанта ждет отличная карьера. подумал Фальк. Если только это дело не подкосит его энтузиазм на самом корню.

— Нечего мне рассказывать. Я был у дома, изгородь чинил, и вот вижу, к дому Люка подъехал его пикап.

Голос у Дикона звучал настороженно, каким Фальк его еще ни разу не слышал, но говорил он гладко, будто заранее все выучил.

— Хэдлер постоянно то уезжает, то приезжает, поэтому никакого внимания я на это не обратил, — продолжал Дикон. — Потом с их стороны донесся выстрел. Я пошел в дом. Потом, еще немного погодя, — еще один.

— Вы как-то отреагировали?

— И как я должен был реагировать? Это же, на хрен, ферма. Стреляют каждый день. Мне-то откуда было знать, что это их хозяйка и ее ребенок?

Фальк так и видел, как Дикон пожимает плечами.

— Да по-любому я внимания не обращал, я же сказал. Потому что я по телефону разговаривал.

Последовало потрясенное молчание.

— Что? — Фальк полностью разделил недоумение, прозвучавшее в голосе Рако. В показаниях Дикона не было и намека на телефонный звонок. Фальк знал. Он эти показания изучил вдоль и поперек.

— А че? — переспросил Дикон, явно не понимая, в чем дело.

— Вам позвонили? В то время, как вы слышали выстрелы?

— Ну да, — ответил Дикон. — Я ж говорил.

Но голос у него изменился. Уверенности в нем поубавилось.

— Нет, вы не говорили, — сказал Рако. — Вы сказали, что ушли в дом и уже там слышали второй выстрел.

— Ну да, я и в дом-то пошел *потому*, что зазвонил телефон, — сказал Дикон. Но он явно колебался. Говорил он теперь медленнее, и на последнем слове запнулся. — Это та фифа из аптеки звонила, сказать, что лекарство готово.

— В момент, когда вы слышали второй выстрел, вы разговаривали по

телефону с девушкой из аптеки? — спросил Рако явно не в силах поверить услышанному.

— Ну да, — сказал Дикон безо всякой уверенности. — Разговаривал. Думаю, да. Потому что она еще спросила, мол, что это там грохнуло, и я ответил: пустяки, это на ферме.

— Вы по мобильному разговаривали?

— Нет. По городскому. Мобильный там вообще ни хрена не берет.

— Почему же вы нам раньше не сказали? — спросил Рако.

Последовало долгое молчание. Когда Дикон заговорил опять, голос у него был, как у ребенка.

— Не знаю.

Фальк знал. Маразм. Сидя на своем ящике, он прижался лбом к прохладной стене. Внутри у него все кричало от разочарования. Из-за решетки донеслось деликатное покашливание. Когда адвокат заговорила, голос у нее был очень довольный.

— Думаю, мы здесь закончили.

Глава тридцать первая

Рако продержал Дикона в комнате для собеседований еще двадцать минут, задавая ему вопросы насчет Фальковой машины, но все было зря. В конце концов он отпустил старика, который отделался строгим предупреждением.

Фальк взял ключи от полицейской машины и подождал позади участка, пока не уедет Дикон. Он дал ему пять минут, а потом медленно двинулся по дороге к ферме Дикона. Знакомый уже пожарный знак по дороге все еще показывал максимальный уровень тревоги. Он повернул под выцветший указатель с амбициозной надписью: «Поместье Дикона» и затрясся по гравиевой дороге. Несколько довольно потрепанных овец подняли морды, с надеждой провожая его взглядом.

Дом стоял высоко на холме; по дороге открывались захватывающие дух виды на окружающие сельские пейзажи. Справа, в тенистой долине, был отчетливо виден дом Хэдлеров. Сушилка-вертушка отсюда казалась паутинкой на палочке, а садовые скамейки — мебелью из кукольного домика. Двадцать лет назад он любил этот вид и любовался им всякий раз, как бывал у Элли. Теперь смотреть на него было невыносимо.

Фальк остановил машину рядом с покосившимся сараем; Дикон все еще пытался запереть свою машину. Руки у него тряслись; он уронил ключи. Сложив руки на груди, Фальк молча наблюдал, как старик медленно, с трудом наклоняется и шарит в пыли. Притрусилась собака Дикона и, усевшись у ног хозяина, заворчала на Фалька. Дикон поднял взгляд. И в кои-то веки в его взгляде не было привычной злобы. Только недоумение и усталость.

— Я же только что в участке был, — сказал Дикон, но уверенности в его голосе не было.

— Да. Так и есть.

— Так что тебе тогда надо? — Дикон постарался выпрямиться, насколько мог. — Пришел дать старику в морду, пока никто не видит? Трус.

— Я не собираюсь прощаться с карьерой только ради того, чтобы тебя ударить.

— Так что тогда?

Это был хороший вопрос. Фальк смотрел на Дикона. Двадцать лет этот

человек был главным пугалом его жизни. Тать в ночи, бука из-под кровати, кровавый монстр. И вот он стоит перед ним. Но ярость, клокодавшая у Фалька в горле, была разбавлена чем-то еще. Определенно не жалостью, нет.

Скорее, осознал Фальк, он чувствовал себя обманутым. Он слишком долго откладывал противостояние с чудовищем, и со временем оно состарилось и усохло, и честной схваткой здесь теперь и не пахло. Фальк шагнул вперед, и в глазах Дикона мелькнул страх. Фалька обжег стыд, и он остановился. Да что он здесь делает?

Он посмотрел Дикону прямо в глаза.

— Я не имею никакого отношения к смерти твоей дочери.

— Брехня. Твое имя было в той записке. И алиби твое тоже брехня...

Слова прозвучали так, будто их заученно повторяли, раз за разом.

— Откуда тебе знать, — резко прервал его Фальк. — Дикон? Ответь. Почему ты всегда был так уверен, что мы с Люком не были вместе в тот день, когда она умерла? Такое впечатление, что ты знаешь о том дне гораздо больше, чем рассказываешь.

Когда Дикон вошел в дом, обедом там и не пахло, и он ощутил вспышку раздражения. На старом коричневом диване в гостиной валялся его племянник. Глаза у него были закрыты, а на животе он придерживал банку пива. Орало радио: трансляция с крикетного матча. «Осси» гоняли южноафриканцев по всему полю.

Дикон прицельным пинком сбросил с дивана ноги племянника, обутые в башмаки.

— *И где, на хрен, жратва?*

— *Элли еще со школы не вернулась.*

— *А тебе что, лень задницу поднять? Я тут с самого утра вкалываю.*

Грант пожал плечами:

— *Это работа Элли.*

Дикон раздраженно крякнул, но Грант был прав. Это действительно была работа Элли. Выудив банку пива из упаковки, стоявшей у Гранта под боком, он прошел внутрь дома.

В спальне дочери было чисто, как в больнице. Разительный, почти брезгливый контраст с хаосом, царившим в остальной части дома. Стоя в дверях, Дикон глотнул из банки. Его взгляд цепко обшаривал спальню, но зайти внутрь что-то мешало. Он стоял на пороге этой безупречной комнаты и ощущал странную неловкость. Словно что-то здесь было не на месте. Будто выбившаяся из ковра нитка. Или трещина в стене. Вроде

выглядит идеально, но что-то не так.

Его взгляд метнулся к белому изголовью. В деревянной доске была небольшая круглая вмятина; краска в этом месте пошла трещинами и начала осыпаться. На розовом ковре под кроватью виднелось выскобленное пятно — маленький неровный круг. Ворс в этом месте был на пару тонов темнее. Почти незаметно, но все же оно здесь.

Дикон ощутил, как в животе тяжелеет холодный ком. Он смотрел на безмолвную спальню, на вмятину в изголовье и на пятно под кроватью, а алкоголь уже разносил по венам первые щупальца гнева. Его дочь уже должна была быть здесь, а ее нет. Стиснув банку в кулаке, он ждал, когда прохладная тяжесть окажет свое успокоительное воздействие.

Позднее он скажет полиции, что именно в этот момент у него зародилось подозрение: что-то серьезно не так.

Фальк пристально наблюдал за отцом Элли.

— Может, тебе и удалось представить доказательства, что насчет Хэдлеров у тебя руки чисты, — сказал Фальк. — Но тебе что-то известно о том, как умерла твоя дочь.

— Следи за языком, — голос у Дикона был тихий, но напряженный, как взведенная до предела пружина.

— Так вот почему ты всегда так стремился повесить на меня смерть Элли? Если подозреваемого нет, люди начинают оглядываться вокруг. Кто знает, что бы они обнаружили, если бы повнимательнее присмотрелись к тебе? Пренебрежение родительскими обязанностями? Насилие над ребенком?

Старик бросился на него с неожиданной силой, сбив его с ног. Грязная ладонь впечаталась Фальку в лицо. Собака бегала вокруг, истерически лая.

— Я тебя зарежу! — орал Дикон. — Еще хоть одно слово об этом, и я освежую тебя, как скотину! Я любил ее, слышишь, ты! Я любил мою девочку.

Сердце так и колотилось у Люка Хэдлера в груди. Он было протянул руку к радио и замер: Южная Африка перехватила было инициативу на поле. Но тут Австралия опять пошла в атаку, и, успокоившись, он выключил приемник.

Щедро обрызгав одеколоном обнаженную грудь, он распахнул дверцы шкафа. Не задумываясь, потянулся к любимой серой рубашке. Посмотрелся, застегивая пуговицы, в зеркало, сверкнул на пробу зубами. Ему нравилось то, что он видел, но Люк по опыту знал, что это еще ничего не значит. Чтобы понять, что там творится в голове у девчонок,

надо быть телепатом.

Вот сегодня, например. Образ Элли, прижимающейся своими красивыми, вечно надутыми губами ко рту Аарона, прыгнул ему в голову, и его отражение нахмурилось. В первый ли раз это случилось? Почему-то он был уверен, что нет. Люк ощутил вспышку чего-то, очень похожего на ревность. Да какое ему дело? Плевать он на это хотел. Но, черт, какой же Элли иногда бывает сучкой. Посылает его и тут же бежит к Аарону. Не то чтобы это сильно его беспокоило, но и ежу понятно: в этой картинке явно было что-то не так.

Длинные стариковские пальцы больно впились Фальку в щеку, и, стараясь высвободиться, он вывернул Дикону запястье. Столкнул с себя Дикона и, опрокинув его на спину, встал, отступив на шаг. Прошло всего несколько секунд, но оба уже тяжело дышали: в дело вступил адреналин. Дикон уставился ему прямо глаза; в уголках рта у него белыми хлопьями запеклась слюна.

Фальк склонился над ним, не обращая внимания на скалившую зубы собаку. Старый, больной человек распростерся на земле, и он стоял над ним. Позднее он будет себя за это ненавидеть. Но в этот момент ему было плевать.

К тому времени, как Аарон вернулся домой, коробка с растениями уже оттягивала ему руки, но с лица не сходила улыбка. Единственное, что слегка омрачало его настроение, — легкое сожаление об упущенных возможностях. Может, когда Элли вышла из класса, стоило пойти за ней. Люк, конечно, так бы и поступил, пришло ему в голову. Непринужденно продолжил бы разговор, убедил бы ее, что, может, ей все-таки хочется колы. Нахмурившись, он положил коробку на крыльцо. Совершенно определенно — Элли улыбнулась Люку, когда выходила из класса. Они теперь вроде едва разговаривали, и все-таки она ему улыбнулась?

После того как Элли ушла, Аарон внутренне подобрался, ожидая усмешки и язвительного комментария со стороны друга, но Люк только поднял брови.

— *Смотри, с этой надо быть начеку, — вот и все, что он сказал.*

Аарон предложил было пойти пошататься вместе по главной улице, но Люк потряс головой.

— *Прости, дружище, дела.*

У Элли вон тоже какие-то дела. Интересно, какие, подумал Аарон. Если ей нужно было на работу, она бы так и сказала, верно? Он с усилием изгнал из головы мысли о том, что за дела были у обоих его друзей в его

отсутствие.

Вместо этого, чтобы чем-то себя занять, он подхватил удочки и отправился к реке. Вверх по течению, где клевало хорошо. Или, вдруг пришло ему в голову, можно пойти к дереву-скале, а вдруг Элли там? Он тщательно взвесил возможности. Если бы она хотела его видеть, она бы так и сказала. Но ее иногда так трудно было понять. Может, если бы они проводили вместе больше времени, один на один, она бы поняла. С ним ей было бы хорошо. Но если он не мог даже заставить ее это понять, что-то было серьезно не так.

— Ты думаешь, это я убил твою дочь в тот день? — спросил Фальк, глядя на Дикона сверху вниз. — Ты думаешь, это я держал ее голову под водой, пока она не задохнулась, а потом лгал всем, лгал своему собственному отцу, все эти годы?

— Я не знаю, что случилось в тот день.

— А я думаю, ты знаешь.

— Я любил ее.

— И когда это, — спросил Фальк, — удерживало кого-то, чтобы причинять боль?

— Так ты мне хоть, на хрен, намекни. По шкале от одного до тюряги. Насколько ты вляпался?

Рако орал в трубку. Фальк вдруг осознал, что никогда прежде не слышал, чтобы Рако был зол.

— Ни на сколько. Слушай, да все в порядке. Остынь.

Фальк сидел в полицейской машине в километре от дома Дикона. На дисплее его телефона болталось семь пропущенных вызовов от Рако.

— Ни на сколько? — переспросил Рако. — Думаешь, я в ванной упал, когда в последний раз душ принимал? И головой стукнулся? У меня тут жалоба на тебя лежит, приятель. И мне прекрасно известно, где ты сейчас, думаешь, нет? Думаешь, я просто тупой деревенский осел, вообще ничего не соображаю?

— Что?! — сказал Фальк. — Нет. Рако, дружище, конечно, нет.

Он сам был потрясен собственной неспособностью держать себя в руках. Было ощущение чего-то неправильного, будто он носил чужую личину.

— Свалил, стоило только разговору закончиться, — мне, кстати, прекрасно известно, что ты слушал, — и я по голосу слышу, что ты успел влезть в какую-то заварушку с Диконом. Так что нет, не все в порядке.

Насколько мне известно, я до сих пор отвечаю за этот участок, и если ты полез к человеку, который уже подал на тебя жалобу, то Бога ради, приятель, у нас большие неприятности.

Последовало долгое молчание. Фальк представил, как Рако шагает взад-вперед по участку, а Дебора и Барнс прислушиваются к разговору. Фальк медленно вдохнул. Выдохнул. Сердце у него до сих пор колотилось как сумасшедшее, но здравый смысл начал постепенно возвращаться.

— Неприятностей у нас нет, — сказал Фальк. — Прости. Я сорвался. Это уже прошло. Если будут какие-то последствия, я за них отвечу, не ты. Обещаю.

Ответа не было так долго, что Фальк уже не был уверен, что Рако все еще здесь.

— Слушай, дружище, — Рако говорил тише, — мне кажется, все это для тебя немного чересчур. Учитывая твоё здешнее прошлое.

Фальк помотал головой, хотя увидеть это было некому.

— Нет. Я же тебе сказал. Это было минутное помешательство. Ничего плохого не произошло.

По крайней мере, *больше* ничего плохого.

— Слушай, ты сделал все, что мог. Даже больше, — говорил Рако. — Мы продвинулись дальше, чем я когда-либо смог бы, будь я один. Не думай, что я не знаю этого, дружище. Но, может, пора остановиться. Ввести Клайд в курс дела. Я сам виноват. Нужно было сделать это давным-давно. Это не твоя ответственность. И никогда ею не была.

— Рако, дружище...

— И ты помешался на Диконе с Доу. Помешался на том, чтобы уличить их. Такое ощущение, что ты пытаешься наказать их за Хэдлеров, чтобы расплатиться за то, что случилось с Элли...

— Дело вовсе не в этом! Имя Доу было написано рукой Карен...

— Я знаю, но никаких других улик нет! И у них алиби. Теперь — у обоих. — В трубке раздался вздох. — Тот звонок Дикона, во время выстрелов, похоже, подтвердился. Барнс сейчас раскапывает данные с телефонной станции, но девушка из аптеки все подтвердила. Она помнит этот разговор.

— Черт, — Фальк провел рукой по волосам. — Почему она раньше-то об этом не сообщила?

— Её никогда не спрашивали.

Пауза.

— Дикон этого не делал, — сказал Рако. — Он не убивал Хэдлеров. Тебе необходимо взглянуть правде в глаза. И поскорее. Нельзя все время

оглядываться на прошлое, это делает тебя слепым.

Глава тридцать вторая

Напряжение в плечах начало, наконец, отпускать где-то после третьего бокала красного, налитого ему Гретчен. Груз, лежавший на груди так долго, что Фальк уже почти перестал его замечать, вдруг стал легче. Расслабились напряженные мышцы шеи. Сделав глоток, он наслаждался ощущением, как пустеет забитая непонятно чем голова и образовавшуюся пустоту заполняет гораздо более приятный туман.

На кухне было темно; остатки ужина были уже убраны. Тушенная баранина. Это мой, сказала она. Животное, а не рецепт. Они вместе вымыли посуду — ее руки погружены в мыльную воду, его — работают полотенцем. Они действовали в полном согласии, и каждый втихомолку наслаждался ощущением домашнего уюта.

В конце концов они перебрались в гостиную, где он, сытый и довольный, погрузился на диван с бокалом в руке. Он наблюдал, как она неторопливо обходит комнату, приглушая свет настольных ламп, пока комната не погрузилась в теплые золотистые сумерки. Она нажала на невидимую кнопку, и над ними поплыл джаз. Что-то мягкое, ненавязчивое. Темно-бордовые занавески были отдернуты; их слегка пошевеливал ночной ветерок. Снаружи, за раскрытыми окнами, молчала земля.

Тем вечером Гретчен заехала за ним в паб на своей машине.

— А с твоей что случилось? — спросила она.

Он рассказал ей о вандалах. Она настояла на том, чтобы взглянуть самой, и они пошли на стоянку. Гретчен приподняла брезент кончиками пальцев. Снаружи машину помыли из шланга, но салон было уже не спасти. Она сочувственно погладила его по плечу, тихонько рассмеявшись. И вдруг все перестало казаться таким уж ужасным.

Когда они еще ехали проселками, Гретчен сказала ему, что Лэчи будет спать этой ночью у няни. Без каких-либо дальнейших пояснений. Под луной ее волосы, казалось, светились собственным светом.

Теперь она села к нему на диван. На тот же диван, но на другой конец. Расстояние, которое ему предстояло преодолеть. Ему всегда это непросто давалось. Расшифровывать знаки. Слишком рано — обида; слишком поздно — тоже. Она улыбнулась. Может, сегодня будет легче, подумалось ему.

— Значит, ты все еще противишься зову Мельбурна, — сказала она.

Сделала глоток. Вино было того же цвета, что и ее губы.

— В некоторые дни — почти терпимо, — сказал Фальк, улыбнувшись в ответ. Он чувствовал, как тепло растекается в груди, в животе. Ниже.

— А что, дело движется к концу?

— Честно, трудно сказать, — неопределенно ответил он. Ему не хотелось говорить о расследовании. Она кивнула, и они погрузились в уютное молчание. Меланхолические звуки джаза тонули в жарком воздухе.

— Эй, — сказала она, — хотела тут кое-что тебе показать.

Изогнувшись, она потянулась к книжным полкам позади дивана. Расстояние между ними сократилось; мелькнула полоска гладкой кожи на талии. Гретчен плюхнулась обратно на диван, прижимая к груди два фотоальбома. Толстых, в плотной обложке. Она было открыла первый из них, но, видимо, это было не то: Гретчен отложила его в сторону. Открыла второй. Придвинулась поближе к Фальку.

Расстояния как не бывало. Уже. А он даже вино не успел допить.

— Нашла тут недавно, — сказала она.

Он покосился на то, что она ему показывала. Ее обнаженный локоть касался его руки. Это напомнило ему о том дне, когда он впервые увидел ее вновь. На панихиде. Нет. Сейчас ему совсем не хотелось об этом думать. Только не о Хэдлерах. И не о Люке.

Фальк взглянул в раскрытый альбом. На первой странице под пластиком было распластано три или четыре фотографии. На них, в основном, была Гретчен, еще совсем ребенок: яркие, чуть рыжеватые тона из фотостудии при аптеке. Она перелистнула еще несколько страниц.

— Где же... О! Здесь. Смотри, — сказала она, наклоняя к нему страницу и указывая пальцем. Фальк наклонился к альбому. На фото был он. И она. Совершенно незнакомый снимок. Тридцать лет назад, он — с голыми коленками под серыми шортами, она — в школьном форменном платье, которое ей явно было велико. Они стоят рядом посреди группы других детишек в форме. Все остальные улыбаются, но они с Гретчен оба подозрительно щурятся на камеру. По-детски светлые волосы, у нее — золотистые, у него — почти белые. Оба позируют поневоле, точнее, по воле того, кто стоит за камерой, догадался Фальк, глядя на мрачные рожицы.

— Первый день школы, наверное. — Гретчен глянула на него искоса и подняла бровь. — Так что такое дело. Мы с тобой, похоже, подружились раньше всех.

Рассмеявшись, он чуть наклонился в ее сторону; она провела пальцем по картинке из прошлого, а потом — в настоящем — подняла на него

глаза. Алые губы раздвинулись в улыбке, блеснули белые зубы, и вот они уж целуются. Его рука у нее на спине — ближе, ближе; ее горячие губы на его губах; его нос, прижавшийся к ее щеке, и другая его рука у нее в волосах. Ее грудь мягко касается его груди, и он остро чувствует, как край ее джинсовой юбки прижимается к его бедрам.

Они оторвались друг от друга, хватая губами воздух, неловко смеясь. Он убрал выбившуюся прядь с ее лба, и вот она опять притягивает его к себе для поцелуя, и ее волосы пахнут шампунем, и каждый ее вздох на вкус как вино.

Звонка он не услышал. Только когда она вдруг остановилась, до него начало доходить что-то, что происходило во внешнем мире помимо них двоих. Он было решил не обращать внимания, но она коснулась его губ пальцем. Он поцеловал его.

— Шшш, — рассмеялась она. — Это твой или?... Нет, это мой. Прости.

— Да плюнь, — сказал он, но она уже отодвинулась и встала с дивана — прочь от него.

— Не могу, прости, это может быть няня. — Она чуть улыбнулась ведьмовской улыбкой, от которой щекотнуло кожу там, где ее касались ее губы. Он до сих пор чувствовал ее прикосновения. Она взглянула на экран. — Да, это она. Я сейчас вернусь. Будь как дома.

И она подмигнула ему. Игривый, веселый намек на то, что вскоре должно было произойти. Она вышла, а его губы уже раздвигала неудержимая улыбка.

— Привет, Андреа, у вас все в порядке? — услышал он.

Он шумно выдохнул и потер глаза кулаками. Потряс головой, отпил еще вина и выпрямился на диване, стараясь хоть немного вернуться к реальности. Но не слишком, чтобы не разрушить очарования момента, пока она не вернулась.

Голос Гретчен приглушено звучал из соседней комнаты. Откинув голову на спинку, он краем уха прислушивался к звуку ее голоса. Он звучал то выше, то ниже, складываясь в успокоительное журчание. Да, подумалось ему вдруг. Может, он смог бы к этому привыкнуть. Не в Кайверре, но, может, где-нибудь еще. Где-нибудь, где просторы и много травы и где идут дожди. Огромные пустые пространства его не пугали. От Мельбурна и реальной жизни его, казалось, отделяло пять часов езды — и миллион миль. Город, может, и стал для него второй кожей, но тут он впервые задумался: что лежит в глубине?

Он поменял позу, и рука наткнулась на гладкую обложку одного из альбомов. Голос Гретчен в соседней комнате звучал все так же —

неразборчиво и ровно. В ее тоне не было никакой тревоги, одно терпение — она явно кому-то что-то объясняла. Фальк положил альбом к себе на колени, лениво перевернул страницу, смаргивая навеянную вином дремоту. Он искал ту фотографию, где они были вдвоем, но сразу понял, что ему попался не тот альбом. Вместо детских снимков на первой странице была Гретчен постарше — лет девятнадцати-двадцати. Фальк захлопнул было альбом, но потом остановился. Принялся с интересом разглядывать фотографии. Он же так никогда и не видел ее в этом возрасте. Только когда она была младше или — как теперь — старше. Взгляд у Гретчен был по-прежнему слегка подозрительный, но позировала она теперь с явной охотой. Юбка была более короткой, а взгляд — менее застенчивым.

Он перевернул страницу и вздрогнул, встретившись взглядом с Гретчен и Люком, замороженными во времени на глянцевого цветного снимке. Обоим слегка за двадцать; они явно близки — головы почти соприкасаются, на лицах — одинаковые широкие улыбки. Что там она говорила?

Мы еще пару лет встречались. Ничего серьезного. Но все развалилось. Естественно.

Серия похожих фотографий занимала два двойных разворота. Выходные, отпуск у океана, Рождество. А потом совместные снимки вдруг исчезли. Как раз когда лицо Люка начало терять юношеское выражение, приобретая черты тридцатилетнего мужчины. Примерно в то время, как Люк встретил Карен, он исчез из альбома Гретчен. Так оно и должно быть, сказал себе Фальк. Все в порядке. Оно и понятно. Из соседней комнаты по-прежнему доносился неразборчиво голос Гретчен. Он начал рассеянно листать альбом дальше; он уже было собирался захлопнуть альбом, но вдруг его рука замерла.

На самой последней странице, под желтеющим пластиком, была еще одна фотография Люка Хэдлера. Его взгляд был устремлен не на камеру, а вниз, а на лице была спокойная улыбка. Фотография была, похоже, обрезана, но он явно сидел в больничной палате, на краю койки. На руках он держал новорожденного младенца. В складках голубого одеяльца виднелось розовое личико с темными волосами и пухлый кулачок. Люк держал ребенка уверенно, крепко прижав к себе. По-отцовски.

Билли, подумал автоматически Фальк. В доме Хэдлеров он видел тысячи подобных снимков. Но всплывшее в голове имя звучало как-то фальшиво. Фальк наклонился, приглядываясь и протирая глаза. Хмель как рукой сняло. Фотография была так себе: снимали в полутемном

помещении со вспышкой. Но с фокусом было все в порядке. Фальк сунул альбом под настольную лампу. Круг света под абажуром лег на снимок, позволяя разглядеть детали. На пухлом детском запястье на голубом одеяле виднелся белый пластиковый браслет. Имя ребенка было выписано крупными заглавными буквами.

Лэчлан Сконер.

Глава тридцать третья

Фальк увидел, как его отражение дернулось, исказившись в оконном стекле. Голос Гретчен по-прежнему доносился до него из-за двери. Но теперь, казалось, он звучал совершенно по-другому. Он схватил альбом и лихорадочно пролистал до конца. На фотографиях была Гретчен в одиночестве, Гретчен и ее мать, Гретчен со старшей сестрой в Мельбурне. Люк отсутствовал. До определенного момента — и Фальк почти его упустил. Он перевернул страницу обратно. Это был еще один посредственный снимок, едва ли достойный того, чтобы его включили в альбом. Сделан он был на каком-то общественном мероприятии. Гретчен стояла на заднем плане. Рядом с ней была Карен Хэдлер. А рядом с Карен стоял Люк.

Через голову жены Люк Хэдлер смотрел прямо на Гретчен. А она смотрела на него в ответ, и на губах у нее блуждала та самая ведьмовская улыбка, которой она только что одарила Фалька. Он вернулся к фотографии Люка с новорожденным сыном Гретчен. Тем самым кареглазым, темноволосым, остроносым сыном, который ровно ничем не напоминал свою мать.

Фальк так и подскочил, когда позади него раздался голос Гретчен.

— Оказалось, пустяки, — сказала она. Фальк резко развернулся. Она улыбнулась, отложила мобильник и подхватила бокал.

— Лэчи просто нужно было услышать мой голос...

Когда она увидела выражение его лица и раскрытый альбом в руках, ее улыбка потускнела. Она взглянула на него в ответ. Лицо ее мгновенно стало непроницаемым.

— А Джерри и Барб Хэдлер знают? — Вопрос прозвучал натянуто, и Фальку это не понравилось. — А Карен знала?

— Здесь совершенно нечего знать, — ответила она резко.

— Гретчен...

— Я же тебе сказала. Отца Лэчи рядом нет. Люк был моим старым другом. Время от времени проводил с Лэчи пару часов. Что тут такого? Разве это плохо? Мальчику нужна в жизни отцовская фигура. Это совершенно ничего не значило. — Гретчен несло. Заметив это, она остановилась. Сделала глубокий вдох. Взглянула на Фалька. — Люк — не его отец.

Фальк ничего не сказал.

— Это не он, — резко бросила она.

— А что говорится в свидетельстве о рождении Лэчи?

— Там пропуск. Хотя это совершенно не твое дело.

— У тебя есть хоть одна фотография отца Лэчи? Которую ты могла бы мне показать?

Ответом на вопрос была тишина.

— Так есть?

— Я ничего не обязана тебе показывать.

— Тебе, наверное, было непросто. Когда Люк встретил Карен. — Фальк сам не узнавал собственный голос. Он говорил холодно и отстраненно.

— Господи, Аарон, да не отец он Лэчи. — Лицо и шея у Гретчен вспыхнули алым. Она сделала еще глоток из бокала. В ее голос прокрались умоляющие нотки. — Мы не спали вместе уже... Господи, да многие годы.

— И что же произошло? Серьезных намерений у него не было — он все время поглядывал на сторону? А потом он встречает Карен, и...

— Да, и что? — прервала она. Вино плеснуло о стенку бокала. Она сморгнула слезы. Из ее голоса исчезла всякая нежность. — ОК, да, я расстроилась, когда он выбрал ее. Мне было больно. Люк сделал мне больно. Но такова жизнь, что поделаешь? Такова любовь.

Она остановилась. Прикусила кончик языка.

— А я-то гадал, почему тебе не нравилась Карен, — сказал Фальк. — Но это все объясняет, правда?

— И? Я что, обязана была стать ее лучшей подругой...

— У нее было все, что ты хотела. Люк, уверенность в будущем, деньги — по крайней мере, по местным меркам. А ты была сама по себе. Отец твоего ребенка исчез. Говоришь, уехал из города. Или, может, он просто поселился по соседству со своей женой и детьми?

Гретчен подскочила к нему со сжатыми кулаками. Слезы текли у нее по лицу.

— Как ты можешь меня об этом спрашивать? Если считаешь, что у меня был роман с Люком, когда он уже был женат? Если он — отец моего ребенка?

Фальк смотрел на нее. Ее красота всегда была бесспорной. Почти неземной. А потом он припомнил пятно на полу в комнате Билли Хэдлера. Вспомнил, как Гретчен поднимает ружье, как стреляет по кроликам.

— Я спрашиваю потому, что должен спросить.

— Господи, да что с тобой не так? — Лицо у нее стало жестким. На зубах остались пятна от вина. — Ты что, ревнуешь? Что на какое-то время

я выбрала Люка, а он выбрал меня? Отчасти поэтому ты сюда и приехал, да? Подумал, у тебя получится хоть как-то сравняться с Люком, теперь, когда его нет?

— Не говори глупостей, — сказал он.

— Я глупа? Господи, да ты только посмотри на себя, — сказал она, повысив голос. — Вечно таскался за ним, как собачонка. И сейчас, *даже сейчас*, ты болтаешься в городе, который терпеть не можешь, — из-за него. Это просто жалко. Да чем он тебя околдовал? Это уже похоже на зависимость.

Фальк почти чувствовал взгляд своего мертвого друга, следящего за ними с фотографии.

— Господи, Гретчен. Я здесь из-за того, что были убиты три человека. Понятно? Так что — ради твоего сына — я надеюсь, что ложь насчет отношений с Люком — это худшее, что ты сделала этой семье.

Она рванулась мимо него, уронив со столика бокал. Вино растеклось на ковре пятном, похожее на кровь. Она распахнула дверь, и в дом в облаке опавших листьев ворвался порыв горячего ветра.

— Убирайся. — Глаза у нее были как тени. Лицо стало красным как свекла, и это ей не шло. На пороге она было начала что-то говорить, но остановилась. Ее губы сложились в холодную улыбку.

— Аарон. Подожди. Прежде чем ты бросишься что-то делать — я хочу кое-что тебе сказать. — Она говорила тихо, почти шепотом. — *Я знаю.*

— Знаешь — что?

Она наклонилась к нему так, что ее губы почти касались его уха:

— Я знаю, что алиби, которое у тебя есть на тот день, когда умерла Элли Дикон, — это ложь. Потому что я знаю, где тогда был Люк. И он был не с тобой.

— Погоди, Гретчен...

Она толкнула его в грудь, заставив отступить.

— Похоже, у всех у нас есть свои маленькие секреты, Аарон.

Дверь захлопнулась.

Глава тридцать четвертая

Идти до города было далеко. И каждый шаг эхом отдавался в его гудящей голове. Мысли, как мухи, роились у него в мозгу. Он раз за разом прокручивал в голове каждый их с Гретчен разговор, в новом, безжалостном свете. Анализировал каждое слово, выискивая фальшь. Позвонил Рако. Тот не брал трубку. Может, до сих пор был на него зол. Фальк оставил ему сообщение с просьбой перезвонить.

Когда он, наконец, добрался до «Флиса», до закрытия оставалось всего ничего. На ступеньках стоял, застегивая велосипедный шлем, Скотт Уитлэм. Нос у него выглядел чуть получше, чем накануне. Учителю хватило одного взгляда на лицо Фалька:

— Ты в порядке, дружище?

— Непростой выдался вечер.

— Я уж вижу, — Уитлэм снял шлем. — Пошли, куплю тебе кружечку.

Фальку хотелось одного — заползти вверх по лестнице и лечь в постель. Но сил на споры у него тоже не было. Он поплелся за Уитлэмом внутрь. В баре уже почти никого не было, и Макмердо протирал стойку. Увидев их, он прекратил это занятие и, не спрашивая, извлек откуда-то два пивных стакана. Уитлэм водрузил шлем на стойку.

— Это с меня. Запиши на меня, хорошо, дружище? — сказал он Макмердо.

— В кредит не наливаю.

— Да ладно. Я ж тут завсегда тут.

— Мой друг, не заставляй меня повторять.

— Ладно. Хорошо. — Уитлэм достал кошелек и принялся там копать. — Это может быть немного... Придется мне кредитку...

— Я заплачу, — вмешался Фальк. Отмахнувшись от протестов Уитлэма, он положил на стойку двадцатку. — Да все в порядке, забудь. Твое здоровье.

Фальк сделал большой глоток. Чем скорее он допьет, тем скорее можно будет пойти спать.

— Так что у тебя случилось? — спросил Уитлэм.

— Ничего. Просто я сыт этим местом по горло.

Мне было больно. Люк сделал мне больно.

— Прогресс-то есть?

На какую-то безумную секунду Фальк задумался, не рассказать ли ему. Макмердо прекратил уборку и слушал их разговор из-за стойки. Фальк пожал плечами.

— Просто я буду счастлив наконец отсюда убраться.

Что бы ни произошло, в понедельник он будет в Мельбурне. Или раньше, если Рако добьется своего.

Уитлэм кивнул:

— Везунчик. Хотя... — Подняв руку, он торжественно скрестил пальцы. — Возможно, я тоже вскоре последую твоему примеру. Скорее, чем я думал.

— Вы уезжаете из Кайверры?

— Надеюсь. Хочется что-то поменять, ради Сары. Ей тут уже просто немогуту. Вот, подыскиваю новое местечко, может, какая школа на севере. Для разнообразия.

— На севере жарче.

— По крайней мере, у них там бывают дожди, — сказал Уитлэм. — Это все отсутствие воды. Весь город медленно сходит с ума.

— Я за это выпью, — сказал Фальк, осушая бокал. Голова у него налилась тяжестью. Вино, пиво, эмоции.

Уитлэм уловил намек и последовал его примеру.

— Ладно, я побежал. Завтра в школу, в конце концов. — Уитлэм протянул ему руку. — Надеюсь, еще увидимся до твоего отъезда. Но если нет — удачи тебе!

Фальк пожал ему руку.

— Спасибо, и тебе тоже. На севере.

Бодро помахав на прощанье, Уитлэм удалился, а Фальк вернул Макмердо пустые стаканы.

— Я верно расслышал, что ты скоро уезжаешь?

— Наверное, — ответил Фальк.

— Ну, веришь или нет, мне будет тебя не хватать, — сказал Макмердо. — Ты единственный, кто тут регулярно расплачивается. Да, кстати...

Тут он открыл кассу и вручил Фальку его двадцатидолларовую купюру.

— Внес напитки в общий счет за номер. Подумал, так тебе будет легче вписать их в служебные расходы или что вы там, копы, с ними делаете.

Фальк взял у него двадцатку, несколько удивленный.

— О, правда. Спасибо. Ты вроде сказал, что в кредит не наливаешь.

— Это я только Уитлэму сказал. Ты в порядке.

Фальк нахмурился.

— А Уитлэм — нет? Ты, похоже, неплохо его знаешь.

Макмердо коротко рассмеялся.

— О, да. Неплохо. Поэтому мне известно, где он держит свои денежки. — Он кивнул в сторону покерных автоматов, мигающих в задней комнате огоньками.

— Уитлэм — любитель игровых автоматов? — спросил Фальк.

— И всего остального. Лошадки, собаки. Вечно глядит одним глазом в телевизор, спортивный канал, а другим в эти его приложения в телефоне.

— Да ты шутишь. — Фальк был удивлен, но в то же время он как будто ожидал чего-то подобного. Он вспомнил обо всех этих спортивных изданиях у Уитлэма в доме. Игроков за время своей карьеры он повстречал немало. Какой-то общей отличительной черты у них не было. Только иллюзии и разбитая жизнь.

— Он, конечно, шифруется, но когда стоишь за стойкой, многое замечаешь, — сказал Макмердо. — Особенно когда приходит время платить. И у меня такое ощущение, что не так уж он и любит автоматы.

— Да?

— Да. У меня такое ощущение, что это для него так, мелочь. Но это не мешает ему скармливать машинам свой вес в игровых жетонах всякий раз, как он сюда заходит. Этим он, кстати, и занимался, когда ему попало вчера вечером. Когда Джейми с Грантом передрались.

— Ничего себе.

— В общем, может, и зря я тут треплюсь, — сказал Макмердо. — Швырять деньги на ветер законом не запрещено. И слава богу. Иначе я живо бы разорился.

— Не ты один, — Фальк через силу улыбнулся.

— Но эти игроки обычно те еще лохи. Вечно стратегии какие-то придумывают, ищут слабые места в системе. В итоге все это работает, только если ты поставил на нужную лошадь.

Никогда еще номер не казался Фальку настолько неприятным. Он почистил зубы, не зажигая свет, и рухнул в кровать. Несмотря на хаос, царивший в голове, усталость брала свое. На него медленно напал сон.

Снаружи, в полной тишине, ветер брел по асфальту жестяной. Металлический звук вызвал в памяти полусонного Фалька механическое треньканье покерных автоматов. Он закрыл глаза. Прав был Макмердо. Как и в этом деле. Иногда все стратегии мира оказываются бессильны.

Это работает, только если ты поставил на нужную лошадь.

Глубоко в мозгу у Фалька вдруг повернулась шестеренка. Повернулась лениво, туго, потому что успела порядком заржаветь. Она нехотя передвинулась на одно деление и остановилась, замерев в новом положении.

Фальк медленно открыл глаза. Было так темно, что он ничего не увидел. Но он продолжал пялиться в темноту. И думать.

Он представил себе Кайверру. В трех измерениях. Представил себе себя, как он лезет куда-то вверх, может, на тот самый обрыв. И город внизу становится все меньше и меньше. Добравшись до вершины, он посмотрел вниз. На город, на засуху, на Хэдлеров. Впервые замечая, насколько иначе все выглядит с совершенно новой точки зрения.

Фальк долго размышлял об этом с открытыми глазами, уставившись в пустоту. Проверая, как работает в новом положении та шестеренка.

Наконец он сел. Сон как рукой сняло. Он подхватил фонарик и старую газету и, стараясь не шуметь, спустился по лестнице вниз. Вышел на стоянку.

Его машина была ровно на том же месте, где он ее и оставил. От вони у него заслезились глаза, но он не обратил на это особого внимания. Закатал брезент и, используя газету в качестве перчатки, открыл багажник. От салона багажник был надежно отделен спинками сидений, и потоп из дерьма его миновал.

Фальк включил фонарик и осветил внутрь пустого багажника. Постоял так довольно долго. Потом вытащил телефон и сделал снимок.

Когда он вернулся к себе в номер, сон еще долго к нему не шел. На рассвете он проснулся, оделся и — было еще слишком рано — в нетерпении принялся ждать подходящего времени. Как только стрелка часов перевалила за девять, Фальк поднял трубку и сделал один звонок.

Руки у Люка Хэдлера потели на руле. Кондиционер работал на полную мощность с тех пор, как он уехал от Джейми Салливана, но разницы практически не чувствовалось. Горло у него пересохло, и Люк пожалел о том, что не догадался захватить бутылку воды. Выкинув из головы мысли о воде, он вместо этого сосредоточился на дороге. Он уже почти дома. Нужно просто добраться.

Люк уже проехал последний поворот, когда впереди показалась чья-то фигура. Человек стоял один, у дороги. И махал рукой.

Глава тридцать пятая

Фальк ввалился в участок, тяжело дыша. Повесив трубку, он бросился бежать и бежал всю дорогу от паба.

— Это была дымовая завеса!

Рако поднял глаза от монитора. Глаза у него были налиты кровью и все еще довольно сонные.

— Что — это?

— Да все, дружище! Люк тут совершенно ни при чем!

— *Только этого не хватало, — пробормотал Люк, когда подъехал поближе и узнал того, кто ему махал. На секунду он задумался, не проехать ли мимо, но стояло такое адское пекло. За сорок уже, наверное, подумал он.*

Поколебавшись еще секунду, он все-таки нажал на тормоза и съехал на обочину. Опустил окно и высунулся наружу.

Фальк трясущимися руками открыл папку Хэдлеров. Он одновременно испытывал эмоциональный подъем и злился — на себя самого.

— Мы тут в узел завязываемся, пытаюсь проследить все, связанное с Люком, — что он скрывал, кто хотел его смерти? И что в результате? Ничего. Ну, ничего серьезного. Мотивов сколько угодно, но ни одного убедительного. И ты был прав.

— Да ну?

— Я и вправду был необъективен. Но и ты — тоже. Все это время мы ставили не на ту лошадь.

— *У тебя тут, похоже, неполадки? — Люк высунулся из окна. Кивнул на предмет, лежавший у ног остановившего его человека.*

— *Спасибо! Похоже на то. У тебя, случайно, инструментов с собой нет?*

Люк заглушил мотор и выбрался из машины. Присел на корточки, чтобы взглянуть поближе.

— *А что случилось-то?*

Это были последние слова Люка Хэдлера. В основание его черепа врезался с влажным хрустом тяжелый предмет, и вокруг внезапно стало очень тихо: испуганно замолкли птицы.

Тяжело дыша, Скотт Уитлэм стоял над неподвижным телом Люка Хэдлера и смотрел на дело своих рук.

Порывшись в папке, Фальк выудил ксерокопию библиотечной квитанции Карен Хэдлер. Слово «*Грант??*» все так же стояло рядом с номером его телефона. Он придвинул листок Рако и ткнул в него пальцем.

— *Грант*. Господи. Это, чтоб его, вовсе не имя.

* * *

Карен прикрыла за собой дверь. Обычные школьные звуки — послеполуденный шум и гам, ворвавшиеся было в директорский кабинет, — опять превратились в приглушенный фон. На ней было красное платье с принтом из белых яблок, и вид у нее был расстроенный. Она выбрала стул, который стоял поближе к столу Скотта Уитлэма, и села, выпрямив спину, аккуратно подбрав ноги под стул.

— *Скотт*, — начала она. — *Я не была уверена, что стоит идти с этим к тебе. Но проблема есть проблема. И закрыть глаза я на это не могу.*

Она подалась вперед и неуверенным, даже смущенным движением протянула ему лист бумаги. Черный на белом фоне, логотип «Образовательного траста Кроссли» сразу прыгнул Скотту в глаза.

Где-то в самой глубине мозга, в той древней части, которая отвечает за реакцию «бей или беги», чуть приоткрылась дверца. И Скотту стало ясно, насколько далеко он готов зайти, чтобы остановить эту женщину.

— Грант, — сказал Фальк, тыкая пальцем в записку. — Синонимы: субсидия, финансирование, безвозмездный денежный дар. Вроде того, на который подавала начальная школа Кайверры. В «Образовательный траст Кроссли». В прошлом году. И им отказали. Вот только угадайте почему?

Рако пораженно моргнул:

— Не может быть.

— Может. Этим утром я говорил по телефону с управляющим фонда. Начальная школа Кайверры в этом году получила грант в размере пятидесяти тысяч долларов.

Задним числом Уитлэм мог в точности назвать секунду, когда он все загубил. Он взял в руки листок с этим кричащим логотипом и внимательно изучил. Это была анкета из автоматической рассылки: каждому получателю гранта предлагалось ее заполнить, чтобы у организаторов было представление о результатах.

Ничего серьезного, а это означало — мелькнуло у него в голове, — что у нее есть что-то еще. Какие-то другие бумажки, которые она решила пока придержать. Карен давала ему шанс объясниться — и признаться. Это было понятно по тому, как она смотрела на него этими своими синими глазами. Будто молила об ответе, в который она смогла бы поверить.

Надо было сказать ей: «Да, странно. Я разберусь. Может, нам все-таки повезло?» Господи, да ему надо было поблагодарить ее. Вот что он должен был сделать. Вместо этого он впал в панику. Слишком недолго рассматривал документ, прежде чем небрежно отбросить его в сторону.

Выиграть в этой игре по-любому было бы нелегко, но проиграл он именно в этот момент. Луз. Зеро. Выходи из круга вон.

— Да это пустяки, — сказал Уитлэм, и судьба его была решена. — Ошибка какая-то. Забудь об этом.

Но ошибку тут совершил он. Это сразу было понятно по тому, как она застыла, как отвела взгляд. Проводя между ними черту. Если она и не была в чем-то уверена, когда входила в кабинет, то теперь, уходя, она знала точно.

«До свидания» Карен было сухим, как поля Кайверры.

— Скотт Уитлэм, — проговорил Рако. — *Дерьмо. Дерьмо.* Все точно сходится?

— Да. Точно. Он игрок, и с проблемами. Вчера ночью узнал. — Фальк рассказал Рако о том, что говорил Макмердо. — Это-то и натолкнуло меня на мысль. Макмердо кое-что сказал, отчего у меня открылись глаза: все это время мы искали не там.

— Так о чем у нас идет речь? Кража школьных денег — для чего? Плохие долги? — спросил Рако.

— Очень может быть. В прошлом году Уитлэм переезжает сюда из большого города. Никаких связей с этим местом. Но он упорно тут сидит, хотя ясно, что Кайверру он терпеть не может. Рассказал он мне тут одну историю, как в Мельбурне его пытались ограбить и дело кончилось плохо — незнакомого ему человека пырнули ножом. Меня не удивит, если там все было совсем не так просто.

Они помолчали с минуту.

— Господи, бедная Карен, — проговорил Рако.

— Дураки мы с тобой, — сказал Фальк. — Мы слишком быстро сбросили ее со счетов. Ее и Билли. Мы-то думали, они — случайные жертвы. Люк всегда был главным, всегда привлекал всеобщее внимание. Еще с тех пор, как мы были совсем маленькими. Он стал идеальным

прикрытием. Как что-то могло случиться из-за этой его скучной жены, когда оно могло произойти из-за Люка?

— Господи! — Рако закрыл глаза, заново прокручивая в голове дело. Качая головой, когда на место вставал очередной кусочек головоломки. — Грант Доу не преследовал Карен. И мужа она не боялась.

— Скорее наоборот, Люк, вероятно, беспокоился насчет того, что она обнаружила в школе.

— Думаешь, она ему сказала?

— Думаю, да, — ответил Фальк. — Иначе откуда у нее мой телефон?

Из кабинета Уитлэма Карен отправилась напрямик в женский туалет. Закрывшись в кабинке, она прижалась лбом к двери и дала волю гневным слезам. Она продолжала надеяться до самого разговора. Ей хотелось, чтобы Уитлэм, поглядев в письмо, рассмеялся и сказал: «А, да я знаю, как так получилось», а потом все бы ей объяснил, да так, что она удивилась бы, почему это сразу не пришло ей в голову.

Ей так отчаянно этого хотелось, а он сказал совсем другое. Карен утерла глаза дрожащими пальцами. И что теперь? Какая-то ее часть до сих пор не могла поверить, что Скотт украл эти деньги, хотя теперь было понятно, что это так и есть. Да и раньше все было понятно, призналась она самой себе. Она же сама проверила всю финансовую отчетность. Все найденные ею ошибки были сделаны Скоттом, а не ей. След из хлебных крошек, ведущий к его обману. К его краже. Она произнесла слово вслух. Как же неправильно оно звучало.

Карен считала, что подозрение и уверенность — не одно и то же, но ее муж всегда смотрел на мир проще.

— Детка, если ты считаешь, что ублюдок свистнул эти деньги, позвони и расскажи об этом копам. Я могу сам это сделать, если тебе не хочется, — сказал Люк вечером, два дня назад.

Карен сидела в кровати с новой библиотечной книжкой в руках. Далеко она не продвинулась. Она смотрела, как муж раздевается, небрежно бросая одежду на стул. Стоя обнаженным, он выгнул спину и зевнул. Сонно ей улыбнулся, и ее вдруг поразило, каким красивым он был в этом полусвете. Говорили они шепотом, чтобы не разбудить детей.

— Нет, Люк, — сказала она. — Не вмешивайся. Пожалуйста. Я могу это сделать сама, но мне нужна уверенность. Потом я позвоню в полицию.

Где-то в глубине души она знала, что чересчур осторожничает. Но

директор школы был одним из столпов общины. Карен хорошо представляла себе реакцию родителей. Все сейчас были на взводе, и Карен опасалась, что Уитлэму могут по-настоящему причинить вред. Настолько серьезное обвинение без доказательств высказывать было нельзя. В Кайверре и так все на нервах. Все должно быть сделано как следует. И потом, нельзя было забывать о работе. Если она не права, то выставят ее в два счета.

— Сначала мне надо поговорить со Скоттом, — сказала Карен мужу, который, забравшись в кровать, положил ей на бедро теплую руку. — Дать ему шанс оправдаться.

— Уж скорее шанс спрятать концы в воду. Карен, детка, пусть с этим копы разбираются.

Упрямое молчание. Люк вздохнул.

— Ну ладно. Если ты не хочешь сообщать в полицию, по крайней мере, посоветуйся со специалистом. Насчет того, какие тебе понадобятся доказательства. — Перекатившись, Люк взял с тумбочки свой мобильник. Промотал список контактов и, найдя нужный номер, передал телефон Карен. — Позвони ему. Это мой друг, он полицейский. Работает на федералов в Мельбурне, как раз по финансовой части. Хороший парень. Реально умный. Плюс к тому он, вроде как, мой должник. Ты можешь ему доверять. Он точно поможет.

Карен Хэдлер ничего не ответила. Она сказала Люку, что со всем разберется и так оно и будет. Но было уже поздно, и спорить не хотелось. Порывшись в мелочах у себя на тумбочке, она нашла ручку и взяла первую попавшуюся бумажку — библиотечную квитанцию, которую использовала вместо закладки. Ну вот, сойдет. Перевернув квитанцию, она написала одно слово, в качестве напоминания, прежде чем переписать с телефона Люка номер Аарона Фалька. Потом, поскольку муж все еще наблюдал за ней, аккуратно вложила бумажку в книгу, которую она читала, и отложила на тумбочку.

— Так точно не потеряется, — сказала она, выключая свет и откидываясь на подушку.

— Позвони ему, — сказал Люк, притягивая к себе жену. — Аарон знает, что делать.

Глава тридцать шестая

Двадцать минут спустя Фальк и Рако наблюдали за школой из полицейской машины без знаков отличия, принадлежавшей участку. Они припарковались на горке сбоку от школы — неплохой наблюдательный пункт, откуда более-менее было видно и главное здание, и игровую площадку перед школой. Отворилась задняя дверь, и в машину забрался констебль Бранс. Ему пришлось бежать вверх, в горку, и он совсем запыхался. Наклонившись между передними сиденьями, он раскрыл ладонь, гордо продемонстрировав да новеньких патрона фирмы «Ремингтон».

Рако взял один патрон и внимательно изучил. Кивнул. Та же самая марка, что и у пуль, найденных в телах Люка, Карен и Билли Хэдлеров. Криминалисты, вероятно, смогут подтвердить совпадение более точно, но пока и этого было достаточно.

— Они были заперты в сарае у сторожа, как вы и сказали, — Барнс чуть не подпрыгивал на заднем сиденье.

— Были какие-то проблемы? — спросил Фальк.

Барнс постарался напустить на себя скромный вид — без особого успеха.

— Я пошел напрямик к сторожу. Взял на вооружение старую добрую «рутинную проверку». Лицензии, соблюдение техники безопасности, бла-бла-бла. Нарыл достаточно, чтобы он потом рот зря не разевал. Сказал, что закрою на это глаза, если к следующему разу все будет в порядке. Он никому трепаться не будет, это точно.

— Молодец, — сказал Рако. — Будет достаточно, если он ничего не скажет Уитлэму еще хотя бы пару часов. Подкрепление из Клайда будет минут через сорок.

— Не понимаю, почему бы нам не вломиться в школу и не задержать ублюдка самим, — проворчал Барнс с заднего сиденья. — Клайд ничего не сделал, а заслуга, получается, будет их.

Рако оглянулся на него.

— Не беспокойся, все наши заслуги останутся за нами, — сказал он. — Обыск дома и изъятие финансовых документов вряд ли покроют их славой.

— Ехали бы уж тогда поскорее, — сказал Барнс.

— Да уж, — присоединился Фальк.

Все трое повернулись, чтобы посмотреть на здание школы. Зазвенел звонок. Из дверей выплеснулась орава ребятишек, которые бегали друг за другом, разбивались на группки и просто носились кругами, наслаждаясь временной свободой. За ними Фальк различил привалившуюся к косяку фигуру. Надвинутая шляпа, кружка кофе в руке, на фоне рубашки ярким пятном выделяется красный галстук. Скотт Уитлэм. На заднем сиденье шевельнулся Барнс.

— Пятьдесят тысяч. Жалкие деньги, чтобы убить за них трех человек, — сказал он.

— Дело не только в деньгах, — сказал Фальк. — Игроки вроде него вечно стремятся к чему-то еще. Ничем хорошим это не кончается, я уж навидался. Каждый бросок костей для них — это второй шанс. Вопрос в том, чего именно добивался Уитлэм?

— Какая разница, чего он добивался. Такое оправдать нельзя ничем.

— Нет, конечно, но таковы уж деньги, — сказал Фальк. — Случаются отвратительные вещи.

* * *

Уитлэм стоял в дверях школы, сжимая кружку в ладонях. Ветер опять набирал силу. Он чувствовал, как к его потной коже липнет пыль. На площадке перед ним орали и бегали дети, и он задумался, может ли он, наконец, вздохнуть свободно. Еще пара дней, и Фальк уедет, а может, если повезет, раньше. Тогда и вздохнет, решил он. Не раньше. Еще пару месяцев. Не высовываться, немножечко удачи, и он сможет исчезнуть на севере, если все склеится с этой работой.

Где-то в глубине души он еще не мог поверить, что у него все выгорело. У него чуть инфаркт не случился, когда Рако упомянул камеру на ферме Хэдлеров. Он и понятия не имел, что там камера установлена. Сидел, обливаясь холодным потом, между двумя копами и размышлял над тем, насколько близок он был к провалу.

Пора было отсюда выбираться. Предстояло еще убедить Сандру дать ему последний шанс. Всего один шанс еще раз начать с нуля, и в этот раз он бросит играть. Он обещал. Прошлым вечером он так ей и сказал. Он не смог сдержать слез и впервые почувствовал, что сам себе верит. Она смотрела на него и молчала. Эти слова она от него уже слышала. Ровно перед тем, как они переехали в Кайверру, и еще минимум два раза до того. Но в этот раз он заставил ее поверить. Больше того, сказал он себе, ему придется это сделать. Ему необходимо остановиться. Потому что в этот раз на кону стоит такое, что проигрыша он просто не вынесет.

При одной мысли об этом у него внутри все сжалось. Сандра так беспокоилась, но она и понятия не имела о реальной угрозе, которая висела над их головами. Она думала, что отрицательный банковский баланс — это худшая из ее проблем. Постыдная тайна, что продукты ей приходится покупать по кредитной карте. Необходимость пускать пыль в глаза с помощью арендованных домов и кофеварок, купленных в рассрочку. Она думала, что им приходится перебиваться со дня на день, но не больше. Она не знала о долгах, дорожкой тянувшихся за ними от самого Мельбурна. Или об ужасах, ожидавших их с дочерью в конце этой дорожки, если он не заплатит.

Уитлэм еле сдержал безумную улыбку при мысли о том, чтобы сказать ей правду. Одно только упоминание гвоздезабойного пистолета — и она понеслась бы на север галопом.

Сообщение они доставили прямо к его дому. Здесь, в Кайверре. Два обдолбанных стероидами качка с толстыми шеями объявились на пороге его аккуратненького дома в недопригороде, чтобы лично его уведомить — босс начинает нервничать. Плати. Гвоздезабойный пистолет они прихватили с собой, для наглядности. Уитлэм был парализован от ужаса. Сандра и Даниэль были в доме. Ему было слышно, как дочь и жена болтают на кухне о каких-то пустяках, пока эти двое тихо, в деталях рассказывают ему, что именно они собираются сделать с его семьей, если он не раздобудет наличных. Саундтрек из кошмара.

Уведомление из «Образовательного фонда Кроссли» пришло два дня спустя. Письмо было адресовано лично Уитлэму. У Карен был выходной, и письмо с сопроводительной формой легло к нему на стол нераспечатанным.

Решение было принято меньше чем за секунду. Да они миллионами швырялись. Для этих богатых ублюдков пятьдесят тысяч были каплей в море. Он мог списать деньги на что-нибудь неопределенное, трудно поддающееся подсчетам. Курсы повышения квалификации, например, или программы поддержки. Для галочки им хватит. Пока. Но «пока» — это все, что ему было нужно. Одолжить эти деньги сейчас, расплатиться с Мельбурном; а вернет он их, ну, попозже. Этого не было достаточно, чтобы расплатиться по долгам, даже близко не лежало, но этого хватит, чтобы купить ему хоть немного времени. Не давая себе как следует задуматься, он начал действовать. Он просто подменил банковские реквизиты школы на свои. От того счета, о котором Сандре ничего не было известно. Название школы он оставил в форме. Банкам важны цифры, а не имена. Они никогда не проверяли, соответствует ли одно другому, ему это

было известно. Нормальный план, сказал он себе. Не идеальный, и даже хорошим его назвать было нельзя. Но этого было достаточно, чтобы продержаться какое-то время. А потом Карен Хэдлер постучалась в дверь его кабинета, и в руках у нее была та анкета из траста Кроссли.

Уитлэм вспомнил ее взгляд и тихо, незаметно, так, чтобы никто не услышал, стал бить кулаком в стену. Пока не ободрал себе все костяшки.

Уитлэм смотрел, как уходит Карен. Когда за ней закрылась дверь кабинета, он развернулся на стуле и молча опорожнил содержимое желудка в корзину для бумаг. Отправиться в тюрьму он не мог. В тюрьме у него не будет возможности расплатиться по долгам, а люди, которым он был должен, не интересовались причинами. Плати, или заплатит твоя семья. Таковы были правила. И он под ними подписался. Он видел тот пистолет для гвоздей. Они заставили его потрогать. Почувствовать в руках эту свинцовую тяжесть. Плати, или... Нет. Альтернативы не было. Он заплатит. Конечно же, он заплатит.

Он сидел в кабинете, один, и заставлял себя думать. Карен знала. А это означало, что, вероятно, она скажет мужу, если уже не сказала. Сколько у него еще времени, прежде чем она подымет трезвон? Она — женщина осторожная. Во многом даже чересчур дотошная. Действовать она будет медленно. Прежде чем действовать, Карен Хэдлер захочет убедиться на сто процентов. Люк, однако, — это дело другое.

Времени у него было немного. Он не мог позволить, чтобы это вышло наружу. Просто не мог. Альтернативы не было.

Вот и уроки закончились, а ответ к нему так и не пришел. Уитлэм ждал, сколько мог, а потом сделал то, что делал всегда, когда испытывал стресс. Взял всю имеющуюся у него наличность, плюс кое-что, чего у него на самом деле не было, и отправился в заднюю комнату при пабе. Здесь-то, среди перемигивающихся огоньков, под оптимистичное треньканье покерных автоматов, к нему и пришло еще не оформившееся решение. Как это часто с ним бывало.

Один, в задней комнате среди игровых автоматов, Уитлэм вдруг услышал голос Люка Хэдлера, доносившийся от столика за углом. Он замер, едва осмеливаясь дышать, и стал ждать, когда Люк расскажет Джейми Салливану о школьных деньгах. Он был уверен, что это вот-вот произойдет, но тайна так и осталась тайной. Вместо этого они ругались на кроликов и строили планы на завтра, пострелять на поле у Салливана. Договорились о времени. Люк возьмет с собой собственное ружье.

Интересно, подумал Уитлэм. Может, игра еще и не кончена. Пока нет.

Еще сотня долларов в игровых жетонах исчезла в автомате, и план был вчерне готов. Раз за разом он прокручивал его в голове, и план начал обрастать плотью. План был ничего себе. Не идеальный. Не наверняка. Может, пятьдесят на пятьдесят. А к подобному раскладу Уитлэму было не привыкать.

Уитлэм смотрел, как мимо него по площадке пронеслась стайка детишек, его дочь — в середине. На секунду в толпе ему привиделся Билли Хэдлер. Не в первый уже раз. Голова у Уитлэма непроизвольно дернулась, будто от шейного спазма. Каждый раз, как он думал о мальчике, его начинало тошнить. Как будто это могло что-то исправить.

Билли не должно было там быть. Уитлэм сильнее стиснул кружку в исцарапанном кулаке, пробираясь обратно к себе в кабинет. Мальчишка не должен был остаться дома. Все было запланировано. Он все устроил. Нарочно выкопал тот набор для бадминтона. Всего один намек, и Сандра бросилась к телефону организовывать приезд Билли. Если бы его дурать не отменила все в последний момент, Билли остался бы жив. Винить ей некого, кроме себя. Уитлэм честно старался спасти этого ребенка. Никто не сможет с этим поспорить. Он глотнул кофе и поморщился, когда горячая жидкость обожгла ему язык. Кофе жгучим комом прокатился вниз по пищеводу, оставив по себе тоскливую горечь.

Уитлэм ушел из паба с тошнотворной тяжестью в желудке и провел бессонную ночь, разбирая план по косточкам. Весь следующий день он провел, пребывая в ступоре у себя в кабинете. Карен наверняка уже обо всем рассказала. Скоро к нему придут, просто пока он не знал точно кто. Полиция? Председатель родительского комитета? Может, сама Карен? Он в одинаковой степени боялся и жаждал этого стука. Стука, который означал бы, что Карен сказала. Что уже слишком поздно. И ему не придется делать то, что он собирается сделать.

Ему не нужно было спрашивать себя, сможет ли он через это пройти. Он знал, что сможет. Он доказал это в том переулке. Тот тип сам был виноват. Вроде как он должен был быть профессионалом. Уитлэм как-то уже с ним сталкивался. Тогда он зажал его на стоянке, отнял кошелек и передал послание — путем удара по почкам. По догадке Уитлэма, в Футскрее, в том переулке, события должны были развиваться по тому же сценарию. Но тут этот тип вдруг разозлился, начал размахивать ножом и требовать больше, чем они договаривались. И ситуация вдруг стала развиваться в совершенно другом направлении.

Мужик плохо себя контролировал и, кроме, того, явно был под кайфом. Услышал слово «учитель», и это помешало ему правильно оценить физическую форму Уитлэма. Неудачный выпад ножом был блокирован приемом из регби, и они с размаху приземлились на асфальт.

Нож вспыхнул оранжевым в свете уличного фонаря, и Уитлэм почувствовал, как лезвие рассекло ему кожу на животе, прочертив теплую красную линию. Адреналин и страх смешались в его крови, когда он перехватил сжимающую нож руку. Вывернув чужую кисть, он навалился на нее всем весом, толкая лезвие ближе и ближе к груди напавшего на него человека. Тот все не отпускал нож. И все еще сжимал рукоятку, когда лезвие вспорол его собственную плоть. Учитель прижал его к земле, не давая двигаться, ощущая, как замедляется ритм крови, толчками льющейся на асфальт, и вот тот влажно выдохнул Уитлэму в лицо. Он подождал, пока мужчина не престал дышать, а потом еще целую минуту.

Слезы стояли у Уитлэма в глазах. Его трясло, и он опасался, что может потерять сознание. Но где-то глубоко внутри, под всеми наносными слоями, лежало спокойствие. Его зажали в угол, и он стал действовать. Сделал то, что нужно было сделать. Уитлэм привык к тому, что у него сердце обрывалось куда-то в желудок всякий раз, как приходилось доставать кошелек. Теперь, в кои-то веки, он контролировал ситуацию.

Трясущимися пальцами он ощупал себя. Порез был совсем неглубоким и выглядел хуже, чем оно было на самом деле. Он наклонился над напавшим на него человеком и прилежно сделал ему искусственное дыхание. Два раза. Следя при этом, чтобы отпечатки испачканных кровью пальцев могли позднее засвидетельствовать его гражданское мужество. Постучался в первый попавшийся дом, где горел свет, и выпустил, наконец, рвавшиеся наружу эмоции. Позвоните скорее в полицию. Да, ограбление. Те, кто напал, сбежали, но пожалуйста, звоните скорее — там человек пострадал.

Когда бы потом Уитлэм ни думал об этом инциденте — а это бывало чаще, чем он ожидал, — он всякий раз убеждался, что это был акт самозащиты. Теперь ему угрожали опять, и пусть теперь это был кабинет, а не темный переулочек, и бумага, а не нож, — в глубине души он разницы не чувствовал. Тот парень в переулке. Карен по другую сторону стола. Они его сами вынудили. Заставили действовать. Или он, или они. И Уитлэм выбрал себя. Закончились уроки. Опустели классные комнаты, опустела площадка. Никто не пришел и не постучал к нему в дверь. Он еще мог что-то исправить. Сейчас или никогда. Он посмотрел на часы.

Сейчас.

Глава тридцать седьмая

— Как же Уитлэм добрался до фермы Хэдлеров? — спросил Барнс, наклоняясь между передними сиденьями. — Мы же все глаза себе проглядели, просматривая записи с камеры наблюдения. Я думал, его машина ни разу не двинулась с места, до самого вечера.

Фальк достал фотографии с телом Люка, распростертым в кузове пикапа. Отыскал увеличенный снимок с четырьмя горизонтальными полосами, тянущимися вдоль борта, и протянул Барнсу вместе со своим телефоном, где были фотографии, снятые Фальком в собственном багажнике. На мягкой подкладке отчетливо виднелись две длинные полосы.

Барнс перевел взгляд с одной фотографии на другую.

— Те же самые отметины, — сказал он. — Что это такое?

— Те, что у меня в багажнике, — свежие, — ответил Фальк. — Это следы шин. Он доехал дотуда на своем чертовом велосипеде.

Уитлэм не стал никому говорить, что уезжает. Никем не замеченным он выскользнул из пожарного выхода. Компьютер он оставил включенным, пиджак — на спинке стула. Каждому понятно — ушел на минутку, сейчас вернусь.

Он пробрался в сарай, минуя ограниченное поле обзора обеих камер. Спасибо Тебе, Господи, за нехватку финансирования, поймал он себя на мысли и чуть не расхохотался над иронией ситуации. Ему хватило пары минут, чтобы отпереть ящик с патронами и сунуть несколько штук в карман. В школе имелся один ствол для контроля над популяцией кроликов, и, положив ружье в спортивную сумку, он закинул его на плечо. Исключительно на крайний случай. У Люка Хэдлера должно быть собственное ружье, пожалуйста, — мысленно взмолился он. Он же собирался стрелять кроликов с Салливаном. Но патроны? Кто знает?

Уитлэм подбежал к навесу для велосипедов. Тем утром он выехал пораньше и припарковал машину на тихой улочке неподалеку от школы. Достал из багажника велосипед и остаток пути проделал на нем. Поставил велосипед там, где, как он знал, скоро будет полно других. Спрятал на самом видном месте. Потом пешком вернулся к машине, приехал на школьную стоянку и выбрал хорошее местечко на самом виду у камеры.

Теперь он снял замок с велосипеда и уже через пару секунд катил по пустынным сельским дорогам по направлению к ферме Хэдлеров. Ехать было недалеко, и добрался он быстро. Остановился за километр от фермы и нашел заросшее кустами местечко у самой дороги. Забравшись в кусты, он ждал, лихорадочно молясь, что угадал время правильно.

Спустя двадцать пять минут он сидел все там же, весь в поту, убежденный, что упустил свой шанс. Мимо не проехало ни единой машины. Прошло еще восемь минут. Девять. А потом, когда Уитлэм уже начал приглядываться к дулу ружья, гадая, может, для него найдется и другой выход, он это услышал.

Где-то вдалеке, постепенно приближаясь, гудел мотор. Это была та самая машина, которую он ждал. Голова стала какой-то легкой; молча он вознес небесам благодарственную молитву. Ступив на дорогу, он швырнул велосипед на обочину. Встал рядом и неистово замахал руками, будто вот-вот утонет. Да так оно и было.

На какую-то ужасную секунду показалось, что пикап останавливаться не станет. Но потом машина притормозила и встала, прямо перед ним. Опустилось окно со стороны водителя, и Люк Хэдлер высунулся наружу.

— У тебя тут, похоже, неполадки?

Удар болезненно отдался у Уитлэма в локте — с такой силой он опустил набитый камнями носок на затылок Люка. Раздался хруст; Люк рухнул лицом в пыль и застыл.

Натянув резиновые перчатки, позаимствованные из школьной лаборатории, Уитлэм откинул задний борт кузова. С легкостью бывшего спортсмена он подхватил Люка под мышки и неловко забросил в кузов. Прислушался. Дыхание у Люка было неровное и прерывистое. Уитлэм поднял носок и с тем же каменным хрустом опустил его еще дважды. Почувствовал, как поддался череп. Появилась кровь. Уитлэм не обратил на это внимания. Он набросил на Люка найденный в кузове брезент, положил сверху свой велосипед. Ткнулись в борт покрытые пылью колеса.

Ружье Люка лежало на пассажирском сиденье. От облегчения у Уитлэма закружилась голова, и он, пережидая, прижался к рулю лбом. Оружие было разряжено. Ладно. Достав из кармана школьные «ремингтоны», он зарядил ружье.

Кости были брошены.

Глава тридцать восьмая

Первая перемена закончилась тридцать минут назад, и на площадке было пусто. Фальк подавил зевок, и тут зазвонил телефон. В напряженной тишине машины звонок прозвучал особенно громко, и Рако с Барнсом так и подскочили.

— Федеральный агент Фальк? — спросил голос в трубке. — Это Питер Данн, директор «Образовательного фонда Кроссли». Мы говорили с вами утром.

— Да, — сказал Фальк, выпрямляясь в кресле. — Что такое?

— Слушайте, мне немного неловко, но та заявка, о которой мы с вами говорили... Кайверра, начальная школа?

— Да. — Фальк мысленно пожелал, чтобы собеседник перешел, наконец, к сути дела.

— Знаю, вы хотели, чтобы все было тихо, но тут оказалось, что моя помощница — она новенькая, понимаете, еще пока не освоилась — ну, похоже, что она сообщила другому члену нашей команды, который был немного не в курсе конфиденциальной природы дела, и...

— И что?

— И она, похоже, связалась со школой двадцать минут назад, чтобы проверить...

— Нет! — Фальк, потянувшись, пристегнулся и жестом попросил Рако и Барнса сделать то же самое.

— Да, знаю, мне очень жа...

— С кем она говорила?

— Поскольку речь идет о крупной сумме, она обратилась напрямую к руководству. К директору, мистеру Уитлэму.

Фальк нажал «отбой».

— В школу. Немедленно.

Рако дал по газам.

Тело Люка подпрыгивало под брезентом; Уитлэм трясся в чужом пикапе по направлению к ферме. Уитлэм оторвал взгляд от зеркала заднего вида и крепче вцепился в руль. Руки потели в резиновых перчатках. Подъехав к дому, он резко затормозил и выскочил из машины, не давая себе времени задуматься о том, что ему предстоит. И только у входной двери он заколебался. Уитлэм очень плохо представлял себе устройство

дома и хозяйства Хэдлеров. Уж точно не настолько хорошо, чтобы попытаться самостоятельно найти Карен. Сам удивляясь собственному безумию, он смотрел, как его рука нажимает на кнопку звонка. Она придет к нему сама. Ружье висело у него на плече, будто льнуло к бедру.

Карен Хэдлер открыла дверь, и, узнав звонившего, моргнула от неожиданности, раз, другой. Набрала в грудь воздуха, ее губы вытянулись в округлом «у», и свистящее, резкое «х» уже зародилось в ее горле, а потом она начала было называть его имя, но не успела: быстрым движением он поднял ружье и нажал на курок. Когда он это делал, то закрыл глаза, а когда вновь открыл их, она уже падала навзничь с кровавой дырой в животе. Уитлэм поморщился, когда ее локоть, а потом и голова с треском ударились о выложенный плиткой пол. Глаза у нее как-то странно расширились, и из груди вырвался глубокий, низкий стон.

В ушах у Уитлэма звенело; у него явно было что-то со слухом.

— Мама?

Нет. Нет. Он же ничего не слышит.

— Мама?

Ничего, кроме собственного дыхания и звона в ушах, и уж точно он не слышит Билли Хэдлера, который кричит тоненьким, птичьим голоском, стоя в полутемной прихожей, и рот у него широко открыт от страха, а в руке болтается мягкая игрушка.

— Мама?

Уитлэм не мог в это поверить, просто не мог. Ребенок был здесь. Какого хрена он здесь, а не далеко-далеко, в безопасности, на другой стороне города, на собственном Уитлэма заднем дворе? Вместо этого он был здесь. И он видел, и теперь Уитлэму придется сделать так, чтобы он не видел, и он знал только один способ этого добиться, и ну что, довольна теперь, ты, сучка любопытная, заорал он на труп Карен, распростертый на полу, а Билли уже повернулся и рванул прочь, вглубь дома, слишком испуганный, чтобы кричать, издавая только тоненькие, всхлипывающие звуки.

Уитлэму казалось, что его тело осталось где-то позади. Он бросился следом, ворвался в спальню, рванул дверцы шкафа, почти невидящими глазами вглядываясь внутрь, сдернул с кровати покрывало. Где он? Где? Он был в ярости, страшно зол от того, что собирался сейчас сделать. Звук раздался из-под корзины для белья, и Уитлэм не мог потом вспомнить, как он отшвырнул ее в сторону, но, наверное, он это сделал, потому что вот он, Билли. Билли, прижавшийся к стенке, закрывший

руками лицо. Но как он спустил курок, Уитлэм помнил. Да. Потом это воспоминание будет четким.

Опять этот кошмарный звон в голове, и опять — о, Господи, пожалуйста, нет — что-то еще. На какую-то дикую секунду ему показалось, что звуки исходили от Билли, у которого отсутствовала половина головы и часть груди. Он подумал было, может, он издавал их сам, но, прижав пальцы к губам, он понял, что рот у него закрыт.

Он не спеша, чуть ли не с любопытством, пошел на звук. Пересек коридор. Девочка была во второй детской. Стоя в колыбельке, она громко орала. Уитлэм остановился в дверях и подумал, что сейчас его стошнит.

Прижал дуло к собственному подбородку, чувствуя исходящий от него жар, и держал так, пока чувство не прошло. Медленно повернул в руках ружье. Направил на желтый комбинезончик. Ружье плясало у него в руках. Он сделал вдох. В голове звучала оглушительная какофония, но в этом шуме требовательно прорезалась одна-единственная нота здравого смысла. Приглядиись! Он заставил себя остановиться. Сморгнул. Приглядиись к ее возрасту. И прислушайся. Она плачет. Плачет, а не говорит. Слов нет. Она не может говорить. Она не расскажет.

На секунду это его напугало; он все еще не был уверен.

— Ба-бах, — сказал он сам себе. Послышался страшный хохот, но, когда он обернулся, вокруг никого не было.

Уитлэм повернулся и побежал. Мимо тела Карен, к пикапу Люка, и, ревя мотором, прочь, по сельским дорогам, пока тряска не стала настолько сильной, что ему трудно стало держать руль. Ни одной машины, никого. Он съехал с дороги на первом же повороте. Убогая тропинка, ведущая к полузаросшей полянке.

Уитлэм выбрался из машины и вытащил из кузова велосипед. Стук зубов дробно отдавался внутри черепа. Трясущимися руками он отбросил в сторону брезент, и четыре полосы, оставленные шинами болтавшегося в кузове велосипеда, исчезли из вида.

Собравшись с духом, он склонился над телом. Оно не двигалось. Пристально взгляделся Люку в лицо; на щеке — порез от бритвы. Ни малейшего движения воздуха. Люк не дышал.

Уитлэм натянул новую пару перчаток и накиннул пластиковый дождевик, а потом подтащил тело к краю кузова. С некоторым трудом подтянул в сидячее положение. Установил ружье Люку между коленей, прижал его пальцы к стволу, дуло засунул в рот.

Уитлэм страшно боялся, что тело может завалиться как-то не так; у него промелькнула даже странная мысль, что надо было как-то

попрактиковаться заранее. Потом он закрыл глаза и нажал на курок. Лицо у Люка исчезло; его тело завалилось назад. Удар, нанесенный им раньше по черепу, теперь уж точно никто не заметит. Дело сделано. Уитлэм закинул перчатки, дождевик и брезент в пластиковый пакет, чтобы сжечь на досуге. Сделал три глубоких вдоха и выкатил велосипед на дорогу.

Он не успел еще уехать, а мухи уже начали собираться.

Глава тридцать девятая

Кабинет Уитлэма был пуст. Его кошелек исчез, ключи и телефон тоже. Пиджак висел на спинке стула.

— Может, он на минутку вышел, — сказала секретарша. Ей было не по себе. — Машина его до сих пор здесь.

— Не на минутку, — сказал Фальк. — Барнс, поезжай к нему домой. Если жена там, задержи ее.

Он на секунду задумался. Повернулся обратно к секретарше.

— Дочь Уитлэма здесь, в классе?

— Да, думаю, д...

— Покажите. Прямо сейчас.

Чтобы угнаться за Фальком и Рако, секретарше пришлось бежать по коридору трусцой.

— Вот, — сказала она, переводя дух у дверей класса, — она здесь.

— Которая? — спросил Фальк, через маленькое окошко пытаясь высмотреть ребенка, которого видел на семейной фотографии в доме Уитлэмов.

— Вон, — указала она. — Девочка со светлыми волосами во втором ряду.

Фальк повернулся к Рако.

— Уедет он из города без своего ребенка?

— Трудно сказать. Но мне кажется, нет. Только если у него не будет выхода.

— Согласен. Думаю, он поблизости. — Фальк помолчал. — Позвони в Клайд. Они должны быть уже практически здесь. Надо заблокировать дороги и собрать всех, у кого есть хоть какой поисково-спасательный опыт.

Рако проследил за взглядом Фалька. За окном простирался буш, густой и непроходимый. Казалось, растительность дрожит, плавясь на солнце. Выдавать свои тайны буш не собирался.

— Та еще будет охота, — сказал Рако, поднимая телефон к уху. — Места для прятков, на хрен, лучше не найти.

Поисковые команды плечом к плечу выстроились вдоль опушки; жилеты повышенной видимости слились в одну ярко-оранжевую линию. Налетел ветер, и эвкалипты-призраки зашелестели, зашептались над их

головами. Ветер швырнул в воздух пыль и мелкие камешки, вынуждая людей шуриться и прикрывать глаза. У них за спиной, мерцая и дрожа в жарком мареве, приникла к душной земле Кайверра.

Фальк занял свое место в цепи. Был полдень, и он чувствовал, как под оранжевой тканью жилета уже разливается пот. Рядом с ним с мрачным лицом шагал Рако.

— Дамы и господа, включаем рации, — проговорил в мегафон командир местной команды спасателей. — И смотрите под ноги: здесь водятся тигровые змеи¹⁹.

Вертолет над их головами волнами гнал к земле раскаленный воздух. Командир дал сигнал, и оранжевая линия качнулась вперед. Буш проглотил их, сомкнувшись у них за спиной. Высокие стволы эвкалиптов и густой подрост сразу разделили их, скрыв друг от друга, и уже через несколько шагов Фальку был виден только Рако, слева от него, и всего один оранжевый жилет справа.

Поисковый метод шупа, нетерпеливо объяснил им командир спасателей. Хорош для густого леса. Участники поиска выстраиваются в цепочку и идут напрямую через лес, проверяя каждый свою линию, пока не упрутся в непроходимое место.

— Смысл в том, что, если вы не смогли где-то пройти, то этот ваш учитель тоже не смог. Уперлись в тупик — повернулись, обошли препятствие, вышли обратно на линию, — сказал руководитель, вручая Фальку жилет. — Просто не теряйте бдительности. Смотрите по сторонам. Это не прогулка.

Фальк пробирался вперед. Стояла странная тишина, только сухие ветки потрескивали под ногами, да ветер свистел в кронах над головой. Солнце посылало вниз, сквозь случайные прогалы, отвесные белые лучи. Даже стрекот вертолета, рыщущего, как хищная птица, над их головами, звучал как-то приглушенно.

Фальк шел осторожно: игра света и тени под ногами обманывала глаз. Он был не слишком уверен, на что именно ему нужно обращать внимание, и от этого ощущения было крайне неудобно. В полномасштабных поисках по бушу ему не приходилось участвовать с тех пор, как он еще только учился на полицейского. Но в молодости он провел достаточно времени среди этих деревьев, чтобы понимать: буш впускал тебя гораздо охотнее, чем выпускал.

Тяжелая капля пота скатилась ему прямо в глаз, и он нетерпеливо ее смахнул. Минуты шли. Стволы вокруг него, казалось, смыкались все теснее с каждым его шагом, и Фальку приходилось высоко задирает ноги,

чтобы не запутаться в густой траве. Прямо перед ним виднелись особенно густые заросли. Даже издалека они казались совершенно непроходимыми. Он был уже практически в конце своей линии. Ни следа Уитлэма.

Сняв шляпу, он провел рукой по волосам. Судя по отсутствию победных криков, дела обстояли не лучше по всему фронту. Рация у него на поясе тоже молчала. Может, они его пропустили? В голову прыгнула та фотография Люка, как он лежит навзничь в кузове своего пикапа. Нахлобучив шляпу, он вновь двинулся вперед, пробивая себе дорогу к увиденным зарослям. Это было нелегко, и он успел преодолеть всего несколько метров, когда вдруг почувствовал, как по жилету стукнула прилетевшая откуда-то палочка.

Фальк в удивлении поднял глаза. Слева и чуть впереди от него стоял Рако и прижимал к губам палец.

— Уитлэм? — одними губами произнес Фальк.

— Может быть, — так же ответил Рако, делая неопределенный знак рукой. Потом поднял к губам рацию и что-то прошептал.

Фальк осмотрелся вокруг в поисках оранжевых жилетов. Ближайший к ним человек казался далеким пятнышком, отделенным от них завесой деревьев. Фальк крадучись двинулся в сторону Рако, морщась от треска веток под ногами.

Он взглянул в ту сторону, куда показывал его друг. Поваленное дерево перед самыми зарослями образовало что-то вроде навеса, совсем низко над землей. И там — еле заметно, но так дико на фоне земли и коры — виднелось что-то розовое. Кончики пальцев. Рако достал свой тяжелый полицейский пистолет.

— Это ты зря, — донесся из-под бревна голос Уитлэма. Звучал он до странности спокойно.

— Скотт, приятель, это мы, — Фальк постарался, чтобы его голос звучал так же ровно. — Пора тебе сдаваться. Здесь тебя пятьдесят человек ищут. Выход только один.

Из-под бревна раздался смех.

— Выход никогда не бывает только один, — сказал он. — Господи, у вас, у копов, воображение отсутствует. Скажи своему приятелю убрать оружие. Потом он может включить опять эту свою рацию и сказать остальным, чтобы валили отсюда подальше.

— Этого не случится, — сказал Рако. Его пистолет все так же был направлен в сторону бревна.

— Случится, — ответил Уитлэм, внезапно появляясь во весь рост. Он весь был в поту и грязи; на бледной щеке ярко алели ссадины.

— Улыбнитесь, — сказал он. — Вас снимают.

Уитлэм указал пальцем вверх, где на фоне безоблачного неба маячил полицейский вертолет. Машина то исчезала, то появлялась в прогалах между кронами, закладывая широкую дугу. Фальк не был уверен, что их заметили. На это оставалось только надеяться.

Уитлэм вдруг выбросил вперед руку, будто в низком фашистском салюте, и сделал шаг вперед от бревна. В кулаке у него что-то было зажато.

— Не приближайтесь, — сказал он, вертя рукой. Фальк уловил блеск металла, и мозг немедленно завопил: «Оружие!», в то время как глубинные части сознания лихорадочно пытались понять, что именно они видят. Рядом подобрался Рако. Уитлэм по одному разогнул пальцы, и у Фалька перехватило дыхание. Он услышал, как Рако испустил длинный, низкий стон. Это было гораздо, гораздо хуже, чем любое оружие.

Это была зажигалка.

Глава сороковая

Уитлэм щелкнул крышкой, и над зажигалкой затанцевало пламя, ослепительно-белое в полумраке буша. Это была сцена из кошмара. Это был нераскрывшийся парашют, тормоза, не сработавшие на шоссе. Это была зловещая, страшная вещь, и Фальк почувствовал, как страх затапливает его изнутри, иголочками покалывая кожу.

— Скотт... — начал было Фальк, но Уитлэм предостерегающе поднял палец. Это была зажигалка не из дешевых, того типа, которые продолжают гореть, пока их не закроют вручную. Пламя подмигивало и плясало на ветру.

Одним движением Уитлэм потянулся вниз и выхватил из кармана фляжку. Отвернул колпачок и сделал глоток. Наклонил флягу и щедро полил янтарной жидкостью землю вокруг себя. Мгновение спустя в нос Фальку ударили пары виски.

— Можете называть это подстраховкой, — крикнул им Уитлэм. Пламя дрожало и колебалось вместе с его вытянутой рукой.

— Скотт, — проорал Рако, — глупый ты ублюдок. Да ты всех нас этим прикончишь. Включая себя.

— Так застрели меня, если хочешь. Но зажигалку я уроню.

Фальк перенес вес с ноги на ногу, и под ним опять сухо защелкали ветки. Два года без единого дождя, а теперь еще и спирт. Они стояли в коробке со спичками. Где-то у них за спиной лежали город и школа. За пределами видимости, но буш тянулся к ним непрерывной цепью кустарника и сухой травы. Он знал, что пламя понесется вдоль этой цепи со скоростью железнодорожного экспресса. Оно будет прыгать, будет бросаться и пожирать свои жертвы. Оно бросится вверх по склону, как зверь. Оно будет уничтожать живое с нечеловеческой эффективностью.

Рако по-прежнему сжимал направленный на Уитлэма пистолет. Руки у него тряслись. Повернув голову на какой-то миллиметр, он сказал Фальку:

— Рита где-то в городе, — говорил он тихо, сквозь стиснутые зубы. — Прежде чем он все тут спалит, я его застрелю.

Фальк подумал о жене Рако, такой полной жизни и слегка неуклюжей из-за своей беременности, и крикнул:

— Скотт. Нет никаких шансов, что ты выберешься отсюда, если огонь попадет на землю. Ты сгоришь заживо.

На это голова Уитлэма как-то странно дернулась, и он чуть не выронил зажигалку. Фальк резко втянул воздух, а Рако отступил на полшага назад и выругался.

— Господи, да держи уже эту гребаную зажигалку, а? — заорал Рако.

— Просто не подходите, — ответил Уитлэм, которому удалось взять себя в руки. — Пистолет положи на землю.

— Нет.

— У тебя нет выбора. Я брошу.

— Закрой зажигалку.

— Ты первый. Оружие на землю.

Рако замер; палец у него побелел на курке. Потом он неохотно положил пистолет на землю. Фальк его не винил. Он видел, на что способен лесной пожар. Один сосед потерял дом и сорок овец, когда целевой пал вышел из-под контроля. Фальк с отцом тогда обвязали тряпками лица и вооружились ведрами и шлангами, а небо стало черным и красным. Овцы кричали, пока не замолчали. Совсем. Огонь ревел и стонал, как баньши. Это было страшно. Будто им позволили взглянуть на кусочек ада. Сейчас земля была суше, чем тогда. Медленно гореть не будет.

Стоявший перед ними Уитлэм играл зажигалкой. Открыл-закрыл. Открыл-закрыл. Рако следил за его действиями с каким-то зачарованным ужасом, сжав кулаки. Вертолет повис у них над головами, и краем глаза Фальк заметил в отдалении россыпь оранжевых жилетов. Остальных наверняка предупредили, чтобы держали дистанцию.

— Так, значит, сообразили? — Голос у Уитлэма был скорее заинтересованный, чем злой. — Про деньги траста.

Он опять открыл зажигалку и на этот раз оставил гореть. Сердце у Фалька упало. Он старался не смотреть на пламя.

— Да, — сказал он. — Я должен был заметить раньше. Но ты хорошо заметал следы.

Уитлэм хихикнул — странный, сухой звук, немедленно унесенный ветром.

— У меня были возможности потренироваться. Сандра предупреждала меня. Говорила, однажды придется за это расплачиваться. Эй...

Уитлэм помахал в их сторону зажигалкой, и у Рако из горла вырвался какой-то первобытный звук.

— Слушайте. Сандра к этому всему вообще отношения не имеет, понимаете? Ей известно о кое-каких игорных делах, но она понятия не имеет, насколько все плохо. Вообще ни о чем не знает. Вы должны это понять. *Она не знала.* Ни о школьном гранте. Ни о Хэдлерах.

При упоминании Хэдлеров голос у него сорвался, и он резко втянул воздух сквозь зубы.

— И мне так жаль насчет того мальчика. Билли, — произнеся детское имя, Уитлэм поморщился. Опустил взгляд и защелкнул крышку. Фальк впервые позволил себе надеяться.

— Я никогда не думал, что Билли пострадает. Его вообще не должно было там быть. Вы должны мне поверить. Я пытался оградить его. Я хочу, чтобы Сандра это знала.

— Скотт, — сказал Фальк. — Почему бы тебе не пойти с нами и не сказать это Сандре лично.

— Будто она теперь захочет иметь со мной дело. После того, что я сделал. — Щеки у Уитлэма блестели от пота и слез. — Надо было дать ей уйти от меня еще много лет назад, когда она хотела сделать это в первый раз. Пусть бы забрала Даниэль подальше от меня, и жили бы в безопасности. Но я не сделал этого, а теперь слишком поздно.

Он утер лицо рукавом, и Рако воспользовался этой возможностью, чтобы наклониться за пистолетом.

— Но-но! — Не успел Рако коснуться оружия, как пламя опять заплесало у Уитлэма в руке. — У нас все было так хорошо.

— Ладно, — сказал Фальк. — Давайте просто все успокоимся, Скотт. Он за семью боится. Так же, как и ты.

Рако, который так и замер с протянутой за оружием рукой, на лице — маска злости и страха, медленно выпрямился.

— Скотт, она беременна, — сказал он, глядя Уитлэму прямо в глаза. Голос у него сорвался. — Моей жене рожать через четыре недели. Пожалуйста. Пожалуйста, просто закрой зажигалку.

Руки у Уитлэма тряслись.

— Заткнись.

— Все еще можно изменить, Скотт, — сказал Фальк.

— Нельзя. Все не так просто. Ты не понимаешь.

— Пожалуйста, — сказал Рако. — Подумай о Сандре, подумай о Даниэль. Закрой зажигалку и пойдем с нами. Если не ради себя, так хотя бы ради жены. Ради дочки.

Лицо у Уитлэма исказилось; он весь покраснел, и ссадины на щеке приобрели какой-то противный оттенок. Он попытался было глубоко вздохнуть, но грудь у него так и ходила ходуном.

— Это и *было* ради них! — заорал он. — Все это. Вся эта гребаная херня — *ради них*. Я хотел их защитить. Да что мне оставалось делать? *Я видел этот пистолет для гвоздей*. Они заставили меня взять его в руки.

Какой у меня был выбор?

Фальк не был уверен, о чем говорит Уитлэм, но он догадывался. Под накатывающей волной паники он ощущал странную холодность. Может, перед самим собой Уитлэм и сумел оправдать свои действия, но его чудовищные поступки были исключительно его виной.

— Мы приглядим за ними, Скотт. Мы позаботимся о Сандре и Даниэль, — Фальк произнес имена ясно, отчетливо. — Пойдем с нами, расскажешь нам все, что тебе известно. Мы сможем сделать так, чтобы они были в безопасности.

— Вы не *можете*! Вы не сможете защищать их вечно. А я не смогу их защитить вообще. — Теперь он всхлипывал. Пламя вздрогнуло, когда он сильнее сжал кулак, и у Фалька перехватило дыхание.

Он постарался остановить роем кружащие в голове мысли и трезво оценить угрозу. Кайверра, лежащая за их спинами в долине, вместе со всеми своими темными секретами. Школа, скот, Барб и Джерри Хэдлеры, Гретчен, Рита, Шарлот, Макмердо. Он лихорадочно соображал. Расстояния, количество домов, дороги, ведущие в безопасность. Все было бесполезно. Огонь был способен обогнать автомобиль, не говоря уж о человеке.

— Скотт, — закричал он. — Пожалуйста, не делай этого. Дети до сих пор в школе. Твоя дочка тоже там. Мы сами ее видели. Весь этот город — одна пороховая бочка, и ты это знаешь.

Уитлэм глянул в направлении города, и Фальк с Рако быстро шагнул вперед.

— Эй! — рявкнул Уитлэм, размахивая зажигалкой. — Нет. Больше чтобы этого не было. Стойте, где стоите. А то брошу.

— Твоя дочь и все эти дети сгорят заживо, на бегу, — Фальк старался говорить ровным голосом. — Этот город — Скотт, послушай меня, — этот город и все, кто в нем живет, сгорят дотла.

— Да мне медаль гребаную надо дать за то, что я избавлю это несчастное место от страданий. Кайверра — это просто кучка дерьма.

— Может, и так, но дети-то в чем виноваты?

— Детишек они спасут, пожарники туда первым делом поедут.

— Да какие пожарники, ты, придурок? — заорал Рако, указывая на буш, усеянный оранжевыми пятнами. Все они здесь, в лесу, ищут тебя. Мы все погибнем *вместе с тобой*. Если ты бросишь эту зажигалку, мы умрем все, включая твою жену и ребенка. Это я тебе точно говорю.

— Да они и так все равно что мертвы! Я не могу их спасти. Никогда не мог. Лучше это, чем то, что нас ждет.

— Нет, Скотт, это не...

— И этот городишко! Пусть Кайверра горит огнем...

— Сейчас, — заорал Фальк, и они с Рако бросились вперед, растягивая полы своих жилетов, как покрывала, и врезались в Уитлэма, в то время, как он швырнул зажигалку на землю. Белая вспышка обожгла Фальку грудь, когда они падали на землю, и они покатались в хлопающих полами жилетах, скребя по земле сапогами, не обращая внимания на вспыхнувшую боль. Он вцепился Уитлэму в волосы и держал, невзирая на страшную боль, пока волосы не рассыпались в пыль, и в руке — красной, покрывшейся коркой, — не осталось ничего.

Они катались по земле и горели тысячи часов, пока пара рук в толстых перчатках не оттащила Фалька за плечи. У него вырвался звериный вопль, когда пошла трещинами и начала облезать кожа.

На него набросили тяжелое одеяло; на голову полилась вода и он глотал ее, давясь и захлебываясь. Вторая пара рук оттащила его прочь. К губам поднесли бутылку воды, но пить он уже не мог. Он вывернулся, пытаясь уйти от агонии, но кто-то осторожно придержал его, и он закричал, когда боль обожгла все его тело. В ноздрях стояла вонь обожженной плоти; глаза и нос щипало невыносимо, и он все старался сморгнуть едкие слезы и прочистить нос.

Он повернул голову, прижавшись влажной щекой к земле. Рако не было видно: его окружала стена из согнувшихся над ним жилетов. Фальк видел только его сапоги. Они были совершенно неподвижны. Третья группа жилетов окружала что-то бьющееся и орущее на земле.

— Рако, — попытался сказать Фальк, но кто-то опять прижал к его губам бутылку. У него все никак не получалось отвернуться. — Рако, приятель. Ты как?

Нет ответа.

— Помогите ему. — Почему они так медленно двигаются? — Господи, да помогите же ему.

— Шшш, — сказала ему женщина в оранжевом жилете, пока его пристегивали к носилкам. — Мы делаем все, что можем.

Глава сорок первая

Жить будет, сказали ему доктора, когда он очнулся в ожоговом центре Клайда. Но сниматься в рекламе наручных часов пусть даже не надеется. Когда ему разрешили взглянуть на обожженные места, вид собственного тела показался ему завораживающим и отталкивающим одновременно. Вместо молочно-белой плоти была теперь постоянно мокнущая блестящая красная поверхность. Они вновь забинтовали ему руку и ногу, и больше он не смотрел.

Пока он был прикован к постели, к нему приходили посетители. Джерри и Барб принесли с собой Шарлот, Макмердо умудрился протащить банку пива, а Барнс долго сидел рядом с его кроватью, не произнося ни слова. Гретчен так и не пришла. Фальк ее не винил. Когда ему разрешили вставать, большую часть времени Фальк проводил у кровати спящего Рако. Его держали под наркозом, пока заживали страшные ожоги на груди и спине.

Про него доктора тоже сказали, что он будет жить. Но шутить, как с Фальком, не стали.

Рита Рако сидела у кровати мужа, одну руку положив на живот, а другой сжимая здоровую ладонь Фалька. Они молчали. Фальк уже сказал ей, что Рако вел себя храбро, и еще раз спросил доктора, когда тот придет в сознание. Братья Рако прибывали по одному из других штатов. Выглядели они все, как разные варианты одного и того же человека. Жали Фальку руку и суровым тоном говорили своему спящему брату поскорее перестать валять дурака, но было видно, насколько им страшно.

В конце концов Рако открыл глаза, и доктора выставили Фалька из палаты на целые сутки. Вход только для родных. Когда его пустили обратно, Рако ухмыльнулся ему слабой, но такой знакомой усмешкой, насколько позволяли бинты.

— Настоящее крещение огнем, да?

Фальк умудрился выдавить из себя смешок.

— Что-то вроде того. Ты был молодцом.

— Думал о Рите. Но признайся, — тут Рако поманил его поближе. — Ведь был у тебя соблазн спалить Кайверру дотла после всего того, что они с тобой сделали?

Фальк улыбнулся, в этот раз — по-настоящему.

— Никак не мог этого сделать, приятель. В пабе остались ключи от дома.

Уитлэма перевели в госпиталь в Мельбурне, где ему были предъявлены иски по нескольким обвинениям, в том числе в убийстве Люка, Карен и Билли Хэдлеров.

Его почти невозможно было узнать, так сказали Фальку. Волосы загорелись. Повезло, что остался жив. Это еще вопрос, подумал про себя Фальк. В тюрьме ему придется нелегко.

Фалька выписали и отправили поправляться под бдительным надзором Хэдлеров. Барб носилась с ним, как наседка, а Джерри не мог пройти мимо, не пожав руку. Они настаивали, чтобы он как можно больше времени проводил с Шарлот. Рассказывали ей, как он помог ее папе. Помог ее настоящему папе — хорошему человеку, любящему мужу — воскреснуть из небытия.

Их сын был по-прежнему мертв, но, казалось, им каким-то образом стало легче. Они опять могли глядеть людям в глаза, заметил Фальк. Он сходил с ними на кладбище. Могилы были завалены свежими цветами, особенно — могила Люка.

Пока Барб показывала Шарлот букеты и открытки, Джерри с Фальком стояли чуть в стороне.

— Слава тебе, Господи, это никак не было связано с дочкой Дикона, — сказал Джерри. — Я хочу, чтобы ты знал — я никогда не думал... То есть Люк никогда бы...

— Я знаю, Джерри. Не беспокойся ты.

— Как ты думаешь, что с ней произошло?

Фальк издал неопределенный звук. Барб уже шла обратно к ним.

Как только Фальк достаточно окреп, он преодолел пешком весь путь до дома Гретчен. Она опять стреляла кроликов позади дома, и, заметив его, навела на него ружье и держала на прицеле пару секунд дольше, чем следовало бы.

— Гретчен. Прости, — крикнул Фальк еще издали. Поднял вверх руки. — Это все, что я хотел сказать.

Она бросила взгляд на его бинты и опустила оружие.

— Я не навещала тебя в больнице.

— Я знаю.

— Я хотела, но...

— Все в порядке. А ты?

Гретчен пожала плечами, и они замолчали, слушая перебранку какаду в

верхушках деревьев. На него она не смотрела.

— Люк любил Карен, — сказала она наконец. — Правда любил. А до нее — Элли.

Она обвела взглядом поля. Глаза у нее были мокрые.

— Не думаю, что я когда-либо была для него на первом месте.

Фальку хотелось сказать ей, что она не права, но он знал, что она слишком для этого умна.

— А в тот день, когда умерла Элли?

У Гретчен сморщилось лицо.

— Я всегда знала, что Люк солгал ради тебя. — Голос у нее звенел от напряжения, но слезы все равно текли по лицу. — Потому что он был со мной.

— Ты слышал? — Гретчен открыла глаза и сощурилась на солнце, пронизывавшее кроны деревьев. Сухая трава щекотала ей спину.

— Что слышал?

Когда Люк говорил, его дыхание щекотало ей шею. Он не двинулся с места. Волосы у него до сих пор были влажные, а голос — сонный, глуховатый. Гретчен было привстала, но его обнаженная грудь придавила ее к земле. Их скомканная одежда валялась тут же, на земле.

Перед тем, как нырнуть в прохладную воду, они разделись до нижнего белья. Сквозь воду Гретчен ощутила жар его тела, когда он, крепко целуя, прижал ее к берегу. От белья они быстро избавились, и теперь оно сохло на плоском камне у реки.

Река в последнее время поднялась, и вода рокотала на перекатах ниже по течению. И все же Гретчен опять услышала звук. Сухой щелчок, раздавшийся со стороны деревьев. Она замерла. Еще один.

— О, черт, — прошептала она. — Кажется, кто-то идет.

Оттолкнув Люка, она села, морщась и моргая.

— Давай скорей. — Она швырнула в него джинсами и начала застегивать на себе лифчик, торопясь и попадая не туда. — Одевайся.

Люк широко зевнул и рассмеялся при виде ее выражения.

— Ладно, ладно, уже одеваюсь.

Неторопливо натянул свои «боксеры», проверив, не вывернуты ли они наизнанку. От тропы их отделяло некоторое расстояние и густая рощица эвкалиптов, но теперь уже они оба отчетливо слышали звук шагов.

— Пожалуйста, надень уже свои штаны, — попросила Гретчен, натягивая рубашку и встряхивая влажными волосами. — Нам надо идти. Это может быть кто угодно. Может, мой папа.

— Это уж вряд ли, — сказал Люк, но джинсы натянул. Потом рубашку и кеды. Они с Гретчен стояли плечом к плечу и напряженно вглядывались сквозь густой полог листвы.

Гретчен чуть не рассмеялась, когда среди деревьев показалась тонкая фигурка.

— Господи, да это всего лишь Элли. У меня из-за нее чуть инфаркт не случился. — Тут до Гретчен дошло, что она все еще говорит шепотом.

Элли шла быстро, опустив голову.

У реки она остановилась. Несколько мгновений глядела на несущуюся мимо воду, прижав руку ко рту, потом отвернулась.

— Она что, одна сюда пришла? — спросила Гретчен, но река заглушила ее голос. На секунду ей показалось, что она опять слышит хруст, но тропа позади Элли была пуста.

— Да какая разница, — Люк говорил шепотом. — Ты права. Нам надо уходить.

Он положил руку ей на плечо.

— Зачем? Давай поздороваемся.

— Неохота мне связываться. Она в последнее время какая-то странная. Кроме того, я еще весь мокрый.

Гретчен взглянула вниз. Мокрый лифчик просвечивал сквозь ткань рубашки.

— И что? Я тоже.

— Давай просто уйдем.

Гретчен посмотрела на него. Вода смыла запах секса, но по его лицу и так все прекрасно было видно.

— И почему именно тебе не хочется, чтобы она нас видела?

— Да плевать мне, если она нас увидит, Гретчен. — Но он до сих пор говорил шепотом. — Просто она — вечно надутая сучка. Меня сегодня на это просто не хватит.

Он повернулся и начал молча пробираться между деревьев, прочь от Элли. Дорожку, по которой она пришла, он проигнорировал, выбрав вместо этого узенькую тропинку, ведущую обратно, к ферме родителей Гретчен. Гретчен шагнула было за ним, потом обернулась на Элли. Та сидела на корточках у дерева странной формы, опираясь рукой на скалу.

— Что это она делает? — спросила Гретчен, но Люка уже не было рядом.

Когда я узнала, что она собрала камни, чтобы набить себе карманы, я не спала три ночи. — Гретчен высморкалась в салфетку.

— Я же ее видела. Если бы я подошла к ней, может, мне удалось бы ее остановить. Но я этого не сделала. — Говорила она еле слышно, сквозь слезы. — Я ушла. Уж конечно. Ради Люка.

Гретчен вскоре догнала его на тропинке.

— Эй! — Она потянула его за руку. — Что происходит?

— Ничего, детка. — Он взял ее за руку, но не остановился. — Просто мне уже пора домой.

Гретчен отдернула руку.

— Знаешь, ей и так известно, что мы вместе. То есть Элли. Это не секрет.

— Да, детка, конечно, знаю.

— Так почему ты не захотел, чтобы она нас видела? Почему так важно, чтобы другие не знали, что у нас теперь все серьезно?

— Это совершенно не важно. Давай, хватит об этом, — сказал Люк, но остановился и повернулся к ней. Наклонился, чтобы поцеловать. — Слушай, да неважно это. Но то, что у нас есть, — это так здорово. Мне просто не хотелось это разбазаривать. Только ты и я.

Она сделала шаг назад.

— Да, конечно. А настоящая причина? Думаешь, можешь найти кого-то получше?

— Гретч, да ладно тебе.

— В этом дело, да? Потому что, если оно так и есть, то Элли тут, неподалеку...

Люк застонал и пошел дальше.

— И ребят вокруг тоже полно, кто не против...

— Ну не надо так, — сказал он, не оборачиваясь. Она смотрела ему вслед. Как же она любила эти плечи.

— Так что тогда?

Он не ответил.

Тропинка вывела их к загону позади фермы ее родителей. Остаток пути они проделали в молчании. Гретчен знала, что матери и сестры до сих пор еще не было дома. Судя по звукам, отец копался в заднем амбаре.

Люк вскочил на велосипед, который оставил прислоненным к дереву. Протянул ей руку, и, поколебавшись, она ее приняла.

— Мне хочется, чтобы некоторые вещи оставались между нами, — сказал он, глядя ей в глаза. — Но какой смысл, если каждый раз ты начинаешь строить из себя принцессу?

Он наклонился к ней для поцелуя, но она отвернулась. Мгновение он

смотрел на нее, потом пожал плечами. Когда он покатил прочь, она расплакалась.

Гретчен позволила слезам красиво струиться по лицу ровно столько времени, сколько ей понадобилось, чтобы понять — возвращаться он не собирается. Сердито смахнув слезы, она бросилась в дом, где никого не было. Подхватила ключи от грузовичка, который использовали по хозяйству. На права она пока не сдала, но по полям, бывало, ездила часами.

Быстро усевшись за руль, Гретчен поехала вслед за Люком. Да как он смеет так с ней обращаться? Вот он едет на своем велосипеде, уже за перекрестком. Она сбросила скорость, не зная еще, что она ему скажет, когда догонит. Впереди дорогу неспешно пересекала другая машина, и она слегка нажала на тормоз. Секунду спустя она пронеслась через перекресток на своем белом пикапе.

Люк Хэдлер не смеет так с ней разговаривать, сказала она себе. Она заслуживает лучшего. Люк внезапно дернул руль влево, и на какую-то секунду у нее оборвалось сердце: ей показалось, что он сворачивает назад, где была река — и Элли. Господи, если он это сделает, подумалось ей, она его точно убьет. Она ехала за ним, выдерживая дистанцию и затаив дыхание. В последний момент он притормозил и направил велосипед на подъездную дорожку собственного дома.

Гретчен остановила пикап на некотором расстоянии и смотрела, как он открывает входную дверь и исчезает в доме. Позади дома его мать развешивала белье. Она развернула пикап и проревела всю обратную дорогу.

— Когда я услышала, что Элли так и не вернулась домой, я пошла к реке, чтобы самой все проверить. Я наполовину ожидала, что найду ее, свернувшуюся где-нибудь в спальном мешке, чтобы не попадаться лишний раз на глаза папаше. Но ее там не было, никаких следов, — Гретчен прикусила ноготь. — Мы с Люком тогда поспорили, не нужно ли нам обо всем рассказать. Но на тот момент мы еще не очень беспокоились, понимаешь? Она к тому времени стала настолько замкнутой, что я честно думала — когда она будет готова, то появится сама.

Она немного помолчала.

— Мне даже в голову не приходило, что она может быть там, в реке.

Она повернулась и посмотрела на Фалька.

— Когда они сказали, что она утонула, я не могла себя простить. Почему мы не остались, не поговорили с ней? Я же тогда подумала, может, что-то не так, и все равно ушла. Как же мне было стыдно. Я просто не

могла ни с кем разговаривать. Заставила Люка пообещать никому не рассказывать о том, что мы ее видели. Не хотелось, чтобы кто-то узнал, как сильно мы ее подвели.

Гретчен вытерла глаза.

— Потом, когда, казалось бы, хуже уже быть не может, все стали вдруг тыкать пальцем в тебя. Даже Люк, и тот испугался. Если они думают, что в этом замешан ты, что они скажут, если узнают, что мы сами там были? И Люк придумал этот план. Он скажет, что вы с ним были вместе. Это поможет тебе, поможет нам. А я буду до конца жизни притворяться, что меня там и вовсе не было. Что я не пошла за Люком, когда должна была пойти к ней.

Фальк достал из кармана чистую салфетку и протянул Гретчен. Она, слабо улыбнувшись, взяла.

— Ты не в ответе за то, что случилось с Элли Дикон, — сказал он.

— Может, и так. Но я могла сделать куда больше. — Она пожала плечами и высморкалась в салфетку. Не знаю, что у меня был за пунтик насчет Люка. Он не был плохим парнем, но для меня он совершенно точно был плох.

Некоторое время они просто стояли рядом и смотрели вдаль, на поля, тянувшиеся до самого горизонта, и видели совсем другое. Фальк сделал глубокий вдох.

— Слушай, Гретчен, не мое это дело, но Джерри, и Барб, и Шарлот, они...

— Люк — не отец Лэчи.

— Но если...

— Аарон. Пожалуйста. Просто прекрати. — Она подняла на него свои синие глаза, но тут же отвела опять.

— Ладно. — Он кивнул. Он попытался. Достаточно. — Все в порядке, Гретчен. Но они — хорошие люди. И столько потеряли. Как и ты. Если есть шанс спасти хоть что-то из всего этого несчастья, тебе нужно этим воспользоваться.

Она ничего не ответила, только молча смотрела на него в ответ, безо всякого выражения. Наконец, он протянул ей руку, ту, которая не пострадала. Она посмотрела на нее, а потом, к его удивлению, вдруг его обняла. Не флиртуя, даже не по-дружески — просто, наверное, мирные объятия.

— Увидимся еще лет через двадцать, — сказала она.

В этот раз он подумал, что она, должно быть, права.

Глава сорок вторая

Родной дом казался даже меньше, чем помнилось Фальку. Меньше, чем в детстве, и меньше, чем неделю назад. Он двинулся дальше, мимо, по направлению к реке, по границе фермы. Возможность увидеть хозяев еще раз его не пугала.

Макмердо, навестивший его в больнице, фыркая, рассказывал, что многие в Кайверре очень быстро сменили пластинку. Начали вдруг активно высказывать свое неодобрение насчет этих листовок.

Это ж было двадцать лет назад, бога ради. Что было, то быльем поросло, и все такое.

Фальк брел через поля, и в голове у него медленно прояснялось. Двадцать лет — это двадцать лет, но от каких-то вещей так просто не отмахнешься. Элли Дикон. Она была жертвой этого города, больше, чем кто-либо другой. Жертвой здешних тайн, и страха, и лжи. Тогда она нуждалась в ком-то. Может, в нем, и он ее подвел. Существовала опасность, что из-за всего произошедшего люди забудут в первую очередь именно о ней. Как чуть не забыли о Карен. И о Билли.

Но не сегодня, подумал Фальк. Сегодня он будет вспоминать Элли, в том месте, которое она любила. Когда он добрался до дерева-скалы, солнце уже начало клониться к закату. До конца марта оставалось всего ничего. Неистовая летняя жара скоро начнет спадать. Поговаривали, что этой зимой засуха, наконец, должна была переломиться. Ради них всех он надеялся, что на сей раз это окажется правдой. Реки все так же не было. Ему хотелось думать, что в один прекрасный день она вернется.

Присев на скалу, Фальк достал из кармана захваченный с собой перочинный нож. Нашел то место, с которого открывалась потайная расщелина, и начал вырезать. Маленькими буквами: Э.Л.Л. Нож был тупым, и дело двигалось медленно, но он довел его до конца. Сел, откинувшись спиной на скалу, и отер со лба пот. Довольный своей работой, провел пальцем по вырезанным инициалам. От того, что он долго стоял на коленях, обожженная нога, казалось, опять была вся в огне.

Боль внезапно навела его на мысль. Кряхтя от натуги, он повернулся и запустил руку в расщелину, нащупывая старую зажигалку, которую оставил тут в прошлый раз. Ностальгия — это одно дело, но после недавних событий ему не хотелось вводить кого-либо в соблазн случайной

находкой.

Фальк помнил, что засунул зажигалку достаточно глубоко, но сперва ему не удавалось нашарить здоровой рукой ничего, кроме пыли и листьев. Он потянулся глубже, напрягая пальцы. Указательным пальцем нащупал металл зажигалки, и в тот же момент его мизинец наткнулся на что-то мягкое, но плотное. Он рефлекторно отдернул руку, нечаянно оттолкнув зажигалку. Раздраженно потянулся под камень опять, и ему снова попался тот же самый предмет. Податливый, но грубый на ощупь и довольно крупный. Явно искусственный.

Фальк заглянул в расщелину. Не смог ничего разглядеть и было заколебался. Потом подумал о Люке, об Уитлэме, и об Элли, и обо всех этих людях, которые пострадали из-за похороненных кем-то тайн. Хватит.

Фальк сунул руку в расщелину и шарил там, пока ему не удалось как следует подцепить предмет. Потянул — предмет явно застрял, — потянул сильнее и хлопнулся на спину, когда то, что лежало внутри, внезапно освободилось. Предмет больно стукнул его по груди. Фальк посмотрел на то, что держал в руках, и чуть не ахнул. Это был фиолетовый рюкзак. Весь покрытый пылью и паутиной, но Фальк немедленно его узнал. Да если бы даже и не узнал, он все равно понял бы, кому принадлежала эта вещь. Кроме него, только один человек знал о расщелине в дереве-скале, и секрет этот утонул вместе с ней.

Фальк открыл рюкзак. Достал и положил на землю пару джинс, две футболки, джемпер, шляпу, нижнее белье, небольшую косметичку. Еще там был кошелек с закатанным в пластик удостоверением личности. Девушка на фотографии была немного похожа на Элли Дикон. «Шарна Макдональд», — было написано в карточке. Девятнадцать лет. Пачка денег — десятки, двадцатки, даже пара полтинников. Скучные, трудные сбережения.

На самом дне лежал еще один предмет, двадцать лет назад, при сборах, аккуратно завернутый в дождевик. Он взял его и долго просто держал в руках. Потрепанная обложка, загнутые уголки, но записи внутри — черным по белому — оставались все такими же четкими. И их можно было прочитать. Дневник Элли Дикон.

Он назвал ее именем ее матери, в тот раз, когда ударил впервые. Глаза у него были мутные, и ей было понятно, что слово выскользнуло случайно, скользкое, как масло, когда его кулак врезался ей в плечо. Он был пьян, ей было четырнадцать, на вид еще не женщина, но уже и не ребенок. Фотография ее матери давно уже исчезла с каминной полки, но ее черты,

такие характерные, все равно были все время перед глазами обитателей фермы. Тем яснее, чем старше становилась ее дочь.

Он ударил ее тогда один раз. Потом, спустя долгое время, это случилось опять. Потом опять. И опять. Она попыталась было разбавить ему выпивку. Он понял сразу, с первого глотка, и больше этой ошибки она не совершала. Дома она носила топики, которые не скрывали ее синяки, но ее двоюродный брат Грант только включал телевизор погромче и делал ей замечание «не провоцировать своего старика». В школе дела шли все хуже. Если учителя и обращали на это внимание, то, как правило, отпускали только резкие замечания насчет ее неспособности сосредоточиться. Они никогда не спрашивали почему.

Элли сделалась молчаливее и открыла, наконец, для себя, что оба ее родителя находили в выпивке. Девочки, которых она считала подругами, начали странно на нее поглядывать и перешептываться за ее спиной. У них и у самих было достаточно проблем — кожа, вес, мальчишки, — а тут еще Элли портит им репутацию. Пара тактических маневров в девичьем духе, и Элли обнаружила, что она, в общем-то, одна.

Как-то воскресным вечером она была в Сентинери-парке, одна. В сумке у нее была бутылка, и идти ей было особо некуда. И тут она заметила на скамейке две такие знакомые фигуры, смеющиеся тишком. Аарон и Люк. Элли Дикон охватило какое-то теплое чувство, будто она наткнулась на что-то давно забытое, но когда-то очень дорогое.

Всем им понадобилось привыкнуть к новому положению вещей. Мальчишки смотрели на нее так, будто видят впервые. Но ей это нравилось. В ее жизни появилось два человека, которые, для разнообразия, делали то, что она им говорит, а не наоборот. И это ее полностью устраивало.

Когда они были помладше, ей больше нравился Люк, с его живостью и вечной бравадой, но теперь ее все больше тянуло к стеснительному и задумчивому Аарону. Конечно, Люк был совершенно не похож на ее отца и двоюродного брата, она это прекрасно понимала. Но все же никак не могла отделаться от чувства, будто где-то глубоко внутри он все же не так уж сильно от них отличается. Она чуть ли не с облегчением вздохнула, когда появилась ослепительная Гретчен с ее неотразимым зовом сирены и — по крайней мере отчасти — отвлекла на себя внимание Люка.

Некоторое время все было хорошо. Больше времени с друзьями — меньше времени дома. Она устроилась на работу и на горьком опыте научилась как следует прятать свои сбережения от отца и брата, вечно

страдающих от нехватки наличных.

Она стала счастливей и забыла осторожность. Стала иногда отвечать. И вот она уже лежит лицом — которое в шестнадцать так напоминает лицо ее матери — в диванную подушку, язвительный рот наглухо заткнут, и никак не может вдохнуть. Когда он ее отпустил, она думала уже, что теряет сознание.

Месяц спустя она отчаянно цеплялась за руки отца, пытаясь содрать с лица грязное кухонное полотенце. Когда, наконец, он ее отпустил, то первый ее отчаянный вдох пах перегаром из его рта. Именно в этот день Элли Дикон бросила пить. Потому что в этот день она решила, что убежит. Не сразу, из огня да в полымя. Но скоро. А для этого ей понадобится ясная голова. Пока еще не поздно.

Катализатором стала одна темная ночь, когда она проснулась у себя в комнате от того, что он навалился на нее всем весом; его пальцы впивались в нее повсюду. Вспышка боли, и имя ее матери, промямленное ей в ухо. Наконец, какое счастье, ей удалось его оттолкнуть, и, уходя, он крепко приложил ее головой о спинку кровати. В утреннем свете она провела рукой по вмятине в изголовье кровати и потихоньку попыталась оттереть пятно крови с ковра. Болела голова. К горлу подкатили слезы. Она и не знала, где у нее болит сильнее всего.

Когда на следующий день Аарон нашел ту расщелину в дереве-скале, это было будто знак свыше. Беги. Тайное, никому не известное место, где можно спрятать рюкзак. Идеально. Впустив в себя искорку надежды, она поглядела Аарону в лицо и впервые поняла, насколько сильно ей будет его не хватать.

Они поцеловались, и ей было лучше, чем она когда-либо надеялась. Пока он не прикоснулся к ее затылку. Она дернулась от боли. Подняла взгляд и увидела, какое смятенное у него стало лицо. В тот момент она ненавидела отца, пожалуй, сильнее, чем когда-либо.

Ей так хотелось сказать Аарону. Много раз. Но из всех эмоций, кипевших внутри Элли Дикон, самой сильной был страх.

Она знала, что не одинока в своем страхе перед ее отцом. За любой направленный против него поступок, реальный или воображаемый, он мстил, быстро и жестоко. Ей случалось видеть, как он сыплет угрозами, а потом их осуществляет. Делает так, чтобы люди были ему обязаны. Отравляет поля. Давит машиной собак. Если смотреть правде в глаза, Элли Дикон знала: она не может положиться ни на одного человека в Кайверре. Никто не осмелится выступить против ее отца.

Поэтому она придумала план. Подсчитала накопленные деньги и

потихоньку собрала рюкзак. Спрятала у реки, там, где вещи точно никто не найдет. Они будут ждать ее там, когда она будет готова. Зарезервировала номер в мотеле за три города от Кайверры. Ее спросили, на чье имя зарезервировать номер, и она автоматически назвала то единственное имя, которое ассоциировалось у нее с безопасностью. Фальк.

Она написала имя и выбранную ею дату на клочке бумаги и сунула в задний карман джинсов. Талисман на удачу. Памятка, чтобы не сдаваться. Ей придется бежать, но шанс у нее будет только один. Если папа узнает, он меня убьет.

Это были последние слова, написанные ею в дневнике.

Когда Дикон вошел в дом, обедом там и не пахло, и он ощутил вспышку раздражения. Прицельным пинком он сбросил с дивана ноги племянника, обутые в башмаки.

— И где, на хрен, жратва?

— Элли еще со школы не вернулась.

Дикон выудил банку пива из упаковки, стоявшей у Гранта под боком, и прошел внутрь дома. Стоя на пороге спальни дочери, Дикон глотнул из банки. Это была не первая его банка за день. И не вторая.

Его взгляд метнулся к кровати. Вмятина в изголовье, темное пятно внизу, на розовом ковре. Дикон ощутил, как в животе тяжелеет холодный ком. Здесь случилось что-то плохое. Он все смотрел на вмятину в изголовье кровати, и из глубин памяти начало было выползать странное, кошмарное воспоминание. Он сделал долгий глоток, потом еще один, еще и еще, пока воспоминание не скрылось опять в туманной глубине. Вместо этого он позволил алкоголю разнести по венам щупальца гнева.

Его дочь уже должна была быть здесь, а ее нет. Она должна была быть здесь, с ним. Может, она запаздывает, едва прошептал голос разума. Но нет, видел он этот взгляд, которым она смотрела на него в последнее время. Он прекрасно знал этот взгляд. Тот же взгляд, который он видел уже пять лет назад. Взгляд, который говорил: «Ну все. Прощай».

Внутри у него поднялась обжигающая, ядовитая волна, и вот он уже пинком распахивает дверцы платяного шкафа. Рюкзака на обычном месте нет. Пустые места на полках, среди аккуратно сложенной стопочками одежды. О, Дикон знал эти признаки. Все эти штучки у него за спиной. Секреты. Один раз он их уже упустил. Больше этого не повторится. Один за другим он опустошал ящики на пол, капая на пол пивом, роясь в поисках подсказок. Вдруг он замер. Его пронзила холодная уверенность: он знал, где

она. В том самом месте, куда бегала ее гребаная мать.

Сучка, маленькая сучка.

Шатаясь, он вернулся в гостиную, вздернул протестующего Гранта на ноги и сунул ему ключи от машины.

— Мы едем за Элли. Ты поведешь.

Сучка, маленькая сучка.

Они прихватили с собой еще пару жестянок, на дорожку. Солнце уже наливалось оранжевым, когда они тряслись по проселку по направлению к дому Фальков.

— Вон она, — ткнул пальцем Дикон. — К реке идет.

— Ни хрена не вижу, — нахмурился Грант, но пикап остановил.

Дикон выскочил из машины и бросился через поле, потом по дорожке под деревьями, далеко обогнав племянника. Он бежал, спотыкаясь, и глаза у него застилала красная пелена.

Когда он ее догнал, она стояла, наклонившись к дереву странной формы. Элли слишком поздно услышала шум и подняла глаза. Идеальное «о» ее раскрытого в удивлении рта исказилось, когда он схватил ее за волосы, и она закричала.

Сучка, маленькая сучка.

Нет, она не уедет. В этот раз, на хрен, она никуда не уедет. Но она все извивалась, и ее трудно было держать. Так что он стукнул ее как следует по затылку. Не удержавшись на ногах, она со стоном упала назад, на самый берег реки, так, что затылок и плечи окунулись в темную воду. Она глядела на него тем взглядом, который был так хорошо ему известен, и он ударил ее в подбородок, так, чтобы вода закрыла это лицо.

Когда она поняла, что происходит, она пыталась бороться. Он, не отрываясь, глядел в свои собственные глаза, отражавшиеся в темной воде, и держал ее крепче.

Ему пришлось пообещать Гранту ферму, пока они собирали по берегу камни, чтобы нагрузить ей карманы, а то она все время всплывала. Выбора у него не было. Особенно когда племянник нашел ту записку с именем Фалька у нее в кармане. И сообразил, что полезно будет оставить этот предмет у Элли в комнате. Они искали, пока не стало совсем темно, но рюкзак так и не нашли.

И только потом, гораздо позже, когда он лежал той ночью один — и еще многими, многими ночами, — Мэл Дикон гадал, действительно ли он собирался удерживать свою дочь под водой так долго.

Если папа узнает, он меня убьет.

Дочитав последние слова Элли, Фальк еще долго сидел, глядя в пустое ложе реки. Наконец он закрыл дневник и положил обратно в рюкзак вместе с остальными вещами. Встал и забросил рюкзак на плечо. Над эвкалиптами-призраками ярко сияли звезды. Он был совершенно спокоен. Дорогу он знал. Он шагал обратно к Кайверре. Поднимался, дыша прохладой, ветер.

Примечания

1

Риппл-кейк — традиционный австралийский торт с очень простым рецептом. Существует, конечно, множество вариантов, но в основе это шоколадное печенье, сложенное стопочкой и промазанное (и обмазанное) сливочным кремом. На срезе получаются симпатичные полоски, или «рябь» — *girple*. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Приятель (австралийское *mate*) — типичное австралийское словечко, обращение к мужчине. Что-то вроде «приятель» или «дружище». Заметим, что бармен-шотландец обращается к остальным совершенно по-другому.

3

Австралийская вдова (англ. *Redback*) — один из немногих видов пауков, укус которых крайне болезнен и опасен для человека, в особенности укус самки. Пауков отличает характерная черная окраска с ярко-красной отметиной в форме песочных часов на спине.

4

Молочный бар (англ. *Milk bar*) — что-то вроде помеси кафе и магазинчика на углу в сельской Австралии. Центр общественной жизни. Впервые молочные бары появились в Индии в 1930-е годы и быстро распространились по всему англоязычному миру. В свое время их рассматривали как здоровую альтернативу пабам. В наши дни «выжили» только в Австралии — в прочих местах их вытеснили «Макдоналдсы»,

моллы и тому подобное.

5

Винный магазин (англ. bottle shop, дословно — бутылочный магазин) — так в Австралии называются заведения, торгующие, в отличие от пабов, спиртным навынос.

6

«Избавление» (англ. Deliverance) — культовый американский триллер 1972 года. Четверо горожан, мнящих себя покорителями природы, решают пойти в поход по американской глубинке, и двое из них, попав в руки сельских бандитов, подвергаются унижениям и пыткам, в том числе изнасилованию.

7

Футскрей — один из окраинных районов Мельбурна, исключительно пестрый по национальному составу. Поочередно являлся центром греческой, итальянской, югославской, вьетнамской и восточноафриканской диаспор. Здесь полно рынков, национальных ресторанчиков, баров и пр.

8

Сестричества, созданные когда-то по аналогии со студенческими братствами, созданными, в свою очередь, по аналогии с масонскими ложами, — характерная примета студенческой жизни в англоязычном мире, особенно — в Северной Америке. Братства и сестричества занимаются организацией жизни студентов, общественно-полезными делами, в частности устройством вечеринок и попоек. Названия складываются, как правило, из 2–3 букв греческого алфавита, а сами общества имеют систему тайных знаков, рукопожатий и ритуалов. Связи,

которыми обзаводятся в этих организациях, зачастую остаются на всю жизнь и, бывает, служат основой для карьеры в не меньшей степени, чем собственно образование.

9

Тигровая змея — вид ядовитых змей, водящихся в Австралии, с характерной окраской. Вероятность смертельного исхода при не оказанной вовремя медицинской помощи — 40–60 %.